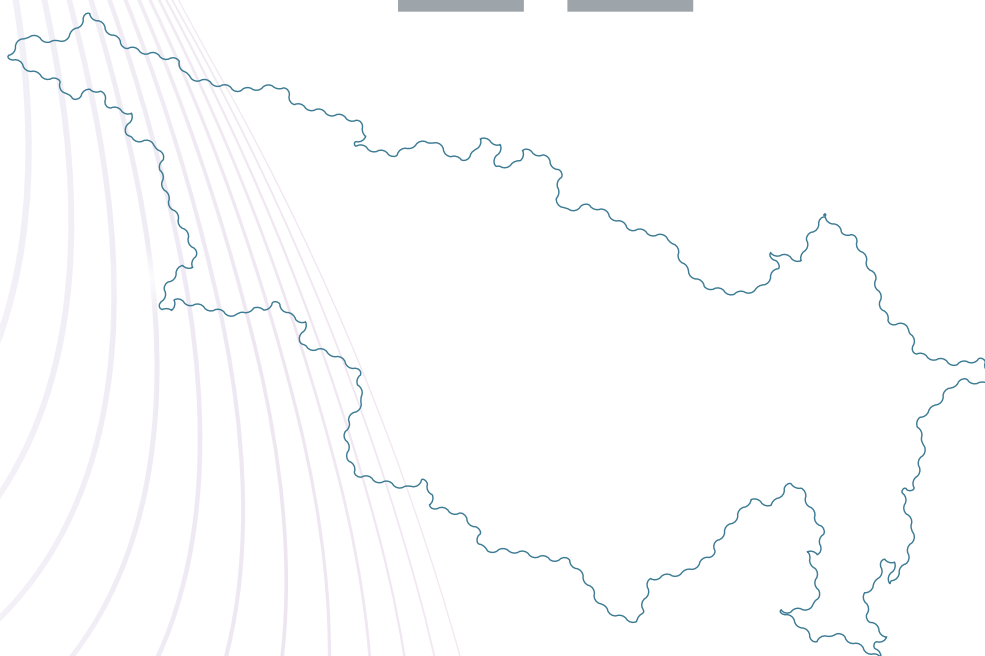

МОНОГРАФИЯ

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ
МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА
на **ЮЖНОМ**
КАВКАЗЕ

20 22

Монография «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе» разработана представителями экспертного, академического и общественного сообщества Азербайджана, Армении и Грузии, членами платформы «Региональные экспертные дискуссии», созданной в рамках проекта «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе».

АВТОРАМИ ИЗДАНИЯ СТАЛИ:

АЛИ АБАСОВ
Азербайджан

АЛЕКСАНДР РУСЕЦКИЙ
Грузия

АРЗУ АБДУЛЛАЕВА
Азербайджан

ОЛЬГА ДОРОХИНА
Грузия

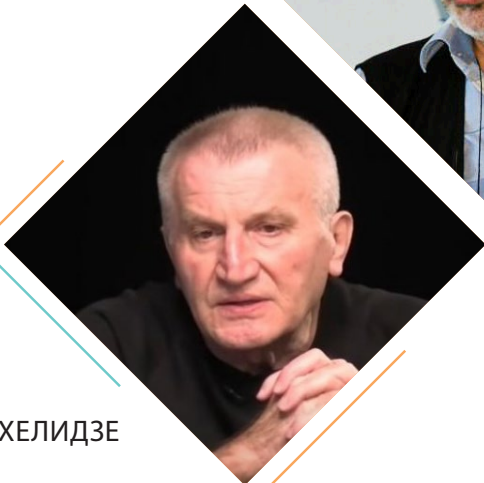
БОРИС НАВАСАРДЯН
Армения

ТЕМУР ЧИЛАЧАВА
Грузия

ДЕМУР ГИОРГХЕЛИДЗЕ
Грузия

ВАХТАНГ МАИСАЯ
Грузия

О ПРОЕКТЕ “РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ”

Проект “Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе”, в рамках которого была разработана Монография «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе», был реализован грузинской неправительственной организацией Женский информационный центр и поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества - проектом Германского фонда Маршалла США (Black Sea Trust for Regional Cooperation - a Project of the German Marshall Fund of the United States, финансируемого Европейской комиссией.”

Целью проекта стало создание платформы для проведения прямого диалога между армянскими и азербайджанскими миротворцами, а также разработка участниками данного формата совместного документа и рекомендаций по уменьшению угроз и увеличению мер по восстановлению доверия в гуманитарных, социальных, экономических, политических и военных измерениях в регионе Южного Кавказа.

В результате сформировалась миротворческая платформа «Региональные экспертные дискуссии», участниками которой стали представители экспертного, академического и общественного сообщества 3-х стран - Азербайджана, Армении и Грузии:

Азербайджанская группа: Зардушт Ализаде - директор Школы журналистики; Эльдар Намазов - Центр международных и стратегических исследований, политолог; Али Абасов - профессор, заведующий кафедрой социологии и права Азербайджанской национальной академии наук и философии; Ульви Таиров - Хельсинская гражданская ассамблея и Арзу Абдуллаева-Хельсинская гражданская ассамблея.

Армянская группа: Георгий Ванян - председатель Кавказского центра миротворческих инициатив; Юрий Манвелян - журналист; Самвел Меликсетян, эксперт по вопросам демаркации границ, исследователь; Борис Навасардян - президент Ереванского пресс-клуба, политический аналитик; Зара Арутюнян-журналист.

Грузинская группа: Александр Русецкий - доктор психологических наук, докторант политических наук Кавказский международный университет, член Международной Ассоциации Политической Психологии; Вахтанг Маисая - политолог и военный эксперт, бывший советник Представительства Грузии в НАТО; Темур Чилачава - профессор, доктор физико-математических наук, Президент Цхум-абхазской академии наук; Ольга Дорохина- доктор философии, Кавказский международный университет, Кавказская лаборатория геополитического моделирования.

В рамках проекта прошло 9 раундов региональных экспертных дискуссий, которые были посвящены вопросам, касающимся ситуации в регионе после 44 дневной войны в Карабахе; обсуждению сценариев развития событий, анализу возможных рисков разгорания новых очагов напряженности; использованию инновационных разработок по определению общих угроз и созданию общей системы безопасности для региона в целом.

В результате каждая группа платформы представила свою часть документа: Монография «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе» на совместной встрече членов Региональных экспертных дискуссий в Тбилиси, Грузия. Данная встреча стала заключительной в рамках проекта и в ней приняли участия как члены платформы, так и женщины правозащитницы, миротворцы трех стран Южного Кавказа, которые обсудили вопросы реализации повестки дня Резолюций СБ ООН «Женщины, мир и безопасность» в регионе.

Монография «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе» - это первый совместный продукт экспертов Азербайджана, Армении и Грузии после завершения 44дневной войны в Нагорном Карабахе в 2020 году.

Документ был одобрен всеми сторонами формата, а его содержание и рекомендации, направлены на восстановление доверия, развитие новых методов мирного активизма и сосуществования в регионе.

Проект «Развитие методов миростроительства на Южном Кавказе» заложил основу для заинтересованных сторон, начать и добиться процесса устойчивого миростроительства в регионе Южного Кавказа.

Издание посвящено памяти погибшего от COVID-19 члена платформы, миротворца и правозащитника, Георгия Ваняна.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ - автор Али Абасов, Арзу Абдуллаева.	6
● Обзор текущей ситуации	7
● Факторы конфликта..	17
● Предложения по укреплению доверия между сторонами конфликта...	18
● Рекомендации..	20
2 ПРЕДЛОЖЕНИЕ АРМЯНСКИХ ЭКСПЕРТОВ - автор Борис Навасардян	22
● Факторы конфликта..	23
● Предложения по укреплению доверия между сторонами конфликта..	
● Рекомендации...	
3 ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ ЭКСПЕРТОВ	
● Ресурсы геополитического моделирования для миротворчества	
● Большой Кавказ – авторы Александр Русецкий, Ольга Дорохина	
● Перспективы экономического развития Грузии и значение энергетического и транспортного потенциалов- автор Демур Гиоргхелидзе	
● Оценка возможностей прикладной математики для обеспечения миротворческих процессов- автор Темур Чилачава	
● Война за Нагорный Карабах и ее геостратегические последствия для региона и для мировой политики (краткое исследование)- автор Вахтанг Маисая	
● «Лживые новости» (fake-news) и информационная гражданская война (information civil war) – негативный эффект в освещении со стороны медиа в Грузии: «Красная пропаганда» как риск для стратегической коммуникации- автор Вахтанг Маисая	

АЗЕРБАЙДЖАН

ОБЗОР ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ:

Начиная с 2016 года, процесс армяно-азербайджанского миротворчества под воздействием участвующих военных столкновений начинает затухать. Этому способствовали также рост авторитаризма и военных способов разрешения конфликтов в мире и, наконец, пандемия, разрушившая коммуникации и связи между участниками многочисленных переговорных процессов и отодвинувшая на время все остальные проблемы на второй план.

В этих условиях нагнетания напряженности между двумя странами произошло не только резкое снижение миротворчества, переход ряда участников этого процесса на позиции противостояния, но и определенное снижение интереса мировой общественности к конфликтам, повлекшее сворачивание многих проектов и их финансирования.

Так, созданный в 2009 году Независимый Гражданский Минский Процесс (НГМП) вел параллельные официальные переговоры и консультировался напрямую с сопредседателями Минской группы. К примеру, известное положение о промежуточном статусе Нагорного Карабаха было подхвачено участниками НГМП, одновременно работающими в международной группе азербайджанских и армянских экспертов под фасилитацией американского и российского сопредседателей постоянно действующей Дартмутской конференции (2001 - 2006), затем это положение было принято официальными лицами. К сожалению, из-за отсутствия политической и финансовой поддержки группа НГМП потеряла свое влияние.

Одним из негативных последствий отсутствия поддержки стал разрыв между поколениями миротворцев. Произошел вынужденный отход целого поколения экспертов переговорного процесса без подготовки соответствующей смены, которая переняла бы предыдущий опыт.

В определенном смысле после 44-дневной войны миротворческий процесс приходится начинать с «чистого листа» и силами поколения, не имеющего опыт совместного проживания армян и азербайджанцев в национально толерантной среде. Придется заново отстраивать такие факторы, как доверие, вновь составлять глоссарий и топонимику переговорного процесса и т. д.

Если в начале и середине 2021 года ситуация между Арменией и Азербайджаном в отношении Нагорного Карабаха оставалась весьма напряженной, часто переходящей в полномасштабные военные столкновения, то к концу года, благодаря встрече в Брюсселе лидеров Азербайджана и Армении, сложилась благоприятная возможность для возобновления миростроительства.

Судя по информации, премьер-министр Армении и президент Азербайджана в ходе встречи в Брюсселе подтвердили договоренность о строительстве железной дороги Ерасх-Джюльфа-Ордубад-Мегри-Горадиз. В Брюсселе в ходе встречи, состоявшейся при посредничестве председателя Совета Европы Шарля Мишеля, договоренности были фактически зафиксированы и озвучены.

Железная дорога будет функционировать в соответствии с международно-признанными правилами границы и таможни, по принципу взаимности, под суверенитетом и юрисдикцией Армении и Азербайджана. Армения по железной дороге получит доступ в Исламскую Республику Иран и в Российскую Федерацию, а Азербайджан по железной дороге свяжется с Нахичеванской Автономной Республикой и Турцией.

Помимо этого, если Армении удастся начать определенный, продуктивный диалог с Турцией и достичь открытия границ и коммуникаций, этот проект может иметь более обширный охват - по имеющейся железной дороге Ерасх-Гюрми-Карс. В связи с этим, по словам Пашияна, Армения уже должна задуматься над строительством железной дороги.

Это важная договоренность, ее осуществление существенно изменит экономическую, инвестиционную, политическую среду, а также повысит безопасность в регионе.

44-дневная война стала ужасной трагедией для обоих народов.

Но как оказалось, главный итог переговоров заключался в достигнутой договоренности между лидерами двух стран о продолжении контактов по вопросам двусторонней повестки, тем самым пытаясь сформировать и сформулировать общие подходы и точки зрения, вместе с тем преодолеть имеющиеся разногласия. Таким образом, после свыше годичного перерыва два лидера Южного Кавказа обрели возможность общаться напрямую без посредничества России. Трудно переоценить это решение, поскольку у обеих стран немало деликатных проблем и вопросов, которые нельзя выносить на всеобщее обозрение. Можно лишь предполагать, но не исключено, что Ереван в той или иной мере мог бы опереться на поддержку Баку в переговорном процессе с Анкарой, в свою очередь, предложив себя в качестве медиатора в трудных отношениях Азербайджана с Ираном и ЕС. Можно прогнозировать создание еще других площадок для взаимодействия Азербайджана и Армении в будущем.

Другое дело, что внутренняя ситуация в обоих государствах мало способствует такому взаимодействию, как со стороны власти, так и со стороны изрядно уставших от социальных и экономических проблем обществ. Наконец, не велико пока число международных организаций и фондов, готовых возобновить и поддерживать миротворческие процессы между армянскими и азербайджанскими неформальными группами. В таких условиях, напротив, наблюдается рост националистической риторики, падение интереса к интеграционным процессам и региональной безопасности, замыкание в границах узконациональных интересов, порождающих изоляцию. Естественно, даже та немногочисленная миротворческая активность, осуществляемая отдельными группами, почти не находит своего отражения в СМИ и общественном мнении.

Повторяется ситуация, сложившаяся по итогам первой армяно-азербайджанской войны, когда одна сторона заявляла, что конфликт исчерпан и следует начинать сотрудничество, а другая – делала ставку на изменение постконфликтной ситуации военным путем, поскольку, по мнению проигравшей стороны, мировая общественность и центры мировой политики негласно принимают итоги войны за окончательное решение конфликта. Опыт показал, что в определенном смысле таким построениям есть оправдание.

44-дневная война стала ужасной трагедией для обоих народов. В Азербайджане после победы в войне на время возник комплекс победителя, который моделировался и управлялся властями. Между тем, общество находится в состоянии своего рода информационной блокады, когда весьма трудно получить достоверные сведения, проверить факты о ходе конфликта и попытках его решить.

Сегодня наблюдается самое большое разобщение среди народов региона, а после войны произошел «зеркальный эффект» - стороны поменялись ролями победителя и побежденного. Война расширила международный характер конфликта с более активным включением в него многих внешних сторон (Иран, Турция, Россия, Франция и т. д.). Никогда власти не были настолько сильно и односторонне вовлечены в процесс урегулирования конфликта. Общей угрозой для региона является постепенная передача контроля над Южным Кавказом в руки России и радикальное изменение геополитической ситуации в регионе. Также угрозой является усиление роли политического игрока в лице Ирана, который, обладая потенциалом создания ядерного оружия, может породить на Южном Кавказе новые конфликты (о чем свидетельствует осеннее напряжение в двухсторонних отношениях Азербайджана и Ирана). В свою очередь нерешенные проблемы между Турцией и Арменией в той же мере порождают риски и угрозы для безопасности региона. В этой связи следует приветствовать переговоры между двумя Анкарой и Ереваном на уровне спецпредставителей, начавшиеся в 2022 году.

Для процесса деэскалации и восстановления мира, необходим такой медиатор как Грузия и первой инициативой на пути развязки послевоенных противоречий может стать встреча президентов Армении и Азербайджана при посредничестве Грузии.

Следует ожидать в будущем усиления вовлеченности ЕС в политические процессы в регионе, за счет предложения новых интеграционных программ, особенно после Брюссельского саммита, выявившего стремление Евросоюза активно участвовать в делах Южного Кавказа, в том числе посредством расширения Восточного партнерства и финансирования глобальных программ развития региона.

Следует отметить и потенциальную роль новых участников содействия достижению мирного соглашения, например, Совета Сотрудничества тюркоязычных государств (Turkic Council), в котором большинство – постсоветские страны, хорошо знакомые с проблемами конфликтов и их превенцией. В этой связи немалым потенциалом переговорному процессу может способствовать миротворчеству и формат «3+3» (Азербайджан, Армения, Грузия – Иран, Россия, Турция), в котором пока не участвует Грузия.

Одним из пунктов соглашения президентов трех стран - Алиева, Пашиняна и Путина (соглашение о прекращении войны в Нагорном Карабахе) был вопрос обмена заложниками, пленными и телами погибших, передачи карт минирования территорий. Эта тема остается болезненной проблемой. В связи с этим необходимо адвокатирувание этой проблемы и обмен армянской стороной карт минирования территорий на пленных, захваченных азербайджанской стороной. Необходимо убеждать власти открывать дороги, восстанавливать коммуникации, обсуждать и советоваться с экспертами по этим вопросам, допускать параллельную работу властей и общества.

7 декабря Международный Суд ООН вынес промежуточные решения по встречным искам Армении и Азербайджана.

В первом случае суд призвал Азербайджан защитить от насилия всех лиц, задержанных в связи с конфликтом 2020 г., которые остаются под стражей, обеспечить их безопасность и равенство перед законом, предотвращать расовую ненависть и дискриминацию со стороны должностных лиц и государственных учреждений в отношении армян и принять все меры для защиты армянского культурного наследия.

Во втором случае суд постановил, что Армения должна принять все меры для предотвращения разжигания и пропаганды расовой ненависти со стороны организаций и частных лиц против азербайджанцев. Обе стороны представляют решения Суда как собственную победу.

Крайне важно отметить сегодняшнюю разобщенность гражданского общества, его слабые возможности влиять на процессы примирения, в которых доминируют властвующие элиты.

Для процесса деэскалации и восстановления мира, необходим такой медиатор как Грузия и первой инициативой на пути развязки послевоенных противоречий может стать встреча президентов Армении и Азербайджана при посредничестве Грузии.

Сложилась ситуация, когда вновь отсутствует базовая модель разрешения конфликта, которую все стороны согласны принять за основу переговорного процесса.

Выходом из сложившейся ситуации является процесс лоббирования процесса поэтапной интеграции Южного Кавказа.

1. ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА

- **Инциденты/события конфликта (какие инциденты произошли и имеют место сегодня?)**

После 44-дневной войны произошло своего рода удвоение армяно-азербайджанского конфликта, с одной стороны – пограничный межгосударственный конфликт Азербайджана и Армении, с другой – конфликт в зоне соприкосновения Нагорного Карабаха. В этой связи следует рассмотреть локальные конфликтные ситуации и методы их миротворческого разрешения и отдельно процедуры их совместного разрешения. При этом необходимо учитывать, что в большинстве точек соприкосновения пока еще нет проживания мирного населения с обеих сторон, между которыми можно осуществлять непосредственное миротворчество. В этих точках мирное население как правило сталкивается с вооруженными силами противоположной стороны.

- **Причины, вызвавшие эскалацию конфликта.**

Именно изменившаяся ситуация порождает новые причины эскалации двух отличающихся конфликтов, требующих соответственно иных миротворческих инициатив и процедур. Вместе с тем, уже сейчас из-за близкого соприкосновения возникает множество острых проблем, требующих срочного совместного участия сторон, что открывает пространство для переговорного процесса, может породить различного рода диалоги, к которым со временем может подключиться переселяемое мирное население.

- **Основные причины, вызывающие конфликт.**

Такие причины в настоящее время связаны с нерешенными проблемами межгосударственной границы, отсутствия четких критериев делимитации государственной границы между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения с последующей ее демаркацией, длительностью этого процесса. С другой стороны, это проблема статуса Нагорного Карабаха, которая одними считается исчерпанной, другими – требующей своего возобновления и обсуждения на международном уровне. Ситуация усложняется тем, что внешние игроки армяно-азербайджанского конфликта имеют противоположные или не совпадающие позиции по данному вопросу.

2. МИРОТВОРЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ:

- **Текущие миротворческие усилия по урегулированию**

Региональные и локальные миротворцы могут сыграть жизненно важную роль в обеспечении официальных переговорных процессов соответствующими точками зрения, ценным опытом и экспертизой, донесением различных мнений и отзывов на уровне общин. Более того, в ситуациях, когда официальные процессы являются политически чувствительными или оказываются в тупике, продолжение диалога на уровне общин, организованного локальными миротворцами, может предоставлять собой ценную альтернативу. Роль локальных миротворцев также будет очень актуальна после достижения мирного соглашения на официальном уровне, поскольку они могут стать движущей силой для подготовки конфликтующих обществ к примирению и будущему мирному сосуществованию.

- **Недостатки миротворческого процесса/GAPS.**

Наиболее важным недостатком с сфере урегулирования конфликта является отсутствие того, что называют мирным\миротворческим процессом как такового. Отдельные, чаще не связанные друг с другом, мирные инициативы и проекты назвать мирным процессом нельзя.

Для урегулирования конфликта необходим системный подход, при котором отдельные мирные инициативы и проекты, ведущиеся в разных направлениях, координировались бы и направлялись в процесс.

Мирный процесс — это многоуровневый, многокомпонентный, непрерывный процесс.

Недостатки миротворческого процесса имеют внутренний (институциональный) и внешний характер, связанный с влиянием на него властей, государств, играющих значительную роль в конфликте и его превенции, международных организаций и доноров, совокупно и в отдельности формирующих позитивную или негативную оценку локального и регионального миротворчества, в том числе и среди обществ конфликтующих сторон. Доноры, традиционно работающие на Южном Кавказе для поддержки демократического развития и местного миростроительства, значительно сократили свою финансовую поддержку. Воздействие миростроительства снижается из-за неэффективного распределения средств, проблем с получением финансирования для миростроительства и ограниченного влияния местных миротворцев на определение политических приоритетов. Это означает, что многие миротворцы смогли предпринять инициативы только за свой счет, ограничив масштабы своей работы и возможности для роста. Доноры менее склонны финансировать проекты, имеющие долгосрочные цели, и стремятся получить немедленный, краткосрочный эффект. В этой обстановке местным миротворцам становится еще труднее взаимодействовать с международными организациями, оказывающими поддержку в регионе. Приоритеты этих международных организаций часто не соответствуют стратегиям местных миротворцев в отношении предотвращения и разрешения конфликтов. Отсутствие независимости от донорских решений отрицательно повлияло на устойчивость, непрерывность и последовательность работы миротворцев. Конкретные недостатки приводятся в контексте выделенных тем доклада.

3. АНАЛИЗ УЧАСТНИКОВ И ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В КОНФЛИКТЕ:

- **Действия и усилия непосредственных участников конфликта.**

Такие действия в основном предпринимаются в трехстороннем формате: Азербайджан – Армения – Россия, среди них: ноябрьское (2020) соглашение о прекращении войны, январское (2021) соглашение о разблокировании коммуникаций и начале сотрудничества, соглашения, достигнутые в Сочи в трехстороннем формате (ноябрь 2021), Брюссельские соглашения (декабрь 2021) И. Алиев – Н. Пашинян. Необходимо отметить перспективы формата 3+3, который только начался (проведено первое заседание), но заключает в себе большой потенциал.

- **Повестка дня - интересы непосредственных участников конфликта.**

Интересы непосредственных участников конфликта практически совпадают за исключением проблемы статуса Нагорного Карабаха. Возможно, последние разъяснения премьера Н. Пашиняна по поводу истории обсуждения статуса внесут большую ясность и в эту проблему. (Речь идет о том, что премьер-министр утверждает, что предыдущие руководители Армении сознательно вводили в заблуждение общественность, сообщая не соответствующие действительности факты о ходе переговорного процесса, в частности о референдуме и совместном проживании в Нагорном Карабахе).

- **Альянсы непосредственных участников конфликта.**

Непосредственные участники конфликта: члены СНГ, образуют совместный альянс с Россией, участвуют в формате 3+3, являются участниками программ Восточное партнерство и Сотрудничество во имя мира (НАТО). Армения: пытается вернуть в переговорный процесс Минскую группу, ориентируясь на Францию и меньше на США, усиливает отношения с Ираном, в вопросах обороны и экономики ориентируется на ОДКБ и ЕврАзЭС. Азербайджан: член движения неприсоединения, подписал Шушинскую декларацию о стратегическом сотрудничестве с Турцией, Хартию Энергетической безопасности и сотрудничества с ЕС.

4. ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНФЛИКТА НА СТРАНЫ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОВЛЕЧЕННЫЕ В НЕГО И НА РЕГИОН, В СЛЕДУЮЩИХ КОНТЕКСТАХ:

● Политическом

Конфликт явился и продолжает оставаться главным препятствием самостоятельного политического развития как стран, так и всего региона, привел к расширению военного присутствия России в регионе. Это приводило и будет приводить к спорадическим метаниям стран региона между Западом (ЕС и США) и Россией.

● Экономическом

Экономическое развитие является одним из предварительных условий поддержания мира, поскольку экономические системы играют ключевую роль в стабилизации и восстановлении общества после конфликта или в условиях конфликта. Экономическое партнерство и структуры на региональном уровне могут создавать благоприятную среду для экономического роста, иностранных инвестиций и создания рабочих мест. Поэтому в ходе конфликта неоднократно предлагались экономические модели его преодоления. Азербайджан как крупный экспортер нефти и газа в Европу, транзитный узел коммуникаций Запад-Восток и Север-Юг посредством альянсов с Грузией создал несколько транспортных и трубопроводных проектов международного значения. В настоящее время создаются условия для трехстороннего экономического сотрудничества с привлечением Армении и с возможным подключением Турции.

● Социальном

Уровень жизни в странах Южного Кавказа остается наиболее низкий в мире как из-за конфликтов, так и из-за торможения развития политической системы его государств. Масштабные расходы на военные нужды не позволяют развивать социальные программы развития общества и его структур. Чрезвычайная ситуация конфликта способствует росту авторитарных методов управления и сдерживанию роста гражданской активности.

● Безопасности

Постановка проблемы безопасности ЮК предполагает рассмотрение данного региона в качестве некоей целостности, сформированной географическими, социокультурными, политическими, экономическими и/или любыми иными реалиями и интересами. Большинство из этих параметров в настоящее время в государствах ЮК имеют тенденцию развиваться изолированно, а потому ни одно из них не может стать самостоятельным игроком не только мирового, но и регионального политического пространства. Неслучайно, что большинство важных решений по судьбе государств и самого региона принимается с неизменным участием внешних акторов. Данная ситуация диктует необходимость поиска новых моделей в плане укрепления национальной безопасности каждой из стран и самого региона, среди которых естественным образом возникает концепция интеграции, как регионального, так и вне регионального масштаба.

Более или менее наглядными побудительными причинами интеграции региона могут выступить: его географическая связанность, немалая культурная общность народов, некогда существовавшие и сегодня латентно или открыто формирующиеся экономические связи, общее советское прошлое, совместное участие в программах Совета Европы (СЕ) и Европейского Союза (ЕС), темпы продвижения или противостояния демократии и т.д. Следует признать, что в условиях глобализации, растущих угроз и рисков утраты национальными государствами части суверенитета, сведения его к неким формам автономного самоуправления в деле решения внутренних проблем без излишних посягательств на самостоятельную внутреннюю политику, интеграция приобретает особую привлекательность. Немаловажно также, что унификация экономического пространства региона является, в конце концов, вполне однозначным условием интеграции с расширяющейся в восточном направлении Европой, одновременно открывающая путь к разрешению этнических конфликтов в новом политическом пространстве.

Мы становимся свидетелями нового геополитического передела, в который втягивается регион Южного Кавказа.

● **Международном/региональном.**

Мы становимся свидетелями нового геополитического передела, в который втягивается регион Южного Кавказа. Пока еще нет достаточных оснований для того, чтобы ясно представить себе ту систему безопасности, в которую войдет регион, однако совершенно ясно, что это не может быть некой формой нейтралитета, распространенной на весь Южный Кавказ и благосклонно воспринимаемой основными мировыми государствами – игроками, вовлеченными в дела региона. Не менее ясно и то, что единственной действенной моделью безопасности ЮК, способной к тому же решить существующие в нем конфликты, является интеграционная модель, участниками которой станут все три государства ЮК.

И если Запад действительно имеет планы интегрировать ЮК в свои политические и экономические структуры, главная рекомендация заключается в отказе от двойных стандартов в области демократии.

Что касается конфликтов, то Запад мог бы оказать давление на власти в Армении и Азербайджане с целью устранения препятствия деятельности сил по поддержанию мира, помогать их региональным проектам сотрудничества. Например, ЕС мог бы помочь гражданским организациям Азербайджана и Армении начать широкие обсуждения по всем аспектам конфликта и способствовать активному диалогу по будущему Карабаха. В этой связи плодотворным мог бы оказаться диалог об основах интеграционного развития и обсуждение моделей совместного сосуществования народов ЮК, нацеленных на перспективную интеграцию в ЕС, анализ концепций завершения конфликтов и будущего территориально-государственного устройства региона, создания регионального парламентского органа, выработки приоритетов политической и оборонной ориентации региона. Концепция дальнейшего развития сотрудничества стран черноморского, каспийского и балтийского регионов также могла бы стать одним из приоритетов таких дебатов.

ЕС стоило бы усилить политику, направленную на ослабление внешней зависимости государств ЮК от России.

Неправительственные и общественные организации региона могли бы начать активное строительство форумов НПО, молодежных и женских организаций Южного Кавказа, сформировать единую политику гражданского образования и сотрудничества, начать создание форума правозащитников региона. В этой связи важным событием в сотрудничестве обществ ЮК стало учреждение Постояннодействующей конференции граждан Южного Кавказа, которая была создана в июне 2005 и «Республики Граждан Южного Кавказа» (РГЮК), созданной в феврале 2010. РГЮК – зарегистрированная в Минюсте Грузии региональная НПО, цель которой создать на ЮК территорию гражданского сотрудничества, свободную от монополии государств на миротворческие процессы. В качестве такой территории выбрано азербайджанское село Текали в Грузии – на стыке границ Армении, Азербайджана и Грузии – место, куда могут быть перенесены все конференции и встречи, которые сегодня проводятся на нейтральных территориях вне региона. Здесь в свое время проводились гражданские акции, в том числе молодежные, совместные выставки, концерты, фестивали, организованные инициатором Текалинского процесса безвременно ушедшим Георгием Ваняном.

Характер миротворчества. Сегодня в основу переговоров положено, с одной стороны, итоги войны, с другой – угроза новых войн, к которым апеллируют стороны. Для того чтобы стороны конфлик-

тов соблюдали соглашения о прекращении огня, воздерживались от применения силы, не пропагандировали использование силы и прекратили гонку вооружений в регионе, необходимо, чтобы все стороны отказались от двух конфликтующих принципов: «мир в обмен на территории» и «война для возвращения территорий». Только после этого откроются реальные перспективы для возобновления прямых контактов сторон и развития добрососедства между народами, создадутся условия для отказа от использования или угрозы использования силы в решении спорных вопросов. На этой основе возможно безопасное возвращение всех перемещенных лиц и беженцев в места своего прежнего проживания, обеспечение свободного передвижения людей и товаров, включая снятие всех блокад и открытие транспортных и торговых путей, закрытых в результате конфликта, осуществление мер по укреплению доверия в сотрудничестве с международными организациями.

Необходимо определить стратегию и тактику дальнейших действий экспертного сообщества, неправительственных организаций и гражданского общества региона по объединению усилий как в плане кавказской интеграции, так и в плане приближения к евро-интеграции. В этой связи необходима поддержка созданию базовых структур, сочетающих в себе как функции экспертного сообщества, так и функции посредников между регионом и европейскими структурами. Необходимо постоянно информировать мировую общественность и заинтересованные организации о деятельности таких структур, направить их работу на информирование широких кругов общественности о политике европейского соседства, а также проводить их силами регулярных мониторингов программы «Восточное партнерство» и продвижении стран региона в направлении европейских стандартов.

В плане информационной стратегии желательно переводить на национальные языки региона и распространять документы Европарламента, особенно те из них, которые связаны с Южным Кавказом, создать серию публикаций, электронный журнал и общекавказское издание, которые будут информировать общества ЮК.

Следует доводить разработки экспертного сообщества до евро-структур и правительств стран ЮК.

Начать продвижение идеи создания единого южно-кавказского правозащитного поля – Кавказского форума по правам человека, который может стать буфером между правительствами и правозащитными организациями внутри республик.

Продолжить идентификацию целей, объединяющих и разъединяющих государства и общества региона.

Хотя гражданские организации призваны быть посредником между государством и обществом, власти ЮК часто препятствуют их деятельности, поставленной под жесткий контроль различных государственных структур. Ввиду этого существует известный придел организационного развития гражданского общества, испытывающего особенно в последнее время определенный застой в развитии. Сегодня поле деятельности НПО сильно ограничено, конечно, не правовыми директивами (хотя имеются и такие), а целенаправленным контролем за ресурсами этих организаций, которые и так неизменно сокращаются. В Азербайджане, например, предпринята попытка поставить под контроль НПО за счет создания специального органа при президентском аппарате, которому поручается распределение государственных средств, отпущенных на развитие НПО. Как известно, одним из доноров развивающегося неправительственного сектора обычно становятся различные отечественные бизнес-структуры. В Азербайджане такая практика изжита путем преследования тех, кто решил осуществлять подобное донорство. Таким образом, можно констатировать, что слабость гражданского общества на ЮК носит в целом искусственный характер и отвечает интересам властей, препятствующих контролю своей деятельности. Соответственно, слабы или недостаточно развиты региональные гражданские инициативы обществ ЮК.

В этой связи для ЕС и других международных акторов/доноров необходимо освоить более гибкие механизмы финансирования для долгосрочного развития гражданского общества.

Диалог и конструктивное партнерство являются одними из основных инструментов миростроительства. Необходимо предоставить адекватное целям пространство для диалога, чтобы стороны могли эффективно с ориентацией на результат, взаимодействовать друг с другом по политически чувствительным вопросам, связанным с конкретным конфликтом. Региональные пространства и платформы, которые позволяют вести диалог, совместный анализ и продвижение региональных норм, рамок и действий с международными, региональными и местными участниками миростроительства, служат мостом, соединяющим участников, обычно разделенных конфликтами, с целью развития общего понимания забот, интересов и потребностей каждой стороны.

ТРИ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА

МОДЕЛЬ 1. ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА.

После завершения 44-дневной войны и подписания договоренностей в мае месяце наступил длительный период эскалации конфликта, несколько преодоленный после встречи лидеров Азербайджана и Армении в Брюсселе. Надо отметить, что кризисная ситуация сохраняется в латентной форме и может снова активизироваться при любых изменениях политической ситуации в этих странах. В этих условиях будут вновь утрачены достигнутые договоренности, и процесс преодоления конфликта придется начать заново с неопределенными условиями.

МОДЕЛЬ 2. СТАТУС-КВО

После войны почти год сохранялась ситуация некоего статус-кво, когда стороны пытались изменить трактовку пунктов соглашения в свою пользу. Хотя брюссельские соглашения изменили этот статус, возвращение к новому статус-кво не исключается, особенно если стороны будут расходиться по трактовкам открытия коммуникаций, утверждению границ, статуса Нагорного Карабаха, мирному договору и т.д. Сюда же входит переговорный процесс Армения - Турция.

МОДЕЛЬ 3. ДЕЭСКАЛАЦИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА

Конечной целью предпринимаемых шагов миротворчества является первоначальная деэскалация конфликта, достаточная для его дальнейшего урегулирования. Хотя некоторые условия уже созданы, окончательная деэскалация возможна только после выполнения сторонами конфликта тех условий, которые были согласованы в совместных документах. Между тем сложилась ситуация, схожая с прежними моделями разрешения конфликта, когда принятые на бумаге принципы и шаги на практике не выполнялись. Тогда роль медиаторов в урегулировании спорных вопросов брали на себя миротворцы гражданского сектора, и эту практику с успехом можно повторить сегодня. Скопилось очень много проблем, которые, видимо, не находят решения на официальном уровне, их передача для обсуждений миротворцам, возможно, снимет некоторые из них из повестки переговоров или придаст им новую приемлемую форму соглашения.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ СТОРОНАМИ КОНФЛИКТА:

Среди предлагаемых мер, способствующих укреплению доверия, можно отметить:

- разработку и методы использования согласованного глоссария. Необходимость выработки глоссария связана с отсутствием общепринятого языка обсуждений, что в свою очередь препятствует развитию диалога. Формирование глоссария связано с актуальностью выработки общих подходов, идей, рекомендаций сторонами, принимающими участие в диалогах, дискуссиях, круглых столах по Карабахскому конфликту. Для успешной работы и налаживания взаимопонимания необходимо выработать общие термины, «язык», используемый при обсуждении конфликта.

Основные, ключевые темы предлагаемого глоссария:

- географические обозначения;
- обозначение участников (сторон) конфликта;
- описания событий конфликта;
- события, связанные с политикой памяти (героизация неоднозначных событий и происшествий, практики репрезентации геноцидов);
- переговорный формат/ дискуссии

Определение круга терминов и понятий, которые необходимо исключить из диалогового языка (язык ненависти, политические клише и др.).

Использование нейтральных терминов в зависимости от ситуации и контекста. Т. е. в некоторых случаях целесообразнее использовать термины, которые позволяют обходить острые углы конфликта. В тех случаях, когда использование нейтральных терминов нецелесообразно или невозможно, следует избегать по возможности применение таких терминов и обозначений, которые могут способствовать дальнейшему разжиганию конфликта и развитию риторики ненависти. Подобный глоссарий следует использовать в переговорных и диалоговых форматах, как официальными лицами, так и гражданскими, международными акторами и организациями.

- Проведение проектов, нацеленных на мониторинг и создание банка данных обо всех инцидентах в зоне вооруженного противостояния, от которых страдает гражданское население; содействие вовлечению в процесс мониторинга представителей гражданского общества;

- Поддержка проектов, нацеленных на предотвращение жертв среди мирного населения и военнослужащих на всем протяжении линии соприкосновения вооруженных сил или осуществляющих регулярный мониторинг и анализ подобных инцидентов;

- Поддержка проектов нацеленных на мониторинг речей и выступления официальных лиц, а также материалов СМИ сторон конфликта с целью фиксации в них проявлений ксенофобии, языка ненависти и насилия; способствовать разработке и реализации международных механизмов, направленных на минимизацию этих проявлений;

- Поддержка формирования свода правовых норм и этических правил, предупреждающих распространение и популяризацию риторики насилия и исключаящих из риторики любые угрозы применения силы;

- Ключевой аспект формирования доверия должен быть направлен на определение ресурсов и разработку конкретных планов, позволяющих избавиться от правил, практик и институтов, способствующих тотальной идеологизации курсов по национальным историям. В ситуации конфликта широко востребованными остаются авторитарные (сохранившиеся с советского периода) практики мобилизации населения и распространения дискурсов ненависти («образы врага» и пр.). Курсы по социальным и гуманитарным наукам, разрабатываемые и применяемые из подобной перспективы

в средних школах и университетах, способствуют формированию радикальных взглядов в среде новых (молодых) поколений граждан стран, вовлеченных в конфликт, продолжающийся уже третье десятилетие. При сохранении подобной тенденции перспективы трансформации и преодоления конфликта с каждым новым поколением, входящим в активную социальную и политическую жизнь, становятся все более призрачными.

Подобные идеологические практики мобилизации и радикализации взглядов учеников средних школ и университетов, следует рассматривать и в более широком контексте. Данная идеология предполагает отказ от широкой реализации либеральных проектов в политической сфере пока продолжается конфликт. И, в конечном итоге, способствует консервации конфликта, а не его преодолению.

Поэтому необходимы быстрые и эффективные меры по разработке альтернативных версий по истории, доступные для молодежи. В качестве непосредственных мер можно назвать: поддержку и дальнейшее развитие уже существующих организаций и сетей, готовых взять на себя ответственность по созданию и распространению таких альтернативных версий. Создание новых центров и организаций, поддержка развитию сетей. Поддержка разработки новых версий (текстов, фильмов и пр.) популяризирующих альтернативные взгляды на историю, содержание курсов по граждановедению и пр. Поддержка и развитие ресурсов, позволяющих популяризировать, максимально широко распространять и обсуждать альтернативные курсы и материалы.

- Поддержка диалоговых площадок нового уровня, способных воздействовать на позитивное изменение ситуации:

способствовать диалогам различных социальных групп конфликтующих обществ: учащиеся средних школ, студенты, спортсмены, деятели культуры и науки, журналисты и т. д.;

- Поддержка проектов влияющих на формирование общественного мнения: создание совместных групп экспертов, творческих людей, представителей СМИ, и др., обладающих ресурсами для возможно более широкой публичной репрезентации альтернативных подходов и мнений по поводу конфликта; Наиболее эффективным может быть организация программы Социального медиа для мира.

- Поддержка сотрудничества природоохранных организаций с целью решения существующих проблем в регионе карабахского конфликта, разработать и реализовать механизмы для действенного контроля и вовлечения экологических НПО в процесс минимизации экологических рисков;

- Поддержка проектов, способствующих построению контактов между людьми непосредственно пострадавшими от конфликта (семьи погибших, без вести пропавших, и др.).

● **Что должно быть сделано**

Международные организации и фонды (МОИФ) должны создать банк данных действующих миротворческих групп и консорциум по работе с миротворческими структурами, обладающими опытом и информацией, собранной на местах;

Международные организации и их подразделения на местах должны выработать общий план наращивания потенциала миротворческих сил;

Международные организации должны создать единый план создания платформ диалога;

Создать группы по интересам и направлениям: женщины, молодежь, политики, журналисты, специалисты и эксперты по направлениям, региональные и двухсторонние группы, в том числе по укреплению доверия и вовлечению общественности, раннего реагирования, информирования сторон и т.д. Выбор местных и иностранных координаторов в Грузии, Армении и Азербайджане. Миростроительство в регионе будет более устойчивым, если субъекты, фонды и программы международных организаций будут скоординированы и действовать в контакте с обществами.

Международные организации должны освоить влияние на государства региона и их власти, с це-

лю продвижения их в политике укрепления доверия, миростроительства, гендерного разнообразия и предотвращения конфликтов;

поддержка региональных и местных координаторов;

поддержки укрепления доверия, способствующего открытому диалогу разных уровней;

повышать информационную осведомленность о своей работе в регионе;

проводить регулярные форумы для оценки выполнения поставленных задач;

поощрять обмен информацией с целью избегания дублирования и повторения сделанного и обеспечить взаимодополняемость между получателями грантов.

МОиФ и программы должны предоставлять операционную и финансовую поддержку для повышения ответственности на местах, включая гибкие гранты, которые можно адаптировать к анализу местных коренных причин конфликтов, более глубокому пониманию и построению политики и программ, основанных на приоритетах местных сообществ, и инклюзивному пространству для диалога, совместного анализа и координации;

МОиФ в странах следует уделять приоритетное внимание наращиванию потенциала государств-членов, чтобы они выделяли ресурсы и развивали мирные процессы на национальном и региональном уровнях;

МОиФ должны организовать консультации в рамках треугольника между правительствами, местными миротворцами и донорами на национальном уровне, чтобы лучше обозначить проекты и участников, заслуживающих поддержки, и обеспечить предсказуемое финансирование;

МОиФ следует поддерживать местные механизмы и стратегии, направленные на пропаганду мира, равенства и ненасилия.

Затяжной характер конфликтов в регионе требует повышенного внимания и лидерства Фонда миростроительства ООН и других МОиФ, и доноров в поддержке проектов, направленных на развитие и улучшение экономической взаимосвязанности и взаимодополняемости между конкурирующими системами.

Следует уделять больше внимания медиации и диалогу по сопутствующим проблемам, или по проблемам наднациональным, регионального масштаба, таким как экологические угрозы, траффинг людей и наркотиков, трудовая миграция и другие.

● **Что мы улучшаем**

Основная работа гражданского общества в регионе Южного Кавказа была сфокусирована на «трансформации конфликта», и конкретно – на трансформации взаимоотношений между конфликтующими сторонами и восприятия конфликтов. Эта задача продолжает оставаться одной из главных, но одновременно появляется поле деятельности для создания моделей будущего, вытекающего из согласованных сторонами соглашений. В этой области миротворчество, неофициальная дипломатия может достигнуть весьма важных результатов по проблемам, которые сегодня не обсуждаются официальными властями по самым разным причинам.

● **Какое влияние данная деятельность окажет на процесс деэскалации и разрешения конфликта**

В конечном смысле все усилия на преодоление конфликта преследуют общую цель – реальное примирение народов, сдерживающее, а в лучшем случае, уничтожающее причины очередного порождения конфликтной ситуации. В этой связи методы примирения, разработанные самим обществом, являются наиболее продуктивными, поскольку они учитывают самые разнообразные мнения, часто отсутствующие в официальных переговорных процессах. Правильно построенная методоло-

Необходимо создать итоговый доходчивый до сознания населения обобщенный документ, в котором миростроительство должно выглядеть безальтернативным.

гия проведения миротворческого диалога может оказать неоценимые услуги в межгосударственном примирении Азербайджана и Армении, выстроит перспективу деэскалации и разрешения конфликта, найдет пути компромиссного решения спорных вопросов. Она открывает перспективу процесса неофициальной дипломатии, в рамках которой могут работать должностные лица, политики и активисты гражданского общества, результаты деятельности которых могут быть восприняты властями с меньшим сопротивлением.

● Кто должен стать адресатом рекомендаций

Документ может быть предоставлен ключевым игрокам, заинтересованным сторонам: представителям национальных правительств, международным, благотворительным, донорским организациям и общественным движениям. Документ будет открыт для всех заинтересованных лиц и организаций посредством его размещения на специальном сайте, предусматривающем обратную связь с читателями и интерактивность.

Необходимо создать итоговый доходчивый до сознания населения обобщенный документ, в котором миростроительство должно выглядеть безальтернативным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Большинство существующих конфликтов являются политическими, и их динамика активно регулируется влиятельными международными организациями и зарубежными государствами, особенно в тех случаях, когда страны конфликта находятся в сфере внешних геополитических интересов или же обладает значительными сырьевыми ресурсами. Конечно, этническим конфликтам подвержены все этнокультурные регионы мира, развитые и развивающиеся страны, регионы разного уровня достатка и политической культуры. Они провоцируют современную политическую нестабильность, поскольку все крупнейшие конфликты в современном мире интернациональны. Таковыми стали и южно-кавказские конфликты, требующие своего урегулирования вот уже третье десятилетие.

Почти тридцать лет противостояния завели азербайджано-армянские отношения в тупики мифов и невероятных домыслов, часто не имеющих под собой фундамента реальности. Восстановление этих отношений после двух войн, показавших, что только силовое решение дает какие-то результаты, задача невероятной сложности. Главный элемент более или менее устойчивых отношений – доверие сторон друг к другу – разрушено, и его восстановление требует новых социальных, политических и творческих технологий.

Очевидно, что сегодня армяно-азербайджанские отношения и еще не начавшиеся отношения азербайджанских властей и вынужденных переселенцев с жителями и де-факто властями Нагорного Карабаха не объединены в едином процессе.

Решать нужно множество разноплановых и разно значимых вопросов:

1. Решить вопрос на уровне ООН, является ли статус российского военного контингента в зоне карабахского конфликта легитимным и реально миротворческим

2. Мультиплицировать площадки и пространства переговоров по мерам доверия: между самыми разнообразными государственными и общественными стратами Азербайджана и Армении;
3. Начать диалог общественных групп Азербайджана и Нагорного Карабаха для выяснения проблем, которые можно вынести на уровень официальных переговоров;
4. Начать диалог азербайджанцев и армян Нагорного Карабаха о ближайших и удаленных перспективах региона. Здесь, безусловно, ставку необходимо сделать на группах старше 45-50 лет, которые имеют опыт взаимоотношений до начала конфликта, в его ходе и по итогам первой войны. Необходимая цель: показать, как ситуация менялась вплоть до зеркальной смены позиций сторон, их аргументации «своей правоты» и обсудить варианты устранения реваншизма – как главной технологии решения конфликта.

Сегодня все группы, кроме государственных, лишены возможности влиять на решения своих правительств по проблеме конфликта и участвовать в переговорных процессах, не в последнюю очередь и из-за пандемии коронавируса.

Из-за чего онлайн контакты пока остаются возможным путем обсуждения, но и к нему не прибегают по ряду, в том числе и непонятых, причин.

Что-то позитивное в этих условиях могут привнести социологические исследования и регулярные опросы, проводимые по единой методике. Их результаты не только смогут выяснить настроения, но и влиять на них, поскольку они будут отражать реальные оценки и ожидания людей.

Опыт тридцати лет показал, что обращение к внешней поддержке сил, мало знакомых с ситуацией, а главное – мало заинтересованных в вариантах решения конфликта без учета их собственных интересов, совершенно тупиковый путь, ведущий к бесконечному затягиванию различных складывающихся статус-кво.

Очевидно, нужны переговоры и встречи без посредников и представителей спонсоров, которые могут быть вовлечены в дальнейшем для оценки итогов диалогов и диспутов.

Совершенно очевидно, что развитие событий на Южном Кавказе возможно по трем глобальным сценариям:

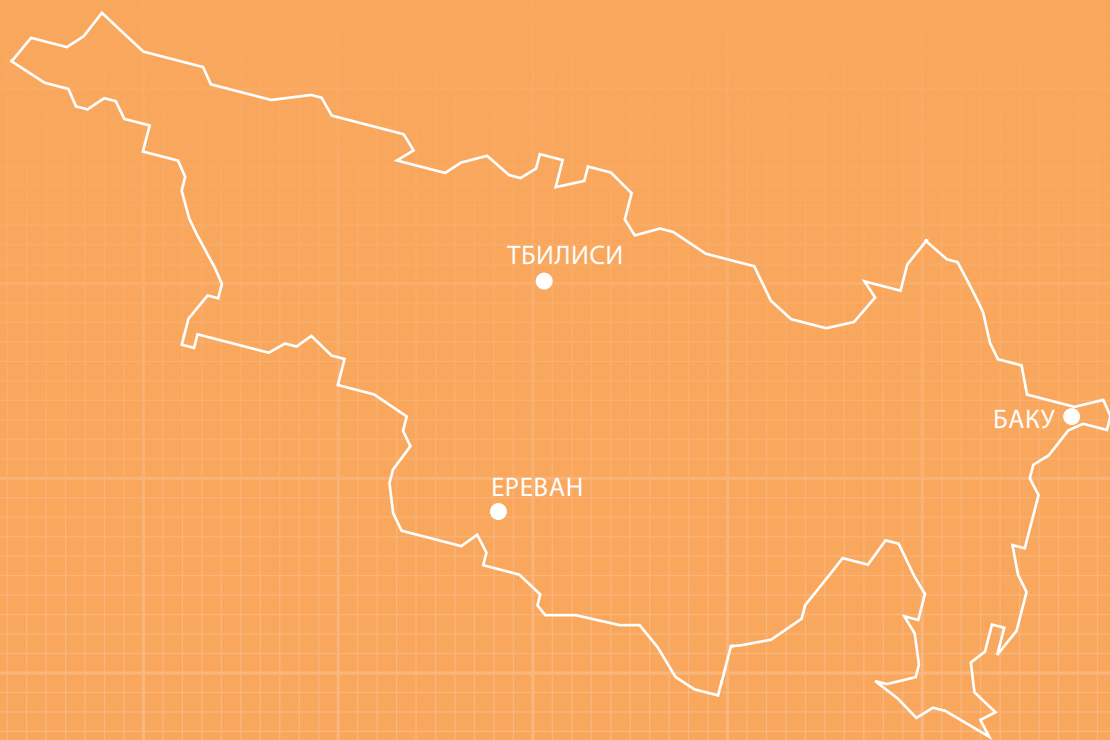
1. Россия устанавливает полный контроль над регионом;
2. Запад устанавливает полный контроль над регионом;
3. Ситуация замораживается, и регион втягивается в российско-западное противостояние в разных конфигурациях взаимодействия и противостояния между тремя странами региона.

В сложившихся международных отношениях наиболее вероятным следует считать третий сценарий, в ходе разворачивания которого не исключены соглашения, по которым линия: Беларусь – Украина – Молдова – Южный Кавказ (все три государства) станет нейтральной или втянутой в российское влияние границей между НАТО и Россией.

АРМЕНИЯ

ОБЗОР ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ:

1. ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА

● Инциденты/события конфликта

Факторы, приведшие к карабахской войне осенью 2020, можно условно разделить на три части: глубинные обстоятельства, которые лежат в основе армяно-азербайджанского конфликта; провал миротворческого, переговорного процесса после войны 1992-1994; условия, повысившие вероятность возобновления войны в последние годы.

Основные инциденты, которые имели место непосредственно до 44-дневной войны, были связаны, в частности, с действиями, направленными на улучшение позиций сторон вдоль армяно-азербайджанской границы и линии соприкосновения в Нагорном Карабахе. Причем с учетом того, что по линии соприкосновения позиции с обеих сторон были гораздо лучше укреплены, обеспечены личным составом, созданы минные поля, инцидентов здесь было существенно меньше, чем на границе, которая в меньшей степени рассматривалась как объект возможного наступления. Само понятие «межгосударственной границы» носило условный характер, ибо Баку и Ереван не вели по ее поводу никаких содержательных переговоров, все политико-дипломатические усилия и мероприятия по обеспечению безопасности после заключения перемирия в мае 1994 были сконцентрированы, собственно, на Нагорном Карабахе. Международные посредники также не проявляли заинтересованности заниматься границей, хотя даже если и проявили бы подобную инициативу, натолкнулись бы, скорее всего, на отказ Азербайджана, который обуславливал обращение ко всем прочим вопросам урегулированием карабахской проблемы. Впрочем, и Армения не придавала этой теме особого значения.

В результате представление о границе между двумя враждующими государствами, как это не парадоксально, оставалось на уровне советских времен, когда она представляла из себя нанесенную на карту тонкую линию. И хотя по ее поводу и во времена СССР неоднократно возникали споры, конфликтные ситуации и вносились коррективы, об оборудовании границы, естественно, не могло быть и речи. Незаинтересованность сторон в течение какого-то времени после перемирия 1994 в каких-либо обострениях сделала взаимовыгодным приграничное расположение позиций вооруженных сил (до последнего времени армяно-азербайджанская граница охранялась не пограничными войсками, а подразделениями министерств обороны двух стран) на безопасном отдалении друг от друга. Положение вещей изменилось после апрельской войны 2016, когда возобновление войны воспринималось официальным Баку и большей частью азербайджанского общества как не имеющее реальной альтернативы развитие событий. Соответственно, и отдаленность приграничных позиций потеряло свою ценность, и приоритетом стало овладение выгодными точками на местности. Вследствие этого позиции вдоль государственной границы между Арменией и Азербайджаном существенно приблизились друг к другу в 2017-2020 годах и, соответственно, возросла вероятность боестолкновений.

Тавушские события в июле 2020 стали прямым следствием описанного положения вещей. Сдержанность, в частности, армянской стороны после нескольких операций Азербайджана по продвижению вперед за счет условной «нейтральной полосы» в Нахичеванской автономии, рано или поздно должна была смениться на более проактивное поведение. По всей видимости, в какой-то момент в Ереване посчитали, что угрозы для безопасности из-за отсутствия решительных ответных действий превышают риски, связанные с противодействием на границе азербайджанской стороне. И обострение в Тавуше стало самым серьезным в череде целого ряда приграничных инцидентов. Тем более, что в боестолкновениях стороны понесли беспрецедентные потери. В Армении эти события восприняты

как крупная победа, за которые десятки военнослужащих получили престижные награды и повышение воинских званий и должностей, а в Азербайджане, помимо прочего инцидент широко подавался как подготовка к возможному поражению проходящих поблизости газо- и нефтепроводов. Фактически, в обеих странах был окончательно преодолён психологический барьер, игравший определенную роль в откладывании большой войны. Для азербайджанского общества тавушские события послужили детонатором, побудившим его решительно требовать от властей начать войну. В Армении же сформировались настроения, которые можно охарактеризовать формулой «мы за сохранение мира, осознаем превосходство противника в военной мощи, но если он настроен нападать, предпочитаем воевать, а не идти на односторонние уступки».

Присутствовало, бесспорно, большое количество иных факторов, обусловивших возобновление войны 27 сентября 2020. Они могли сыграть даже большую роль, чем приграничные инциденты. В частности, невыполнение после четырехдневной апрельской 2016 войны санкт-петербургских и венских договоренностей о международном мониторинге на линии соприкосновения, который позволил бы определять сторону, ответственную за тот или иной инцидент. Ведь и в апреле 2016, и в сентябре 2020 Азербайджан, являясь очевидным инициатором боевых действий, настаивал, что всего лишь реагирует на провокацию Армении. Разумеется, было бы наивно полагать, что реализация упомянутых договоренностей исключило бы войну, однако в определенной степени повысило бы потенциал сдерживания со стороны международного сообщества в целом, и ОБСЕ в частности. В то же время имелись обстоятельства, которые могли бы сыграть решающую роль в предотвращении эскалации, однако они должны быть рассмотрены отдельно от инцидентов, непосредственно предшествовавших 44-дневной войне и поддерживающих напряженность по ее окончании.

После трехстороннего заявления от 9/10 ноября 2020, подписанного президентом Азербайджана, премьер-министром Армении и президентом Российской Федерации, возникли новые обстоятельства, из-за которых сохраняется опасность возобновления войны. Одним из таких обстоятельств является вольная интерпретация положений заявления. Его первый пункт гласил «...с 00 часов 00 минут по московскому времени 10 ноября 2020 года. Азербайджанская Республика и Армения остаются на занимаемых ими позициях». Исключение составляли контролировавшиеся армянскими силами территории Агдамского, Кельбаджарского и Лачинского районов, относительно передачи которых был согласован специальный график. Между тем, весь период после подписания документа этот пункт нарушался кардинальным образом. На некоторых участках (в Зангеланском и Кубатлинском районах) азербайджанские вооруженные силы продвинулись вперед до 20 км, что создало новые очаги напряженности. Сама логика ситуации в результате 44-дневной войны предполагала восстановление границ между Азербайджаном и Арменией советского периода. Однако в интересах мирного урегулирования этот процесс должен был происходить в течение определенного дополнительно согласованного времени. Тогда как вследствие продвижения азербайджанских войск вопреки Заявлению от 9/10 ноября 2020 они оказались в непосредственной близости от армянских населённых пунктов, блокировали дорогу Горис-Капан, являвшуюся главной транспортной артерией между границей РА с Ираном, южными районами Армении с центральной и северной частями страны.

Если в советский период такая линия границы между двумя республиками не создавала особых проблем для населения, то в новой ситуации она стала причиной почти ежедневных инцидентов – перестрелок, пленения армянских военных и гражданских лиц, угона скота и т.д., вплоть до анекдотических ситуаций, когда межгосударственная граница разделила пополам коровник жителя села Шурнух... Все это усугублялось отсутствием более-менее оборудованной пограничной полосы, близостью военных позиций сторон, только-только вышедших из тяжелой, кровопролитной войны и испытывающих высшую степень недоверия друг к другу. Естественно, каждый из инцидентов чреват новой эскалацией, между тем их можно было бы избежать, договорившись о временном отрезке, в течении которого стороны нашли бы решения наиболее острых проблем посредством территори-

В еще более сложном и неопределенном положении оказались армяне Нагорного Карабаха. Их сегодняшняя жизнь во всех ее проявлениях полностью обусловлена присутствием российского миротворческого контингента...

альных обменов, строительства обходных дорог, более четкого обозначения самой границы и пр. Взрывоопасность ситуации могла бы быть в значительной степени смягчена наличием авторитетного, эффективного и максимально нейтрального посредника. Однако в вовлеченности такового, как показывает развитие событий, никак не заинтересованы Москва, Анкара и Баку, обладающие наибольшим влиянием в регионе после заключения перемирия. От проигравшей в 44-дневной войне Армении в этом смысле очень мало что зависит.

В еще более сложном и неопределенном положении оказались армяне Нагорного Карабаха. Их сегодняшняя жизнь во всех ее проявлениях полностью обусловлена присутствием российского миротворческого контингента. Самые обычные действия, такие как осуществление сельскохозяйственных работ или ремонт объектов коммунальной инфраструктуры сопряжены с серьезными вызовами безопасности. И хотя инциденты здесь, учитывая новые реалии, в гораздо меньшей степени, нежели в приграничных районах Армении, чреваты эскалацией между Баку и Ереваном, на общий фон противостояния они могут оказывать огромное воздействие. Причем, в отличие от актуальной повестки урегулирования между Арменией и Азербайджаном (трехсторонняя комиссия по разблокированию транспортных коммуникаций, попытки договориться о процессе делимитации и демаркации границы...), все пути решения проблемы собственно Нагорного Карабаха зашли в тупик. И отсутствие видимых перспектив в этом вопросе само по себе остается дестабилизирующим фактором, угрозой миру в регионе.

● **Причины, вызвавшие эскалацию конфликта.**

Главной причиной, вызвавшей эскалацию армяно-азербайджанского конфликта в 2020, стал провал переговоров по решению карабахской проблемы. Он стал непреложным фактом начиная с 2011, когда не было достигнуто окончательное согласие относительно Казанского документа («дорожной карты» урегулирования). С этого момента, как показало дальнейшее развитие событий, альтернативными стали усиленная подготовка Баку к войне и стремление Еревана сохранить статус-кво. Перелом мог наступить после армянской «бархатной революции» в апреле-мае 2018. Формирование в Армении легитимной власти впервые после 1995 давало шанс для решительного прорыва. С одной стороны, широкая общественная поддержка позволяла премьер-министру Николу Пашиняну идти на смелые шаги. С другой, возросший вследствие революции международный вес Еревана не мог не быть учтен руководством Азербайджана. Однако распыление новой армянской властью своего политического капитала как следствие неэффективного управления и непоследовательных реформ, а также постоянные нападки оппозиции с обвинениями в готовности «сдать земли» вынудили Пашиняна и его соратников вернуться к риторике, несовместимой с конструктивными переговорами. В свою очередь, постепенная потеря «бархатной революцией» своего «обаяния» дало основание президенту АР Ильхаму Алиеву отказаться от ожиданий прогресса в переговорах. Уже с середины 2019 возврат к повестке эскалации стал неизбежным.

Другим важнейшим фактором, приближавшим страны к войне, стали серьезные проблемы Арме-

нии в укреплении собственной обороноспособности. Коррупция и низкий уровень компетентности командного состава, ставка на способность стратегического союзника, России, не допустить широкомасштабную войну привели к непродуманным закупкам вооружений, пробелам в управлении вооруженными силами и обеспечении их боеготовности. Эта тенденция продолжилась и после смены власти в РА в 2018, тогда как в соседней стране шел обратный процесс - строительства армии при содействии Турции, ряда других стран и в соответствии с современными стандартами НАТО. Информация о состоянии армянской армии, стремительно терявшей свою репутацию «сильнейшей в регионе», естественно, была доступна азербайджанской стороне и укрепляла ее настрой на решение карабахской проблемы военным путем.

Изменением характера отношений между властями РА и РФ после «бархатной революции» 2018 также стало одним из решающих факторов, обусловивших масштабы эскалации. С одной стороны, Кремль проявил нейтралитет в ситуации со сменой власти в Ереване, имея для этого свои соображения, которые требуют отдельного тщательного анализа. В свою очередь, и новое армянское руководство заверило Москву о неизменности внешнеполитического курса и союзнических обязательств страны. Но, с другой стороны, на неофициальном уровне мейнстрим российской политической элиты не мог принять новые реалии в Армении. Им широко распространялся искусственный нарратив о «прозападной», «антироссийской» ориентации Никола Пашиняна и его команды. Как бы то ни было, российское руководство получило повод снизить уровень своей благосклонности в отношении Еревана, тем более что параллельно шел процесс сближения Москвы с Баку и Анкарой. Сам факт продажи Россией в больших объемах наступательных вооружений Азербайджану рано или поздно должен был вступить в принципиальное противоречие со сдерживанием последнего от его применения для решения своей главной национальной задачи. Соответственно, на усилия, которые Россия предприняла для остановки апрельской войны 2016, рассчитывать в 2020 стало уже невозможным.

Помимо отношения к новым армянским властям, на поведение России повлияли и возросшие амбиции Турции в отношении Южного Кавказа, укрепление ее военно-политического взаимодействия с Азербайджаном, с чем приходилось считаться, равно как и совпадение интересов этих трех стран в снижении роли Запада в карабахском вопросе и регионе в целом. В свою очередь, и США, и Европейский Союз, и международные институты, посредством которых западные лидеры оказывали влияние на решение региональных проблем, все последние годы сами уступали инициативу более «пассионарным» и мотивированным игрокам. В случае с Соединенными Штатами их вовлеченность в умиротворение сторон снизилось из-за сосредоточенности политических кругов на президентских выборах, либо рассматривалась сквозь призму внутренней конкуренции за власть.

Свой «вклад» в относительную отстраненность Запада, и, прежде всего, ЕС и его стран-членов от конфликта внес и Ереван. Отказ РА от Соглашения об Ассоциации с Евросоюзом в 2013 был частично компенсирован подписанием в 2017 Соглашения о Всеобъемлющем и Углубленном Партнерстве (СЕРА) и в еще большей степени «бархатной революцией». Интерес Запада к демократическим процессам в стране, с которыми связывались, мог послужить как использованию им механизмов сдерживания сторон от эскалации, так и содействию синхронизации процесса реформ и урегулирования конфликта на основе компромиссов. Однако тающие надежды на коренные преобразования в Армении не могли не отразиться на падении этого интереса и снижении озабоченности по поводу противостояния двух стран.

Наконец, на ускорение эскалации повлияла и пандемия COVID-19, которая отвлекла внимание всего мира на борьбу с вирусом и еще более снизила потенциал международного сообщества по сдерживанию военных конфликтов или их остановки в более ранней фазе.

...Ни одно из событий, предшествовавших противостоянию армян и тюркских народов на границе двух предыдущих веков и его своего рода отсроченному продолжению - карабахскому конфликту, неверно рассматривать как настолько особенное, чтобы объяснять вражду сугубо историческими факторами.

- **Основные причины, вызывающие конфликт.**

Согласно предшествовавшим войне политической риторике, традиционным аргументам сторон, их апелляциям к внешним арбитрам, содержанию большинства публикаций в СМИ, конфликт между армянами и азербайджанцами носит историко-этнический и даже культурно-бытовой характер.

Обе стороны накопили огромное количество «исторических свидетельств» того, что именно они «исконные хозяева региона», а «пришлый» соперник вообще не имеет права на что-либо претендовать. Обе приписывают себе гуманизм и великодушие, а противнику - черты религиозно-этнической нетерпимости и стремление изгнать, уничтожить или ассимилировать любые инородные элементы. И армянскому, и азербайджанскому обществам свойственны уничижительное отношение к культуре и национальным обычаям соседа, отказ ему в наличии собственного цивилизационного багажа. С обеих сторон звучат обвинения в присвоении чужих духовных ценностей. Из всего этого делается категоричный вывод - совместная жизнь либо невозможна вообще (следовательно, «лишний» должен уйти, исчезнуть, испариться), либо возможна при условии полного подчинения «порочной» нации со стороны «достойной».

Между тем, на территориях, населенных сегодня армянами и азербайджанцами, происходили такие же процессы, как и в других частях мира: образование и крушение великих империй и маленьких стран, завоевания и потери, покорение народов и национально-освободительная борьба, естественная в таких условиях массовая миграция... Ни одно из событий, предшествовавших противостоянию армян и тюркских народов на границе двух предыдущих веков и его своего рода отсроченному продолжению - карабахскому конфликту, неверно рассматривать как настолько особенное, чтобы объяснять вражду сугубо историческими факторами.

Происшедшее более ста лет назад можно воспринимать как роковое стечение обстоятельств. Турки и армяне примерно в одно и то же время созрели для идеи национального государства. Оба народа смешанно проживали на территории, воспринимаемой каждой из них как единственное место, где эта идея может быть реализована. Именно в этот период обострилась конкуренция великих держав, готовых использовать в своих целях и поощрять любые противоречия в регионе. Между турками и армянами эти противоречия приобрели особенно острый характер. Турецкий радикализм усиливался воинственной природой Османской империи, в течение всей своей истории ощущавшей враждебное отношение соседей и всей христианской Европы. Армянский - подпитывался надеждами на царскую Россию с ее нацеленностью на южные моря.

Одновременно усиливался всемирный интерес к каспийской нефти, причем со стороны Турции он выражался еще и через экспорт пантюркистской идеологии и антиармянских настроений в среде кавказских собратьев. Эти семена попадали на благоприятную почву, удобряемую заинтересованностью Российской империи в реализации здесь принципа «разделяй и властвуй» и поливаемую

радикальными религиозными кругами. Владение промышленниками армянского происхождения значительной частью нефтяных месторождений и финансирование ими (а могло ли быть иначе?) националистических политических движений еще более усугубляло неприязнь к ним местного тюркского населения.

Имперской политике России межэтнические столкновения были выгодны по определению. Первая мировая война и русская революция с их жестокостью и пренебрежением к человеческой жизни окончательно заставили забыть о любых иных вариантах решения национальных проблем, кроме насилия. И в самый разгар выяснения отношений процесс был остановлен образованием «интернационального» СССР. Кто-то называет это спасением от большей трагедии. Возможно. Даже если бы отношения армян с тюркскими народами как-то утряслись на том историческом этапе, никто не знает, с какой бы силой вспыхнуло их противостояние во Вторую мировую войну, не будь Советского Союза, а армян и азербайджанцев в его составе.

Трудно сказать, найдется ли когда-нибудь аналитик, который, основываясь на цепи перечисленных событий, сможет четко определить природу карабахского конфликта как исторического, политического, экономического или какого-то другого. Пока это никому не удавалось. И сегодняшнее, основанное на итогах 44-дневной войны интерпретация природы конфликта со стороны Баку, Анкары и целого ряда политиков и политологов, симпатизирующих Азербайджану и Турции, как следствия нарушения территориальной ценности, также страдает поверхностностью. Согласно логике ее сторонников, восстановление Азербайджаном своего суверенитета в рамках международно-признанных границ положило конфликту конец. Однако в этой версии упрощается суть проблемы, игнорируются острые противоречия, имевшие место до формирования армянской и азербайджанской государственности в их сегодняшнем виде, а также причины, обусловившие особую жестокость межэтнического противостояния двух народов. Можно, конечно, увидеть в подобной интерпретации стремление отсечь трудноразрешимые споры и форсировать достижение стабильного мира. Но реализацию такого подхода трудно представить в ситуации, когда еще свежи раны войны и почти ежедневно проявляются рецидивы острой вражды.

Справедливо утверждение, что в определенных условиях история (а точнее, та или иная трактовка прошлого) и культура становятся факторами, препятствующими решению противоречий, а следовательно, и разъединяющими народы. Произвольное толкование истории и культуры зачастую используется - кем-то умышленно, а кем-то поневоле - для достижения политических целей посредством разжигания этнических конфликтов. Но историческая наука, равно как и культура, не могут нести ответственность за манипуляции ими. Из истории никак не может следовать вывод, что тюркские народы не имеют право на государственность в силу своего кочевого прошлого. Между тем в Армении подобный подход довольно распространен. В свою очередь, некоторые азербайджанские идеологи от истории пытаются доказать, что армяне появились в регионе лишь в XIII веке, а на территории Карабаха и вовсе в XIX. А все материальные свидетельства (в частности, письмена) были нанесены на древние, не принадлежащие им памятники позже, для присвоения... Причем после 44-дневной войны этот процесс только активизировался.

При всей очевидной абсурдности псевдоисторической концепции для здравомыслящей части общества избавить массы людей от их отравляющего воздействия очень трудно. Много ли мы знаем в двух странах историков, обладающих профессиональными знаниями и смелостью для опровержения ставших традиционными заблуждений? Поэтому, видимо, на данном этапе не стоит рассчитывать на исцеляющий эффект от проектов по разработке «единого понимания истории» для Южного Кавказа. При этом важно категорически исключить историю как ключевой фактор определения путей урегулирования конфликта. Это и договориться поможет, и саму науку освободит от заказа на идеологический экстремизм. Готов подписаться под мнением нынешнего депутата Милли меджлиса АР Расима Мусабекова в книге, изданной Ереванским пресс-клубом в сотрудничестве с азербайджан-

скими коллегами «Карабахский конфликт: понять друг друга», содержание которой, несмотря на ее 17-летний «возраст», сохраняет актуальность и интенсивно используется в данной статье, в частности, в этом ее разделе: «Односторонняя негативная трактовка (истории - Б.Н.) на потребу сиюминутных пропагандистских целей не только неверна с научной точки зрения, но и вредна, так как отягощает неизбежное в обозримом будущем примирение наших народов и будет еще более затруднять восстановление доверия, добрососедства и сотрудничества».

По мнению того же Мусабекова, «ментальность, культура и история как армян, так и азербайджанцев, самобытны, оригинальны. Однако в процессе многовекового взаимодействия они сильно переплелись и взаимно обогатились. В поведенческих стереотипах армян и азербайджанцев, если подходить к ним не окарикатурено, обнаруживается много схожего». С этим также трудно не согласиться. Иногда даже легче говорить о синтетических тбилисской, бакинской, ереванской, шушинской культурных традициях, чем отдельно об армянской, азербайджанской и грузинской... Возникает парадокс: если армяне и азербайджанцы ожесточенно спорят, кому принадлежит та или иная песня, кто изобрел хаш или долму, кто у кого позаимствовал тот или иной орнамент, значит, и тем и другим дорого подчас одно и то же. Но в таком случае, почему они становятся не ближе друг другу, а все более и более чужими? Может, мы не любим в соседе, то, что не хотим видеть в себе, и наоборот? Читая «труды» некоторых современных азербайджанских идеологов, ловишь себя на мысли, что наши соседи, скептически или с возмущением воспринимавшие проявления армянского национального чванства, в то же время словно учились ему. И сегодня, особенно после победы в 44-дневной войне, ничуть не уступают, если ни превосходят «оригинал».

Означает ли сказанное, что культура и история - разъединяющие факторы? До поры до времени таковыми они, видимо, и будут. Остается повторить, что процесс поиска путей урегулирования должен быть максимально абстрагирован от них. Вместе с тем идея общего прошлого и близости двух народов не должна предаваться забвению. Иначе новые поколения, не обремененные живыми представлениями об исторических и культурных связях, будут испытывать меньшее притяжение друг к другу. А взамен продолжают развиваться «образ врага» у азербайджанцев и идеи о «несовместимости» в сознании армян.

Нездоровые проявления в отношениях друг к другу можно в какой-то степени объяснить уязвленным самолюбием, комплексом условно проигравшего. С начала XX века таковыми себя ощущали армяне, в 1994-2020 – азербайджанцы, сегодня - вновь армяне. Отсюда вывод: избавиться от комплексов поможет только в равной степени устраивающая или (что более реалистично) в равной степени не устраивающая обе стороны модель урегулирования конфликта. И еще - чувство юмора в отношении собственных слабостей, свойственное, но несколько позабытое в последние годы и армянами, и азербайджанцами...

Эксперты-соавторы упомянутой выше книги «Карабахский конфликт: понять друг друга», вышедшей в свет при поддержке Фонда Фридриха Эберта, называют некоторые из специфических обстоятельств, лежащих в основе карабахского конфликта: «негативный исторический опыт проживания армян под административным управлением Азербайджана»; «крайние националисты делали ставку на эскалацию взаимной ненависти, различные околоставные группы стремились воспользоваться ситуацией для прорыва, либо возвращения к власти», «атмосфера насилия, общественной нестабильности была весьма благоприятна для мафиозных, криминальных групп, так как позволяла прятать концы прошлых, настоящих и будущих преступлений», «конфликт порожден также национальной политикой в бывшем Советском Союзе... массовые выселения и прочий произвол создавали впечатление, что можно «оттяпать» кусок у одной республики и отдать его другой», «искусственное изменение демографической ситуации и опасения карабахцев, что их ожидает судьба нахичеванских армян».

На советской национальной политике лежит, конечно, огромная ответственность как за карабах-

ский, так и за многие другие конфликты на территории бывшего СССР. Но для понимания природы армяно-азербайджанской вражды следует заглянуть глубже, в середину XIX - начало XX века. Практически, во всех странах, где капитал оказывался разделенным между представителями разных этнических общин, возникало противостояние националистически настроенных элит. Стремясь максимально расчистить себе поле деятельности, выбить с рынка конкурентов, каждая из этих общин начинала с представителей иных национальностей, конфессий, субъекты экономической деятельности активно использовали в конкурентной борьбе ксенофобию.

В этом смысле взаимоотношения армян и азербайджанцев складывались в контексте обострения армяно-турецких противоречий периода заката Османской империи. Не вызывает сомнений утверждение, что одной из причин враждебности армян в отношении азербайджанцев является идентификация последних с турками и автоматический перенос на них всех сопутствующих негативных эмоций. Но не менее справедливо суждение, что и сами азербайджанцы нередко отождествляют себя с турками или, во всяком случае, свои интересы с турецкими. То есть, в формировании их отношения к армянам «участвовал» как важный фактор и негатив к соседям, перенесенный из их исторически сложившихся взаимоотношений с турками. Одной из основных причин вражды, как отмечено выше, является распространение в регионе со второй половины XIX века идеологии национального государства, точнее, ее радикальной версии. Для доминирующей национально-религиозной общины она предполагала ассимиляцию меньшинств или полное подчинение себе их интересов. Для меньшинств - изменение соотношения сил в свою пользу или получение независимости, формирование собственного, защищенного от «чужаков» рынка и других атрибутов национальной государственности. Так начинались многие кровопролитные конфликты и войны вообще и в нашем регионе, в частности.

Переплетение армяно-турецких и азербайджано-армянских противоречий зарядило карабахский конфликт дополнительными взрывными составляющими. Более того, если сравнивать освещение геноцида 1915 в азербайджанских и турецких СМИ, особенно в период, предшествовавший усилению авторитарных и националистических тенденций в современной Турции, приходишь к выводу, что первые явно превосходят вторых в категоричности, неприятии армянской позиции. И дело здесь не только в уровне плюрализма и профессионализма прессы, но и в общественных настроениях в целом. Турецкое общество до последних лет было более раскованно и склонно к поиску общей платформы с армянами, чем азербайджанское, которое, к примеру, проблема Геноцида 1915, вроде, непосредственно не затрагивает.

К перечню основ карабахского конфликта можно добавить и ряд иррациональных моментов, присущих отношениям армян и азербайджанцев: особое чувство национальной гордости, престижа. Это чаще встречается у соседей, лишенных самостоятельности, живущих в тесных связях, как в Советском Союзе, но концентрирующихся на собственной идентичности. Не имея условий для самореализации в государственном строительстве, полноценном участии и осознании себя в мировых процессах, они выплескивают всю энергию на соперничество друг с другом, которое проявляется в самой неожиданной, порой жестокой форме.

В советский период радикальный буржуазный национализм был подавлен, но не искоренен. Скорее, законсервирован. Лишенный возможности развиваться естественным образом и отживать свое под влиянием новых исторических реалий, он костенел, приобретал извращенные формы. Местный (не общесоветский) патриотизм то становился объектом самого жестокого преследования, то сознательно реанимировался для достижения задач империи. Так, в годы Отечественной войны активно эксплуатировались память о национальных героях, исторических событиях, чувства и инстинкты, которые поднимали русский, грузинский, казахский и т.д. патриотический дух. При этом, в качестве вдохновителей на борьбу с общим врагом для представителей разных народов могли использоваться символы, антагонистичные друг другу. Образы русского покорителя новых земель и противосто-

явшего ему вождя национально-освободительного движения решали общую идеологическую задачу.

Национализм достаточно интенсивно проявлялся в поведении представителей коммунистических элит. Оставаясь на словах интернационалистами, лидеры республик нередко и весьма последовательно реализовывали узконациональные программы, вели подковерную борьбу друг с другом. Конкуренция, соперничество происходили не напрямую, а через Москву как высшего судию: кто лучше отчитывается о выполнении плана пятилетки и выбьет у Центра переходящее Красное Знамя победителя социалистического соревнования, разнообразные блага и инвестиции. Эта привычка не видеть друг друга при решении важных задач сильно помешала диалогу коммунистических лидеров Армении и Азербайджана, когда разгорелся конфликт. Трудно допустить, что им было безразлично будущее региона, горе и несчастье соотечественников. Но неумение улаживать какие-либо вопросы, минуя Москву, и сама система, предполагавшая преодоление любых противоречий посредством апелляций к Кремлю, сделали их в этом смысле абсолютно беспомощными.

Характерной чертой национализма советской эпохи было и то, что общественность каждой республики замечала его у других, но никак не у себя. Довольно распространенным явлением в Азербайджане было называть представителей армянской коммунистической элиты «дашнаками». А в Армении с такой же легкостью наклеивали ярлык «мусаватисты» на наиболее авторитетных представителей Советского Азербайджана. Тем самым подчеркивалась преимущество националистических устремлений у элит досоветского и советского периодов. Подозревая соседей - порой не без оснований - в намерениях получить что-то за счет других, и армяне, и азербайджанцы объясняли собственный этноцентризм вынужденной ответной реакцией.

Рецидив такого подхода проскальзывал у армян и азербайджанцев и в постсоветский период. В Баку утверждали, что карабахским армянам жилось даже лучше, чем населению других регионов Азербайджана, и что отнюдь не проблемы, вызываемые несправедливостью, подняли их на борьбу за выход из состава этой республики. По мнению азербайджанских аналитиков, главную роль, наряду с имперской политикой Москвы, сыграли «экспансионистские настроения националистической армянской элиты». При этом упускается из виду непреложный факт: там, где социально-экономическая неудовлетворенность усугубляется национальными противоречиями, страхами, она ощущается наиболее остро. Кроме того, нельзя недооценивать особо скрупулезное внимание национального меньшинства к тенденциям в стране (в данном случае союзной республике) проживания. А основной для тревоги у армян в Азербайджане было предостаточно.

Последовавший за хрущевской оттепелью подъем национального самосознания армян в середине 60-х сопровождался агрессией в отношении к проживавшим в республике азербайджанцев. Параллельно националистические настроения активизировались и в Азербайджане. В силу многонациональности республики они не ощущались многими слоями общества, особенно в ее столице, значительная часть традиционного населения которой не придавало значения этническим корням сограждан. Однако политика «азербайджанизации» распространилась в 1970-е на все сферы жизни: от кадровой перетряски системы управления до комплектации футбольных команд. Если сравнить «национальные» составы бакинского «Нефтяника» «бронзового» 1966 и «Нефтчи» (смена названия также отражала суть процесса), скажем, 1972 - контраст будет очевиден. В свою очередь, если в 1950-1960-х выступление азербайджанцев в составе ереванского «Арарата» или Государственного эстрадного оркестра Армении воспринималось как привычное явление, а концерты Зейнаб Ханларовой в Ереване били все рекорды популярности, то в последние годы существования СССР такое стало просто невозможным. Эти далекие, на первый взгляд, от политики и экономики явления отражали общую тенденцию, приближавшую возгорание конфликта в конце 1980-х, когда горбачевская «перестройка» выпустила из бутылки обозленного многими десятилетиями несвободы и оставшегося на уровне представлений начала XX века джинна национализма.

Всплески антиармянских и антиазербайджанских кампаний соответственно в Советском Азербайджане и Советской Армении случались и прежде, но носили, как правило, локальный характер, однако описанные выше процессы принимали все более широкие масштабы. Для национально чувствительной части армян Баку, Кировабада (Гянджи) и других городов с доминирующим азербайджанским населением тревожные тенденции послужили сигналом к тихому-мирному отъезду еще до 1988. Но в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других регионах с преимущественно армянскими административными, общественными институтами послужили триггером для сопротивленческих настроений.

Все это происходило на фоне глобального краха советской модели социализма, расширения свобод, не обеспеченного последовательными реформами, которые позволили бы консолидировать государство на новых, демократических основах. Разумеется, сыграли свою роль и интересы «коррупцированных, криминальных групп, экстремистов и провокаторов разных мастей». Однако они, скорее, воспользовались складывающимися обстоятельствами, нежели явились основными создателями ситуации.

Буду неправильно понято, если сказанное воспримется как безоговорочное обвинение национализму. Для конкретных историко-политических обстоятельств он был явлением естественным и неизбежным в худшем случае, а в лучшем - нес серьезный потенциал развития. Но в контексте армяно-азербайджанских отношений он впитал столько дополнительных субъективных и объективных факторов, что привел к отсроченному почти на целый век широкомасштабному военному конфликту. И остановить подобное развитие событий, к сожалению, оказалось невозможно. Слишком зрелые национальные институты нужны были армянам и азербайджанцам, чтобы выйти на предотвращение массового насилия, остановить трагическое развитие событий. Но откуда было взяться таким институтам у народов, не имевших практически никакого опыта современной государственности и вобравших взамен всю нетерпимость советского тоталитаризма? И, как показали события 2020 и продолжающиеся в наше время то ли афтершоки, то ли подготовка к новой эскалации, соответствующие институты не состоялись и за три десятилетия независимости.

2. МИРОТВОРЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ:

● Текущие миротворческие усилия по урегулированию

Ситуация после 44-дневной войны 2020 чем-то напоминает середину 1990-х, когда инициатива в миротворческих усилиях на уровне гражданского общества, экспертов и СМИ принадлежала международным организациям. Особую активность проявляют примерно те же игроки – это, прежде всего, «LINKS Europe», бывшие партнеры по EPNK («The European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh»). Сегодня многое начинается почти с нуля, и реальное движение вперед станет возможным, когда со своими инициативами в процесс активно включатся организации стран Южного Кавказа.

С учетом того, что текущие, иными словами, формирующиеся с конца 2020 миротворческие усилия «TRACK-2» (неофициального «Второго пути») носят сугубо «разведывательный» характер (над чем нужно и можно работать), имеет смысл вернуться к тем представлениям, которые сложились до войны, наложить их на новые обстоятельства и определить, что остается актуальным, а что требует принципиального пересмотра и иных подходов. В этом смысле в качестве одного из полезных ресурсов может послужить совместное исследование Ереванского пресс-клуба и Объединения журналистов Азербайджана «Ени Несил» при поддержке правительства США «Армения-Азербайджан: в поисках новых моделей диалога», осуществленное в 2018-2019.

Большинство участников фокус-групп и углубленных интервью в рамках этого исследования как

Ситуация после 44-дневной войны 2020 чем-то напоминает середину 1990-х, когда инициатива в миротворческих усилиях на уровне гражданского общества, экспертов и СМИ принадлежала международным организациям.

в Азербайджане, так и в Армении отмечали, что «гражданская дипломатия» в прошлом играла определенную роль, которая в последние годы существенно уменьшилась. Развивая эту оценку, можно утверждать, что в контексте 44-дневной войны «TRACK-2» оказался почти полностью замороженным. Азербайджанские респонденты как наиболее благоприятный указывали на период с 1993 по 2000, причем прозвучало мнение, что по содержанию и эффективности «дипломатия второго плана» опережала тогда официальный переговорный формат. В качестве причин изменения ситуации большинство из них называли, в первую очередь, отношение к гражданской дипломатии со стороны властей, а во вторую - отношение общества, разуверившегося в ее результативности и воспринимающего контакты как имитацию полезной деятельности. Отсутствие результатов от визитов журналистов, встреч правозащитников и пр. привело к полному отказу в их поддержке со стороны государства.

Армянские участники исследования полагали, что «гражданская дипломатия» может играть огромную роль, вплоть до «сопоставимой с миссией Минской группы». Общение помогало получать представление о позициях друг друга, генерировало оптимизм относительно урегулирования. Но в реалиях периода, когда проводилось исследование, весь этот потенциал уже не использовался. Ограничение контактов способствовало развитию скептицизма в армянской среде в отношении «дипломатии второго плана». Некоторые респонденты указывали, что она используется властями - каждой стороной в своих целях - и самостоятельной роли не играет. Высказывалось мнение, что гражданская дипломатия представляет из себя, по сути, межличностное общение и институциональный характер так и не приняла - «в ней больше формы, чем содержания». Вместе с тем, очевидно, что оценка эффективности «гражданской дипломатии» в прошлые годы было бы более объективной, если бы была возможность сравнить, как бы складывались отношения без нее. Большинство армянских участников исследования высказалось за то, что чем больше будет контактов с коллегами из Азербайджана, тем лучше. Если даже они не влияют непосредственно на урегулирование, доверие, формируемое в результате человеческого общения, само по себе представляет ценность.

После 44-дневной войны ситуация изменилась еще и в том, что заинтересованность представителей армянского гражданского общества в контактах кардинально снизилась. И причина не столько в том, что, как считают многие за рубежом, оно не отошло от поствоенной травмы. Для армянских активистов и экспертов официальная повестка Еревана в карабахском вопросе, как минимум, не до конца понятна, а не учитывать таковую в своей деятельности они не могут. Не позиционируя себя в отношении этой повестки, крайне сложно найти свое место, определить собственную роль в миротворческой деятельности. В Азербайджане, наоборот, приоритеты властей нашим коллегам предельно ясны, им гораздо легче сориентироваться, с чем они согласны, а где видят иные решения. Поэтому их заинтересованность в вовлеченности в «TRACK-2» сегодня выше, чем у большинства потенциальных армянских партнеров. Сковывающие их обстоятельства те же, что были до 44-дневной войны: предоставят ли власти возможность полноценно функционировать?

В исследовании ЕПК и «Ени Несил» трехлетней давности многие азербайджанские респонденты оговаривали свое участие в миротворительных инициативах достижениями политических догово-

Для армянских активистов и экспертов официальная повестка Еревана в карабахском вопросе, как минимум, не до конца понятна, а не учитывать таковую в своей деятельности они не могут.

ренностей между сторонами на официальном уровне. Сегодня базовый политический документ (трёхстороннее заявление от 9/10 ноября 2020), знаменующий, согласно официальному Баку, окончательное закрытие карабахской проблемы, может восприниматься как выполнение озвученного выше условия. В Армении статус трехстороннего заявления трактуется иначе, и разрешение конфликта виделось до начала войны в Украине только в рамках переговоров под эгидой сопредседателей Минской группы.

Из направлений взаимодействия в рамках гражданской дипломатии как армянские, так и азербайджанские участники исследования отдавали предпочтение инициативам в гуманитарной сфере. Это направление активно работало даже во время войны 1992-1994 (взаимодействие для оказания помощи пострадавшим, оказавшимся в тяжелом положении вследствие конфликта, в том числе, военнопленным и заложникам), считалось актуальным и в предвоенные годы. Однако реалии 44-дневной войны, фактически, исключили подобные инициативы – в отличие от 1992-1994 к занятию, в частности, судьбой военнопленных никто представителей правозащитного сообщества подпускать не собирался. Тогда как работу в этом направлении миротворчества целый ряд армянских неправительственных организаций выставлял, практически, как предусловие, индикатор целесообразности для восстановления прежних связей.

Вторая сфера после гуманитарной, взаимодействие в которой получила наибольшую поддержку респондентов того же исследования - информационная. Здесь имелись в виду обмен журналистами, противодействие гибридным войнам, формированию образа врага и др. Однако и здесь реалии не дают поводов для энтузиазма. Огромная роль, которую сыграло пропагандистское обеспечение войны, только подогрело аппетиты подавляющего большинства представителей СМИ участвовать в информационном противостоянии. При этом, если в Азербайджане острое журналистское оружие направлено против внешних противников, и, прежде всего, Армении, то их армянские коллеги, разбившись на политические лагеря, ведут ожесточенные войны на внутреннем информационном фронте, что также не способствует формированию миростроительной среды в регионе.

Как представляется, наиболее перспективным направлением армяно-азербайджанского диалога, становится обсуждение моделей послевоенного урегулирования с активным участием экспертов, разного рода исследования, позволяющие определить настроения граждан, влияние на процессы игроков национального, регионального и глобального масштабов. Именно на этом направлении сосредоточены сегодня миростроительные усилия. Диалог по теме урегулирования отмечался в рамках исследования ЕПК и «Ени Несил» как третья по важности тема для взаимодействия, но в новых условиях она оказалась наиболее перспективной. Хотя, как отмечалось выше, неопределенность повестки официального Еревана создает очевидные сложности для участия армянских активистов и экспертов в соответствующих проектах. Нет пока полной ясности и в вопросе поощрения азербайджанскими властями диалоговых инициатив вообще и на данном тематическом направлении, в частности.

Вклад международных (зарубежных) донорских организаций, НПО и «мозговых центров» (think-tanks) в решение карабахской проблемы также во многом зависит от условий работы, которые им

предоставляют власти сторон конфликта. И в этом смысле, особенно в последние 10-15 лет, возникло много сложностей из-за новых и новых ограничений, вводимых в Азербайджане. После 44-дневной войны появились надежды, что внутривосточная стабильность в этой стране скажется и на большей ее доступности для международных организаций, но дальше надежд дело пока не идет. Сказывается, по-видимому, и общий для постсоветского пространства (и не только) рост недоверия к «иностранным агентам».

Оговорки армянских респондентов того же исследования относительно роли международных, в том числе донорских, организаций носили несколько иной характер. Они касались и снизившейся активности, заинтересованности, по сравнению с предыдущими периодами, и слабой координации, и неэффективного подбора партнеров на местах, и незнания региональной специфики, и необходимости проявлять осторожность относительно привнесения в карабахский контекст внешней повестки. По словам одного из респондентов, вызвавшим одобрение других участников исследования, «доноры выпестовали профессиональных НПОшников, которые красиво говорят, но в этом нет ни чувств, ни содержания». В определенной степени это отношение к вопросу сохранилось и после 9 ноября 2020, что вызывает некоторый дополнительный скептицизм в отношении эффективности миростроительных инициатив, спонсируемых из-за рубежа.

Поддержка из-за рубежа армяно-азербайджанскому взаимодействию на неофициальном уровне, по мнению многих респондентов в обеих странах, ограничивается организацией «церемониальных встреч».

В условиях многочисленных препятствий для прямого армяно-азербайджанского диалога некоторые участники исследования из обеих стран подчеркивали важность многосторонних международных площадок, предоставляющих сторонам конфликта дополнительные возможности для контактов. Одной из них стал в последние 10 лет Форум гражданского общества Восточного партнерства. Однако, по оценке большинства респондентов как из Азербайджана, так и из Армении, он мало способствовал взаимодействию представителей гражданского общества двух стран.

Отчасти его неэффективность в этом вопросе обусловлена тем, что форум объединил слишком разные НПО и что Европейский Союз сам оказался незаинтересованным полноценно использовать эту площадку. Отмечалась также проблема отношений национальных платформ ФГО с властями собственных стран. Высказывалось также мнение, что, хотя Форум имел доступ к ресурсам ЕС, возможности прямого общения и консультаций с высокопоставленными международными чиновниками, выход на широкий круг специалистов, он недостаточно воспользовался этими возможностями. Периоды до и после 44-дневной войны ознаменовались взаимными обвинениями друг друга Национальных платформ ФГО в Армении и Азербайджане, что резко снизило их шанс внести вклад в миротворчество.

● Структуры и форматы, включенные в процесс миротворчества.

Официально основным форматом мирных переговоров по карабахскому урегулированию как до, так и после войны оставался институт сопредседателей Минской группы ОБСЕ. В исследовании, проведенном в 2018-2019, азербайджанские и армянские респонденты примерно одинаково определяли миссию этого института, хотя и несколько расходились в оценке его эффективности. Однако после войны 2020 ожидания от сопредседателей Минской группы в двух странах оказались принципиально отличными. Баку стремился ограничить их роль закреплением итогов войны как состоявшегося факта окончательного урегулирования конфликта и приданию этим процессам мирного характера. Ереван заявляет, что процесс урегулирования, включающий определение статуса Нагорного Карабаха, под эгидой Минской группы должен продолжиться.

Агрессия России в Украине нанесла серьезный удар по миссии сопредседателей МГ. Они сегодня

С учетом роли России в достижении перемирия 9/10 ноября 2020 и присутствия с согласия сторон ее миротворцев в Нагорном Карабахе было бы естественно предполагать, что именно она должна претендовать на статус основного, если не единственного посредника. Однако сосредоточенность ее дипломатического и, в целом, государственного ресурса на войне в Украине не вселяет уверенность в готовности Москвы эффективно выполнять посреднические функции.

представляют страны, находящиеся де-факто в состоянии войны. Беспрецедентные санкции, которые Запад, включая США и Францию, применил в отношении РФ, поставки им в огромных масштабах вооружений Украине, периодическое возобновление обсуждений о непосредственном вовлечении НАТО в той или иной форме в военные действия против России делают трудно представимой прежнюю относительно слаженную работу тройки сопредседателей. Тем более, что персональные санкции распространились и на высших чинах российской дипломатии. Само название группы, включающую слово «Минск», становится проблематичным с учетом роли, которую играет в войне Беларусь. Вместе с тем, сложно представить, посредством каких механизмов может быть изменен состав и название МГ, а значит, более вероятным становится обречение ее на пассивное существование. А на месте ключевых посредников могут рассматриваться другие влиятельные или амбициозные игроки.

С учетом роли России в достижении перемирия 9/10 ноября 2020 и присутствия с согласия сторон ее миротворцев в Нагорном Карабахе было бы естественно предполагать, что именно она должна претендовать на статус основного, если не единственного посредника. Однако сосредоточенность ее дипломатического и, в целом, государственного ресурса на войне в Украине не вселяет уверенность в готовности Москвы эффективно выполнять посреднические функции.

Кандидатом, который без сомнений заинтересован выступить в роли посредника как в одиночку, так и в тандеме с Россией, или, не исключено, в другом составе является Турция. Это страна стремится закрепить свое влияние на Южном Кавказе, которое существенно возросло после 44-дневной войны и создания совместного с Россией мониторингового центра в Агдаме, обозначившего ее официальное военное присутствие в регионе. Вместе с тем, степень вовлеченности Турции в 44-дневной войне сделала ее непосредственной стороной в конфликте, что противоречит статусу посредника. Более того, Шушинская декларация, принятая совместно Баку и Анкарой и зафиксировавшая теснейшие союзнические отношения между двумя странами, которые являются фактической реализацией неформального принципа «Один народ - два государства», при отсутствии даже дипломатических отношений между Турцией и Арменией, никак не позволяют рассчитывать на беспристрастное посредничество. Стартовавшие армяно-турецкие переговоры по нормализации отношений, с одной стороны, могут при благоприятном исходе повысить потенциал Анкары как актора, играющего позитивную роль в обеспечении мира и развития сотрудничества в регионе, однако, с другой, взятое Турцией обязательство полностью согласовывать с Азербайджаном свои действия в диалоге с Ереваном не способствуют росту доверия к ней в армянском обществе. Иными словами, включение темы ка-

рабахского конфликта в контекст нормализации армяно-турецких отношений будет только отягчать процесс дополнительными сложностями.

Придя к власти в РА в 2018, Никол Пашинян объявил, что будет вести переговоры с Азербайджаном по урегулированию конфликта «с нуля», т.е. на основе новых подходов. Одним из поставленных им вопросов стало возвращение за стол переговоров представителей избранных властей Нагорного Карабаха. В Армении, независимо от инициативы Пашиняна, на этот счет почти полный консенсус существовал давно. Однако официальный Баку, как и следовало ожидать, ответил категорическим отказом, а в рамках упомянутого выше исследования ЕПК и «Ени Несил» в 2018-2019 азербайджанские респонденты называли условия, при которых допустили бы такое изменение формата. Одно из них предполагало предоставление равноценного статуса азербайджанской общине НК, высказывались также мнения, что представители Нагорного Карабаха могут быть допущены к переговорному столу, только если признают суверенитет Баку над собой, либо после того, как Арменией и Азербайджаном на двусторонней основе с участием посредников будут решены все принципиальные вопросы и возникнет необходимость обсуждать детали, связанные с реализацией достигнутого соглашения. Первые две идеи не были восприняты армянскими респондентами в период проведения исследования, третья же, само собой разумеется, имеет право на жизнь. Армянские респонденты не исключали, что для решения частных вопросов могут быть задействованы самые разные форматы, в том числе двусторонний, включающий армян НК и азербайджанцев-переселенцев из этого региона.

После 44-дневной войны возвращение к теме участия избранных представителей карабахских армян, несмотря на сохранение ее в повестке армянской стороны, стало еще менее реалистичным, так как Азербайджан неоднократно заявлял, что вообще не признает наличие такой административно-территориальной единицы, как Нагорный Карабах. И тем не менее, если не закрывать глаза на очевидную истину, что проблема армян Нагорного Карабаха объективно существует, и война, и усиливающееся послевоенное напряжение в регионе только подчеркивают актуальность того, что голос проживающих там людей должен каким-то образом звучать и быть услышанным на переговорной площадке. Речь, разумеется, о сценариях, в основе которых лежит взаимный учет интересов.

Относительно потенциальных третьих сторон и перспектив их доминирующей роли в переговорном процессе в довоенных Армении и Азербайджане представления были довольно близкими. В частности, превалировало мнение, что для США урегулирование карабахского конфликта не является приоритетом их внешней политики (надо при этом отметить, что оно укрепилось в период президентства Дональда Трампа). В то же время отмечалось, что для этой страны важна стабильность в регионе, независимо от того, будет ли найдено окончательное решение проблемы или нет, хотя не исключалась возможность изменений во внешней политике Вашингтона при смене администрации в Белом доме. В отличие от США, за Европейским Союзом не признавалось наличие действенных рычагов влияния на армяно-азербайджанские отношения. Более того, довольно распространенным было мнение, что ЕС не использует даже те инструменты воздействия на ситуацию, которыми располагает. Отчасти это объяснялось внутренними проблемами ЕС и разными позициями стран-членов в отношении карабахского конфликта.

После 44-дневной войны отношение к вовлеченности как собирательного Запада, так и его отдельных игроков, претерпело изменение. Судя по официальным заявлениям Баку, в Азербайджане видят роль США и ЕС в содействии не урегулированию конфликта, а в восстановлении возвращенных территорий, а также в том, чтобы склонить Ереван безоговорочно принять сложившиеся после 9/10 ноября 2020 реалии. Армения же повысила уровень своих ожиданий от западных партнеров после произнесенного Джо Байденом в апреле 2021 словосочетания «геноцид армян» применительно к событиям 1915, заявленной готовности ЕС инвестировать в пять стратегических для страны программ 2.6 млрд евро, приглашение Армении (в отличие от Азербайджана и Турции) на декабрьский (2021) «Саммит демократии», инициированный президентом США, энергичное подключение Евросо-

...Проблема армян Нагорного Карабаха объективно существует, и война, и усиливающееся послевоенное напряжение в регионе только подчеркивают актуальность того, что голос проживающих там людей должен каким-то образом звучать и быть услышанным на переговорной площадке

юза в лице президента Европейского Совета Шарля Мишеля при активной поддержке французского президента Эмманюэля Макрона к армяно-азербайджанскому урегулированию. Хотя армянские эксперты призывают не переоценивать значение резолюции Европейского парламента от 10 марта 2022, осуждающей уничтожение культурного наследия Нагорного Карабаха, здесь рассчитывают на усилия Запада и, прежде всего, Франции, по актуализации в рамках армяно-азербайджанского переговорного процесса темы статуса НК. Вместе с тем, агрессия России против Украины не может не сказываться на активности международного сообщества на других направлениях, включая, разумеется, и карабахское урегулирование.

Сбалансированная позиция Грузии в конфликте до 44-дневной войны заслуживала позитивной оценки со стороны как Азербайджана, так и Армении. В ходе войны существенной частью армянского общества Тбилиси воспринимался, скорее, как союзник Баку, нежели как нейтральная сторона. Это не помешало, однако, продолжить рассматривать Грузию как наиболее предпочтительную площадку для армяно-азербайджанского диалога. Однако ее эффективность как посредника, если речь идет о большем, чем разовые инициативы гуманитарного характера, подобные организации возвращения военнопленных, ставится под сомнение. Это связано, прежде всего, с распространенным представлением, что для подобной миссии третья сторона должна обладать рычагами влияния на непосредственных участников конфликта, а таковыми Тбилиси, если и располагает, то в весьма ограниченных масштабах.

В рамках исследования ЕПК и «Ени несил», проведенного в 2018-2019, респонденты как азербайджанские (в большей степени), так и армянские (в меньшей) готовы были в идеале принять формат переговоров без посредников. Однако они осознавали, что глубина противоречий на данном этапе урегулирования может завести чисто двусторонний формат в тупик. Положение вещей в этом вопросе мало изменилось и после 44-дневной войны, хотя потенциальная повестка переговоров (с посредниками или без) выглядит более конкретной – делимитация и демаркация границ, открытие транспортных коммуникаций, заключение мирного договора. По поводу последнего из перечисленных пунктов сохраняются противоречия, связанные, главным образом, с разным отношением к включению в повестку вопроса Нагорного Карабаха. По двум другим определенная динамика есть.

Первым форматом, в рамках которого началась работа на перспективу стала трехсторонняя комиссия Азербайджана, Армении и России по вопросам разблокирования транспортных коммуникаций. С начала 2021 состоялись несколько встреч, на эффективность которых отрицательно повлияли сугубо политические соображения сторон, оказавшиеся более существенными, чем реальная заинтересованность в развитии региона. Это коснулось открытия железнодорожного и автомобильного сообщения между «материковым Азербайджаном» и Нахичеванской автономией через армянский Мегри. Опасения Еревана заключались в том, что придание этому транспортному направлению определенных черт экстерриториальности создаст предпосылки для дальнейших претензий Баку

на Сюникскую область. Дополнительную пищу для подобных разговоров в среде армянского политикума и экспертного сообщества давали озвучиваемые в Азербайджане идеи о дополнительных маршрутах, соединяющих две части страны через территорию Сюника, что не было никак оговорено в Заявлении от 9/10 ноября 2020. Тем более, когда это сопровождалось постоянной напряженностью на участках армяно-азербайджанской границы, где расстояние между основной частью АР и Нахичеваном было наиболее коротким, и, по достаточно убедительным свидетельствам, Азербайджан продвинул свои посты глубже, чем проходила граница между двумя советскими республиками. В свою очередь, Баку, фактически, отказывался от обсуждения вопросов о разблокировании других коммуникаций, настаивая на приоритетности мегринского направления. Работа комиссии стала заходить в тупик, чему способствовало также начало военных действий в Украине, почти полное отстранение Москвы от иных проблем и, наконец, неожиданное для многих объявление о планах Азербайджана и Ирана соорудить транспортные инфраструктуры для преодоления изоляции Нахичеванской автономии от остальной части страны в обход Армении. Если иметь в виду, что Баку увязывал открытие, так называемого, «Мегринского коридора» с функционированием Лачинского, соединяющего Армению с Нагорным Карабахом, то и в этом вопросе нельзя исключать появление определенных проблем. Иным словами, с учетом перекрытия Азербайджаном прежних маршрутов передвижения между населенными пунктами Сюникской области Армении, ситуация развивается, скорее всего, не в сторону разблокирования транспортных коммуникаций, а в обратном направлении.

Относительно начала работ по делимитации и демаркации государственной границы между Арменией и Азербайджаном долгое время сохранялся скептицизм, однако подключение к процессу в конце 2021 Европейского Союза, предложившего также консультационную поддержку, выглядело многообещающе. Об этом свидетельствовали и официальные заявления из Баку и Еревана. Однако ожидания, что в январе 2022 сформируется и приступит к деятельности Комиссия по делимитации и демаркации, не оправдались. Непосредственно заинтересованные стороны, по-видимому, оказались не готовыми к самостоятельным конструктивным инициативам, тогда как сосредоточенность собирательного Запада на вызовах, брошенных ему из Москвы, равно как и самой России на реализации своих угроз, судя по всему, отодвинули процесс на неопределенный срок. Между тем, абсолютно очевидно, что для исключения конфронтационных сценариев Армении и Азербайджану необходимо обозначить хотя бы временные границы, даже без использования таких мало знакомых широкой публике до недавнего времени слов «демаркация» и «делимитация». Только согласованная линия разграничения, позволяющая людям по обе ее стороны жить более-менее нормальной жизнью, безопасно заниматься хозяйством, передвигаться, может быть залогом дальнейшего мира и базой для переговоров по окончательному урегулированию.

● Недостатки миротворческого процесса/GAPS

В отличие от ситуации до, примерно, 2010, когда контакты и взаимодействие между неправительственными организациями и журналистами осуществлялись относительно автономно от официального переговорного процесса, в последующие годы их оживление оказалось в прямой зависимости от заинтересованности в этом лиц и структур, принимающих решения на государственном уровне. При этом, как показывает практика, дефицит общения в неформальном режиме, отрицательно отражался и на официальном переговорном процессе. Недоверие в вопросах, касающихся Нагорного Карабаха, во многом определяет характер отношений не только между представителями армянского и азербайджанского обществ, но и внутри каждого из них.

При крайнем дефиците независимых, нацеленных на реальный диалог инициатив их пространство время от времени заполняется сугубо показательными, имеющими пропагандистскую направленность проектами. В 2007 и 2009 по инициативе бывшего министра культуры России Михаила Швыдкого и послов АР и РА в Российской Федерации, композиторов Полада Бюль-Бюля оглы и Ар-

мена Смбатяна в совместных поездках и встречах на самом высоком уровне в Баку, Ереване и Степанакерте участвовали видные представители азербайджанской и армянской интеллигенции. Однако каждый из этих визитов поднимал новую волну негатива друг о друге. В декабре 2021 в Москве была организована первая после 44-дневной войны встреча в том же формате и с тем же результатом, что и предыдущие.

Похожим прецедентом стал обмен армянскими и азербайджанскими журналистами в ноябре 2019. До этого тогдашние министры иностранных дел Азербайджана и Армении Эльмар Мамедьяров и Зограб Мнацаканян 16 января 2019 выступили с официальным заявлением, в котором самой примечательной стала формулировка о необходимости готовить народы к миру. Именно реализацией этого плана при активном участии аппарата Анджея Каспшика, личного представителя председателя ОБСЕ, стала поездка армянских журналистов в Баку и азербайджанских – в Ереван. Скрытность и заорганизованность, сопровождавшие весь проект, ничего нового не содержащие публикации шести его участников поставили вполне легитимный вопрос: каким образом этот обмен мог способствовать подготовке народов к миру?

В 2016 году заявила о себе Бакинская платформа за мир, после дискредитации которой участниками, представлявшими, якобы, армянскую сторону, ее в 2017 году сменила Гражданская платформа мира между Арменией и Азербайджаном, зарегистрированная в Тбилиси. Вопреки декларированным миротворческим намерениям, названные инициативы лишь обостряли отношения между сторонами конфликта, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в СМИ. И если в случае с инициативой Швыдкого, поддержанной в Москве, очевиден просто формалистский подход с заведомым отсутствием представлений о результате, то Бакинская и Тбилисская платформы решали вполне конкретную задачу подмены и имитации истинного миротворческого процесса в интересах окол властных кругов Азербайджана.

Помимо имитации и кампанейщины, на миротворческий процесс время от времени негативное воздействие поневоле оказывали инициативы «шокового» характера, подобные совместным миротворческим заявлениям известных публичных фигур, громкими вызовами доминирующим общественным настроениям или декларированию позиций, отвергающих стереотипы восприятия друг друга. При последовательном продвижении к урегулированию они играли бы роль катализатора, ускоряли бы процесс. Но в условиях неэффективного переговорного процесса на официальном уровне попытки прорывных действий со стороны миротворцев нередко вызывали отторжение, раздражали и дискредитировали в глазах широкой общественности идею «гражданской дипломатии» как таковую, либо, в лучшем случае, сталкивались с безразличием, выталкивались в итоге в маргинальное поле.

Иллюстрацией может служить мероприятие в Армении под названием «Фестиваль азербайджанских фильмов» в 2010. Как утверждал его инициатор Георгий Ванян, их задачей было создать пространство прямого, непосредственного общения и противостоять пропаганде, набирающей обороты за счет «вырождения гуманистических идей и отрицания разума». Однако реакция в армянском обществе и СМИ по этому поводу была, в основном, негативной, в том числе высказывалось мнение, что фестиваль азербайджанских фильмов стал бы мероприятием, направленным на восстановление доверия между гражданами двух стран, только если бы зеркальная инициатива была реализована в Азербайджане. Показу азербайджанских фильмов было отказано в помещениях по трем разным адресам в Ереване, а в Гюмри и Ванадзоре объявления о просмотрах вызвали скандал и таковые не состоялись. Этот прецедент вызвал острые дискуссии о том, насколько эффективны «шоковые» миротворческие методы применительно к ситуациям, когда значительная часть обществ в странах, находящихся в состоянии острого конфликта, не склонна делать первый шаг к примирению.

3. АНАЛИЗ УЧАСТНИКОВ И ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В КОНФЛИКТЕ:

● Действия и усилия непосредственных участников конфликта

Историю гражданских инициатив, призванных содействовать урегулированию карабахского конфликта, можно условно разделить на несколько периодов: а. Инициативы советского периода (1988-1991); б. Контакты во время первой «горячей фазы» конфликта (1992-1994); в. Налаживание диалога после достижения договоренностей о режиме прекращения огня (1995-1997); г. Период наиболее интенсивного взаимодействия и вовлечение большого числа представителей общественности в совместные проекты (1998-2001); д. «Угасающая инерция» регионального взаимодействия (2001-2010); е. «Ледниковый период» в «гражданской дипломатии» (с 2011 до начала 44-дневной войны); ж. Поиск (точнее, «нащупывание») повестки в новых региональных и геополитических реалиях (после 44-дневной войны) Условность предложенной хронологии, разумеется, предполагает размытость границ между отдельными периодами и присутствие разных тенденций внутри каждого из них. Но, тем не менее, она способствует пониманию изменяющейся специфики на разных этапах вовлечения представителей гражданского общества и СМИ в формирование контекста карабахского конфликта.

Распространено мнение, что сегодня, по истечении 34 лет, стороны настолько далеки друг от друга, что диалог между обществами лишен смысла и перспективы. Между тем, в период активизации национальных движений конца 1980-х в Советском Азербайджане и Советской Армении, главным толчком к которой было именно обострение проблемы Нагорного Карабаха, сопровождавшейся вспышками насилия на этнической почве, контакты между различными кругами азербайджанской и армянской общественности были довольно интенсивными. Причем они охватывали далеко не только советско-номенклатурные форматы, в которых проповедовался «положительный опыт совместного проживания в СССР», но и оппонентов власти. В качестве объединяющих идей у последних были стремление к независимости и избавление от коммунистической империи. Довольно интенсивным был, в частности, диалог идущих к власти представителей Армянского общенационального движения и Народного фронта Азербайджана при посредничестве демократических сил других советских республик, прежде всего, прибалтийских. И, хотя вера в достижимость компромиссов после установления посткоммунистического правления в Азербайджане и Армении была в большей степени присуща упомянутым посредникам, чем непосредственным сторонам конфликта, она во многом определяла повестку контактов и их привлекательность для участников.

Даже в начале 1990-х, когда Баку и Ереван только приобретали международную субъектность и произошла «интернационализация» конфликта, а противостояние между ними переходило в горячую фазу, представители Азербайджана и Армении поддерживали контакты в самых разных форматах. Помимо теплившихся надежд на возможность урегулирования конфликта, была и заинтересованность в решении конкретных задач, обмене информацией, понимании внутрисполитических процессов у соседей. К примеру, в редакции ежедневной газеты «Республика Армения», учрежденной в 1990 посткоммунистическим армянским парламентом, обычным делом были регулярные интервью по телефону ее журналистов с видными азербайджанскими деятелями новой волны, когда в соседней республике происходили важные для освещения события. Такую же открытость в отношении азербайджанских журналистов проявляли представители официального Еревана. С окончательным крушением СССР взаимный интерес, правда, начал быстро сменяться враждебностью друг к другу новых армянских и азербайджанских властей.

В годы войны 1992-1994 актуальными стали контакты правозащитников по проблемам военнопленных, заложников, поиску пропавших без вести и возвращению тел убитых. В этот период целый ряд армянских и азербайджанских общественных организаций вел активную работу совместно с Международным комитетом Красного Креста и Красного Полумесяца, другими зарубежными гу-

манитарными миссиями, а также с соответствующими государственными структурами сторон. Разумеется, деятельность официальных лиц редко отличалась искренностью и конструктивностью, но их вынужденное взаимодействие с международными организациями и гражданскими активистами сыграло важную роль в судьбах многих людей.

Договоренности о режиме прекращения огня в мае 1994, подписанные представителями руководства Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, распахнули окно возможностей для реализации международными структурами, донорами и западными неправительственными организациями многочисленных разнообразных проектов в логике «Track 2». Диалоговые площадки, предложенные этими организациями партнерам на Южном Кавказе, открыли в дальнейшем дорогу и для местных инициатив. На первых порах проводимые мероприятия воспринимались участниками из региона как продолжение войны иными методами. Они стремились доказать оппонентам свою правоту и их ответственность за конфликт, ожидая полной и безоговорочной «капитуляции» в результате словесных баталий.

В относительно конструктивное русло диалог перешел во многом благодаря интересу друг к другу представителей разных сфер деятельности из двух стран. Возможность контактов, способствовала профессиональному и личностному общению в обход «минных полей» множества противоречий. Общие озабоченности социальными проблемами, экологическими вызовами, ходом реформ в сфере образования и т.д. помогали осознавать, сколь многое сближало и объединяло армянскую и азербайджанскую общественность. Укреплению связей в тематических областях во многом способствовал возросший в середине-конце 1990-х интерес международного сообщества к Южному Кавказу как к единому региону. Он был обусловлен подключением США и европейских стран, а также крупнейших компаний к инфраструктурным, прежде всего, энергетическим проектам.

Организации гражданского общества, заинтересованные в региональных форматах, с готовностью воспользовались ситуацией. Трехсторонние проекты (Армения, Азербайджан, Грузия) получили наибольшее распространение благодаря стартовавшей в 1997 программе «Synergy in the South Caucasus» («Сотрудничество на Южном Кавказе») американского фонда «Евразия». Благодаря ей десятки неправительственных организаций получили опыт совместной работы с партнерами из соседних стран. Подобная массовость сама по себе способствовала размыванию «образа врага», как минимум, у непосредственных участников проектных мероприятий.

Общение в региональном формате позволяло также сравнивать разные подходы к конфликтам и их возможному разрешению в случаях с непризнанными Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом. А одной из наиболее выигрышных проектных идей стали исследования о перспективах развития региона в целом, если конфликты не будут мешать сотрудничеству. При этом, если армянская сторона на официальном уровне готова была рассматривать соответствующие возможности до урегулирования карабахского противостояния, то Азербайджан, настаивал на признании своей территориальной целостности как предварительном условии для сотрудничества.

Примерно в этом же ключе прошла серия телевизионных мостов «Линия фронта», организованных «Интерьюс Армения» и «Интерьюс Азербайджана» при содействии Агентства США по международному развитию (USAID). С ноября 2020 по апрель 2021 в эфире армянского телеканала «Прометей» и азербайджанского ANS вышли 24 передачи этого цикла, возможность просмотра которых была у пятимиллионной аудитории двух вещателей. В них приняли участия известные политики, эксперты, журналисты, представители гражданского общества, деятели культуры и спорта. И, как правило, армянские гости склонялись к сотрудничеству между странами до урегулирования конфликта, а азербайджанские отвергали такую возможность.

Взаимоисключающие подходы к сотрудничеству в условиях неурегулированного конфликта постепенно снизили актуальность региональных инициатив с участием всех стран Южного Кавказа как в экономической, так и в других сферах. Они, естественно, отразилось и на «Track-2», в рамках кото-

рого тема конфликта вновь стала превалировать над идеей сотрудничества.

В этом смысле полезными в последующие годы были не завязанные на Южном Кавказе как едином регионе инициативы по изучению и ознакомлению азербайджанской и армянской аудиторий с межэтническими конфликтами в других регионах мира. Совместные просмотры фильмов и сравнительный экспертный анализ противостояний и попыток их преодоления - как успешных, так и нет - на Балканах, Кипре, в Палестине, Южном Тироле, Северной Ирландии и других частях планеты помогли поиску и обсуждению моделей, которые могли бы в перспективе сработать в Нагорном Карабахе. И как в предложениях сопредседателей Минской группы ОБСЕ, так и в экспертных продуктах отражался обширный опыт миротворчества, пропущенный через фильтр особенностей карабахского противостояния.

Самым динамичным представляется диалоговый процесс, сконцентрированный в трехлетнем отрезке между 1998 и 2001, когда азербайджанские участники посещали Армению и Нагорный Карабах, а армянские - Азербайджан. Они могли сами общаться с политиками, рядовыми гражданами и составлять свои представления о трансформации конфликта. Причем участникам нескольких параллельных проектов конца 1990-х довелось встречаться с президентами РА и АР Гейдаром Алиевым и Робертом Кочаряном, а также с другими высокопоставленными официальными лицами обеих стран.

Конец частым поездкам был положен осенью 2001, когда в Баку сначала произошел инцидент с группой представителей СМИ и гражданского общества из Нагорного Карабаха и Армении. В частности, агрессия в присутствии телевизионных камер была проявлена в отношении председателя «Хельсинкской инициативы – 92» Карена Оганджяна. То, что случившееся не было случайным эпизодом, подтвердилось месяцем позже: визит очередной группы журналистов-армян проходил очень напряженно и сопровождался недоброжелательным освещением в СМИ. Стало ясно, что для непосредственных двусторонних контактов наступают тяжелые времена. Участники достигших пика успешности диалоговых проектов вынуждены были отказаться от иллюзий, что «гражданская дипломатия» в условиях карабахского конфликта может играть существенную самостоятельную роль в процессе урегулирования, независимо от заинтересованности властей. А отсутствие перспектив в диалоге на официальном уровне обусловило относительную маргинализацию «Track-2».

Не исключена прямая связь между ограничением контактов журналистов и представителей гражданского общества с известными переговорами двух президентов - Роберта Кочаряна и Гейдара Алиева в апреле 2001 в американском Ки-Уэст. Переговоры здесь продолжались целую неделю, но не увенчались подписанием каких бы то ни было документов. Алиев и Кочарян разъехались, получив от посредников напутствие готовить свои общества к примирению, но последовал противоположный процесс. Порядка 600 азербайджанских организаций и общественных деятелей подписали Общациональную хартию о принципах урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, в которой исключалось какое-либо согласие между сторонами до «освобождения азербайджанских земель» и возвращения беженцев. Для армян Нагорного Карабаха подписанты хартии предусматривали статус «культурной автономии». В свою очередь все фракции армянского парламента сделали совместное заявление, в котором исключалось подписание какого-либо документа, предполагающего вертикальное подчинение НК Баку.

Ограничение условий для самостоятельных инициатив, рождаемых непосредственно в регионе, освободили место для площадок, которые можно лишь в относительной степени рассматривать в контексте «Track 2», поскольку они по определению не опирались на более-менее широкую гражданскую поддержку и выполняли, скорее, консультативную функцию для официального переговорного процесса. Были предприняты разной масштабности шаги, получившие в дальнейшем условное обозначение «Track 1.5.»

Закрепление жестких национальных рамок для урегулирования, наряду с принятием в Азербайджане мер по ограничению свободы СМИ и гражданского общества, привели к постепенному

сворачиванию непосредственных двусторонних и региональных контактов. При новом «режиме» в региональном сотрудничестве все большее место стал занимать исследовательский компонент, позволявший работать на расстоянии.

Фактор риска, сопровождавший двусторонние контакты, привлечение к уголовной ответственности азербайджанских политиков, экспертов и журналистов, а также созданные с начала 2000-х трудности для поездок друг к другу армян и азербайджанцев сказались на их представленности в разного рода региональных форумах.

«Ледниковый период» в «Track 2» между Азербайджаном и Арменией обусловил особое внимание к молодежным инициативам. Невозможность эффективного взаимодействия в актуальных обстоятельствах вынуждал делать ставку на новое поколение, готовить его к диалогу и поиску путей к урегулированию в будущем, когда, возможно, сложатся более благоприятные для этого обстоятельства. Помимо исследований, препятствия для непосредственного обращения к теме урегулирования конфликта побудили инициаторов диалоговых проектов обратиться к языку творчества - литературы и беллетристики, кино и документалистики.

На процесс замораживания армяно-азербайджанского диалога определенное влияние оказал провал «футбольной дипломатии» между Ереваном и Анкарой 2008-2009. Для армянской общественности он стал аргументом в пользу невозможности преодоления исторических противоречий с соседними тюркскими государствами. А для азербайджанской - свидетельством рисков, которые содержат в себе любые шаги к примирению с Арменией. Лишний раз подтвердилась переплетенность армяно-турецких и армяно-азербайджанских противоречий: в частности, в Азербайджане, как уже отмечалось выше, гораздо более агрессивно проявляется неприятие темы геноцида армян, чем в самой Турции, а Анкара еще со времени закрытия своей границы с Арменией в 1993 обуславливала нормализацию отношений с Ереваном его односторонними уступками в карабахском вопросе. В 2000 Ереванский пресс-клуб и «Ени Несил», пригласив к сотрудничеству турецких коллег, сделали попытку использовать эту переплетенность для поиска формулы мира и сотрудничества в регионе. Однако по мере ужесточения позиций всех сторон треугольника на официальном уровне привлекательность трехстороннего диалога оказалась под большим вопросом, а настороженность по отношению друг к другу только усилилась.

Говоря же об актуальных тенденциях в «Track 2», можно особо выделить некоторые из них. Если до начала 2000-х наблюдалась активизация прямого взаимодействия местных организаций, то в последнее время, как и в первые послевоенные годы, ключевая роль вернулась к внешним для региона игрокам, модераторам контактов. С 2003 по 2009 лидирующую роль по «второму пути» карабахского урегулирования, фактически, взял на себя международный консорциум («Consortium initiative») международных неправительственных организаций, поддержанный британским правительством. А с 2010 – Европейское партнерство за мирное урегулирование нагорнокарабахского конфликта (ЕПНК), также объединившее несколько организаций и поддержанное Евросоюзом. Обе инициативы были нацелены на формирование благоприятной атмосферы в обществах конфликтующих сторон, и именно в их рамках местными армянскими и азербайджанскими организациями реализовывалась основная часть проектов.

В последние годы в азербайджанском и армянском обществах все реже были слышны голоса критиков (в среде НПО и СМИ) властей за «неконструктивную политику» в карабахском вопросе. Гораздо слышнее звучало осуждение за нерешительность и недостаточно последовательное отстаивание национальных интересов. Это вызвано не столько ограничениями, установленными сверху (что актуально в случае с Азербайджаном), сколько общественными настроениями, все менее восприимчивыми к идеям миротворчества. В большинстве своем публика в обеих странах не проявляла также сочувствия к согражданам, в том числе, к пользующимся известностью, пытавшимся искать корни конфликта в своем обществе, руководстве, а не в чужом. Наиболее ярким примером в этом смысле

В последние годы в азербайджанском и армянском обществах все реже были слышны голоса критиков (в среде НПО и СМИ) властей за «неконструктивную политику» в карабахском вопросе. Гораздо слышнее осуждение за нерешительность и недостаточно последовательное отстаивание национальных интересов

является резко негативное отношение в Азербайджане к писателю Акраму Айлисли, автору романа «Каменные сны» (2012), посвященного событиям конца 1988 - начала 1989 в Баку. В Армении неприятие вызывала критика позиций властей РА по карабахскому конфликту со стороны основателя, так называемого, «Текалинского процесса» Георгия Ваняна и председателя Хельсинкской Ассоциации Микаела Даниеляна. При этом в каких-то случаях альтернативные точки зрения на проблему воспринимались как следствие зависимости от зарубежных доноров.

Апрельская война 2016 и особенно столкновения на границе Тавушской области Армении с Азербайджаном в июле 2020 довели кризис «гражданской дипломатии» до тупикового состояния, а 44-дневная война отбросила ее в ситуацию, когда самая скромная инициатива может показаться великим достижением. Не случайно, незамысловатые контакты в социальных сетях или просто встречи на разных площадках воспринимаются как большой прорыв, хотя не идут ни в какое сравнение с уровнем взаимодействия 20-летней давности. Работу, если даже будет нащупана общая повестка, придется начинать не с нулевой, а с минусовой точки.

● **Повестка дня - интересы непосредственных участников конфликта**

Сложность ситуации заключается в том, что между сторонами не просто присутствуют глубокие противоречия, а в том, что повестка одной отвергается другой как несуществующая. Даже если допустить, что установление мира на самом деле является задачей, относительно которой есть консенсус (хотя каждый новый день дает основания для сомнений), параметры этого мира, его основы представляются в Ереване и Баку весьма по-разному. Для Армении это безопасность на границе и линии соприкосновения в Нагорном Карабахе, освобождение военнопленных и удерживаемых лиц, переговоры о статусе НК. Для Азербайджана – полное исключение возможностей пересмотра результатов войны и беспрекословная реинтеграция Нагорного Карабаха (с его армянским населением или без – не принципиально). Стороны отступили далеко назад по сравнению с перемирием 1994, когда они доказали, что, будучи заинтересованными в соблюдении режима прекращения огня, способны его обеспечивать без постороннего вмешательства. Рассчитывать в таких условиях на креатив, инициативность и существенное влияние потенциальных участников «гражданской дипломатии» на процессы в регионе в ближайшей перспективе крайне проблематично. Речь может идти разве что о терпеливой подготовке новой, более благоприятной для миротворчества атмосфере.

Как показали результаты исследования, проведенного в 2018-2019, в Армении и Азербайджане не было тотального отрицания «дипломатии второго уровня», но и энтузиазма, присущего временам после завершения первой «горячей фазы» конфликта в 1994, не наблюдалось. При этом с обеих сторон отвергались искусственные, управляемые формы диалога типа упомянутых выше «гражданских платформ за мир» или встреч, организованных на сугубо номенклатурном уровне. Даже в режиме

относительного замораживания «живого» взаимодействия его манипулятивная подмена насколько быстро появлялась, настолько быстро и забывалась. Разумеется, отношение ко многим аспектам армяно-азербайджанских отношений за последние три года в обеих странах существенно изменилось. Актуальные восприятия и подходы требуют сегодня нового тщательного изучения.

Оценка участников миростроительного процесса к роли демократических преобразований в урегулировании конфликта остается существенным фактором. Она, так или иначе, отражается на подходах граждан, обществ к различным проблемам, включая урегулирование конфликта. Исследование 2018-2019 показало существенные расхождения у респондентов по этому вопросу. Одни, как в Армении, так и в Азербайджане, рассматривали демократические преобразования как несущественное или даже мешающее достижению согласия обстоятельство. Другие склонялись к мнению, что эти преобразования являются важным, если ни непременным условием для стабильного урегулирования. С учетом того, кто оказался победителем, а кто побежденным в 44-дневной войне, определенная динамика во взглядах за три года вполне могла иметь место, и ее изучение представляло бы сегодня определенный интерес.

● **Альянсы непосредственных участников конфликта**

На разных этапах развития конфликта формировались альянсы и группы партнеров, объединенные общими приоритетами. В частности, во время войны 1992-1994 в работу по гуманитарным вопросам были вовлечены с армянской стороны Фонд «Против правового произвола» Ларисы Алавердян и Правозащитного центра Азербайджана Эльдара Зейналова. После установления режима прекращения огня была создана Международная группа по вопросам заложников и военнопленных, в которую входили правозащитники Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, а также России и Грузии. Правда, эта группа не смогла избежать политических манипуляций извне, вследствие чего ее деятельность то замораживалась, то возобновлялась, пока не была прекращена окончательно.

Параллельно с практической гуманитарной работой в первой половине 1990-х под эгидой международных организаций, получил развитие диалог о мире азербайджанских и армянских правозащитников. Самым громким событием в этом процессе стало вручение в 1992 премии Улофа Пальме председателям азербайджанского и армянского отделений Хельсинкской гражданской ассамблеи (ХГА) Арзу Абдуллаевой и Анаит Баяндур. «Скандинавский акцент» в деятельности ХГА не ограничился премией имени премьер-министра Швеции, убитого в 1986. Он проявился и в ознакомлении представителей гражданского общества конфликтующих сторон с моделью аландской шведской автономии в составе Финляндии. Эта модель рассматривалась после войны в среде миротворцев как приемлемая для Нагорного Карабаха. Вместе с тем, полушутя-полусерьезно подчеркивалось, что для этого азербайджанцы должны стать финнами, а армяне шведами. Это замечание отражало важность демократического развития двух стран как важного условия для урегулирования конфликта на основе обоюдного соблюдения интересов.

В числе первых международных организаций, предложивших после войны 1992-1994 площадки для диалога по различным аспектам конфликта, были как межправительственные (ОБСЕ), так и неправительственные («Линкс», «Институт журналистики войны и мира»/ «Institute of War and Peace Reporting», «Ресурсы примирения»/ «Conciliation Resources», «Международная тревога»/ «International Alert» и др.

А среди тех, кто первым воспользовался этими площадками для разработки форм взаимодействия, оказались журналистские организации Армении, Азербайджана и Грузии. Понимая, что, несмотря на враждебное отношение обществ друг к другу, их интерес к происходящему в соседней стране довольно высок, они использовали частые контакты для налаживания профессионального взаимодействия между СМИ. Как отмечалось выше, «Интерньюс» организовал серию тематических телемостов, которые, хоть и проходили в режиме «идеологического рестлинга», но в то же время

...Среди тех, кто первым воспользовался этими площадками для разработки форм взаимодействия, оказались журналистские организации Армении, Азербайджана и Грузии. Понимая, что, несмотря на враждебное отношение обществ друг к другу, их интерес к происходящему в соседней стране довольно высок, они использовали частые контакты для налаживания профессионального взаимодействия между СМИ.

позволяли азербайджанской и армянской аудиториям узнавать о жизни соседей от «живых людей». Ереванский пресс-клуб и его партнеры в Азербайджане и Грузии придавали большое значение стремлению своих стран интенсивно вписываться в мировое сообщество, двигаться к членству в Совете Европы, выполняя определенные обязательства. В этом смысле взаимный интерес представлял обмен опытом по отстаиванию свободы слова и информации. Вторая половина 1990-х стала тем периодом, когда армянская и азербайджанская ситуации в сфере СМИ сблизились как никогда. В Армении лучше были защищены права журналистов и плюрализм вещателей, зато в Азербайджане, особенно после отмены в 1998 военной цензуры и за счет роста экономики, стал развиваться реальный медийный бизнес. Обсуждение сугубо журналистских тем не только способствовало лучшему пониманию задач, но и приучало участников уважительно относиться к мнению оппонентов. В дальнейшем это помогло лучшему взаимопониманию при затрагивании проблем, непосредственно связанных с конфликтом.

В конце 1990-х появилась возможность организовывать взаимные визиты. В числе первопроходцев здесь, наряду с некоторыми названными выше организациями, были немецкие фонды Фридриха Эберта и Фридриха Наумана, швейцарский Федеральный департамент иностранных дел, которые осуществляли многолетние проекты, предполагавшие региональные мероприятия не только на «нейтральных территориях», но и непосредственно в Армении и Азербайджане.

Особняком среди инициатив по урегулированию конфликта, вокруг которых формировались альянсы, до и после неудачи в Ки-Уэсте стали план американского политика Пола Гобла (1996) по территориальному обмену между Баку и Ереваном и Дартмутская конференция (2001-2007). В рамках последней сопредседатели ее рабочей группы американский и российский дипломаты Гарольд Сондерс и Виталий Наумкин, модерировав обсуждения на 11 встречах представителей общественности Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, попытались воспользоваться опытом кэмп-дэвидских соглашений по ближневосточному урегулированию.

Из-за начала свертывания миротворческого процесса в начале 2000-х такие структуры, как «Кавказский форум неправительственных организаций», Ассоциация журналистов «Южный Кавказ», возникшие на пике миростроительного взаимодействия, так и не смогли реализовать свои амбициозные интеграционные планы. Разумеется, в усеченных масштабах и без взаимных посещений совместные проекты азербайджанских и армянских неправительственных организаций продолжались. Работа, направленная на сохранение имеющихся контактов и противодействие усилившейся тенденции к формированию «образа врага», характеризовала, в частности, взаимодействие Ереванского и Бакинского пресс-клубов, а также Объединения журналистов Азербайджана «Ени Несил». Кроме ставшего традиционным в 1990-е формата с участием партнеров из трех южно-кавказских стран (с грузинской стороны их основным партнером было информационное агентство «Black See Press»), эти организа-

Директор Кавказского центра миротворческих инициатив Георгий Ванян вместе с азербайджанским политологом Зардуштом Ализаде стали также авторами гражданской инициативы 2012-2015 «Текалинский процесс» (по названию азербайджанонаселенного села в Грузии). Он включал «слушания», касающиеся разных проблем Южного Кавказа, с участием известных политиков и общественных деятелей региона

ции сочли интересным посмотреть на двусторонние отношения в широком контексте - вовлекая в свои инициативы партнеров и участников, помимо Грузии, из непризнанных образований Южного Кавказа, из Турции. В частности, активным партнером в этих проектах стал Степанакертский пресс-клуб.

Директор Кавказского центра миротворческих инициатив Георгий Ванян вместе с азербайджанским политологом Зардуштом Ализаде стали также авторами гражданской инициативы 2012-2015 «Текалинский процесс» (по названию азербайджанонаселенного села в Грузии). Он включал «слушания», касающиеся разных проблем Южного Кавказа, с участием известных политиков и общественных деятелей региона. Их аудиторией были в том числе жители приграничья трех стран региона. В сентябре 2018 Ванян и Ализаде обратились к азербайджанской и армянской общественности с призывом не расходовать огромные средства на гонку вооружений, а направить их на поиски мира, восстановление традиций взаимного уважения и взаимопонимания.

Это было не первое подобное обращение. В 2010 в рамках инициативы «Независимый гражданский Минский процесс по урегулированию Нагорно-Карабахской проблемы» бывшие глава секретариата президента Азербайджана Эльдар Намазов и посол по особым поручениям президента Армении Давид Шахназарян выступили с заявлением по поводу подписания декларации, в которой, в частности, призывали глав двух государств «положить конец воинственной риторике, политическим и информационным акциям, направленным на эскалацию конфликта, предпринять неотложные шаги по укреплению режима прекращения огня и предотвращению вооруженных инцидентов, обеспечить незамедлительный вывод снайперов с линии соприкосновения». Однако, следует признать, что и эти инициативы не оказывали заметного воздействия на процесс урегулирования, так как вступали в противоречие с тенденциями, доминировавшими в переговорах на официальном уровне. Идеи, которые могли удостоиться общественного одобрения в конце 1990-х, перестали восприниматься большинством в армянском и азербайджанском обществах всего 10-15 лет спустя.

Наступавший кризис в армяно-азербайджанской «гражданской дипломатии» побудил многих участников миротворческих инициатив сосредоточиться на экспертной, исследовательской работе, выпуске конкретных информационных продуктов. Об этом, в частности, свидетельствовали и названия публикаций Ереванского и Бакинского пресс-клубов, «Ени Несил» - «Качественное освещение в СМИ событий в странах Южного Кавказа, как фактор преодоления региональных проблем», «Карабахский конфликт в зеркале СМИ и общественного мнения Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха». В этот период существенную поддержку отмеченным трем организациям оказывала Сетевая программа СМИ Института открытого общества (OSI network media program).

В 2003 Кавказский Форум неправительственных организаций собрал под одной обложкой рас-

сказы писателей Южного Кавказа, включая азербайджанских и армянских. Сборник получил название «Время жить» и стал своеобразной общей средой для диалога литераторов региона. Переводы актуальных произведений современных писателей двух стран на русский, английский и национальные языки и представление их на общем Интернет сайте «Литлаб» (2006-2007) в рамках проекта Бакинского и Ереванского пресс-клубов были призваны способствовать лучшему пониманию обществ друг друга в условиях взаимной изоляции. Довольно популярной стала книга с воспоминаниями журналистов, побывавших на фронте, «Журналисты на войне в Карабахе», которая увидела свет в 2002 при поддержке российского Центра экстремальной журналистики. Это были не просто живые, но и весьма поучительные - с точки зрения профессионального поведения - тексты для журналистов, работающих на войне.

Короткометражные фильмы («Кинодиалоги»), повествующие о человеческой стороне карабахского конфликта, в которых повествуется об опыте военнопленных и беженцев, судьбах смешанных браков, о «военных играх» в Интернете были сняты «интервьюсовцами» Азербайджана и Армении совместно с британской организацией «Ресурсы примирения». В период с 2007 по 2013 было снято около 30 фильмов, предназначенных для общественных просмотров. К работе над ними в обеих странах были привлечены молодые режиссеры.

Ставшая особо актуальной в 2014 тема пропаганды, дезинформации подсказала группе медиа-экспертов Азербайджана, Армении и Грузии идею осуществить при содействии Академии Deutsche Welle исследование о методах ведения информационных войн в странах Южного Кавказа. В похожих проектах азербайджанские и армянские партнеры участвовали также в формате шести стран Восточного партнерства. Ранее, в 2010, в рамках более обширного двустороннего проекта Фонда Партнерства «Евразия» Ереванский пресс-клуб и «Ени Несил» составили, так называемый, «Глоссарий языка вражды», содержащий не только набор негативных стереотипов, используемых в СМИ Азербайджана и Армении, но и рекомендации, как избежать словосочетаний, раздражающих аудиторию по другую сторону конфликта, без потерь для смысла сказанного. И хотя в определенных журналистских кругах обеих стран была заинтересованность применить результаты исследования на практике, доминирующая тенденция к ужесточению информационного противостояния оказалась неизмеримо сильнее.

Установлению контактов и взаимодействию политиков, экспертов, общественных деятелей, помимо уже названных, способствовали еще несколько регулярных форматов мероприятий. С 2002 в Армении по инициативе армянского политика Давида Шахназаряна и немецкого фонда Фридриха Эберта проводились ежегодные конференции по проблемам региона. Они получили неформальное название «Цахкадзорский процесс».

Институт Кавказа, возглавляемый политологом Александром Искандаряном, в течение многих лет проводил встречи с участием ученых из разных стран, в том числе, из Азербайджана. Готовились публикации, издавались книги, посвященные политической и социально-экономической ситуации в странах Южного Кавказа, перспективам решения карабахского конфликта. Но в последние годы как конференции «Цахкадзорского процесса», так и ежегодники Института Кавказа вынуждены были обходиться без представителей Азербайджана из-за преследований, которым подверглись некоторые участники и авторы из этой страны.

С 2005 активным, насколько позволяли накапливавшиеся трудности, было сотрудничество армянского исследовательского центра «Регион» и азербайджанского Института мира и демократии, возглавляемых, соответственно, армянским журналистом и исследователем Лаурой Багдасарян и известными правозащитниками и экспертами Лейлой и Арифом Юнусовыми. В 2012 ими был создан совместный вебсайт, посвященный исследованиям разных аспектов армяно-азербайджанских взаимоотношений. После ареста и эмиграции Юнусовых в 2016 совместная деятельность партнеров была временно приостановлена. Но спустя два года модерлируемые этими партнерами онлайн-дис-

куссии «Карабахский конфликт в контексте политических процессов в Армении и Азербайджане» были возобновлены.

Были предприняты также масштабные попытки описания и осмысления карабахского конфликта. Наиболее известные из них книги исследователя программы Европы и Евразии Фонда Карнеги, журналиста Томаса де Ваала «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной» (2003) и эксперта Фонда «Сивилитас» Татула Акопяна «Карабахский дневник: зеленое и черное» (2008). Определенный вклад в более глубокое понимание проблемы внесла упомянутое выше своеобразное по жанру совместное издание политологов Расима Мусабекова и Степана Григоряна, журналистов Арифа Алиева и Борис Навасардяна «Карабахский конфликт: понять друг друга», брошюра «Варианты решения карабахского конфликта: идеи и реальность», авторами которой стали Али Аббасов и Арутюн Хачатрян, аналитические работы директора информационного агентства «Туран» Мехмана Алиева и директора Центра региональных исследований Ричарда Киракосяна, ответственного за кавказскую программу британской организации «Ресурсы примирения» Лоуренса Броерса и ряда других экспертов.

Еще одной тенденцией, свойственной «ледниковому периоду» в процессе урегулирования механизмами «Track 2», стало подключение религиозных деятелей. В апреле 2010 состоялся первый визит в Баку Католикоса всех армян Гарегина Второго, принявшего участие во Всемирном саммите духовных лидеров, а в ноябре 2011 глава управления мусульман Кавказа Аллахшукюр Пашазаде прибыл в Ереван на заседание Межцерковного Совета.

С первых шагов армяно-азербайджанского миротворческого процесса его важным компонентом стал диалог на уровне женских организаций. Он является одним из важнейших также в рамках Европейского партнерства за мирное урегулирование нагорнокарабахского конфликта (EPNK). Ожидалось, что на новый уровень этот формат диалога может быть поднят в случае подключения к нему супруг президента Азербайджана и премьер-министра Армении Мехрибан Алиевой и Анны Акопян. Обе выражали свою заинтересованность в миротворчестве, но ряд резких заявлений и действий с обеих сторон стали причиной крайнего недовольства в Армении и Азербайджане. Как следствие, возможность более активной роли двух женщин, занимавших активную общественную позицию, была упущена.

Наиболее известная миротворческая инициатива с привлечением молодежи была реализована в последние годы Центром трансформации конфликтов «Imagine», начавшего свою деятельность в 2007 с предложения диалоговой платформы активистам Армении и Азербайджана. НПО «Армянская прогрессивная молодежь» и их партнер в Азербайджане Назим Ибадов до 44-дневной войны были нацелены на развитие умений защиты от агрессивной националистической пропаганды. Фонд Партнерство «Евразия», организуя более-менее регулярные встречи молодежи двух стран, стремился к созданию платформы миротворчества для участников этих встреч в новых медиа и социальных сетях. Этот Фонд инициировал также в 2017-2018 деятельность школ трансформации конфликта в Баку и Ереване. Проект был ориентирован на молодых азербайджанцев и армян. Предполагалось, что слушателям должны прививаться навыки критического мышления, помогающие вырабатывать новые подходы к урегулированию конфликта.

Война разрушила многие и без того ограниченные связи между гражданскими обществами двух стран. Заработают ли сформированные до нее альянсы, возникнут ли новые, насколько они смогут быть эффективными, зависит от способности и готовности «старых» и потенциальных новых партнеров выстраивать общую повестку. При этом последняя должна быть одновременно как самостоятельной, так и вплетенной в официальную канву процесса урегулирования.

4. ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНФЛИКТА НА СТРАНЫ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОВЛЕЧЕННЫЕ В НЕГО И НА РЕГИОН, В СЛЕДУЮЩИХ КОНТЕКСТАХ:

● Политическом

Довольно широкое распространение получил стереотип, что карабахский конфликт является препятствием для продвижения демократии, защиты прав человека, осуществления разнонаправленных реформ. Более того, на официальном уровне он нередко служил оправданием для отказа от демократических свобод, консолидации авторитарных методов правления, подавления политических оппонентов. В Армении в силу специфики общественно-политической среды и заинтересованности в тесном взаимодействии с международными институтами подобные тенденции сталкивались с серьезным сопротивлением. Тогда как в Азербайджане, о чем свидетельствуют рейтинги авторитетных правозащитных организаций, ситуация со свободой выражения, собраний и ассоциаций после определенного прогресса на рубеже двух тысячелетий, последовательно ухудшалась.

Агрессивный национализм в той или иной степени сохранялся как элемент идеологических платформ всех властей как в Армении, так и в Азербайджане. Даже когда он не являлся частью убеждений конкретных лидеров и представителей их команд, стремление достичь власти или сохранить ее, решение электоральных задач вынуждало их ужесточать риторику в отношении противоположной стороны. В последние 20–25 лет можно было наблюдать, как меняется отношение в Армении к урегулированию карабахской проблемы на основе компромиссов после заявлений азербайджанских лидеров о претензиях на Ереван, Зангезур, Севан. Во многом переломной была история с Рамилем Сафаровым. С каждым годом даже в кругах, склонных к взаимоприемлемым решениям по Карабаху, укреплялась уверенность, что доверять намерениям Баку нельзя, и любые односторонние уступки будут только ослаблять переговорные позиции Еревана и усугублять проблему.

Вероятно, публичный дискурс и какие-то эпизоды общественно-политической жизни Армении и Нагорном Карабахе, давали поводы для негодования и недоверия в отношении соседей и в Азербайджане. А пропаганда в обеих странах раздувала пламя враждебности друг к другу. Если до экстремизации и героизации Рамиля Сафарова в армянских медиа была представлена довольно широкая палитра взглядов на конфликт, то в дальнейшем голоса в пользу компромиссов становились все менее слышными. А после апрельского обострения 2016 позиция, что территории вокруг бывшей НКАО являются главным гарантом безопасности карабахских армян и самой Армении, практически, не имела серьезной альтернативы. Попытка первого президента РА и возглавляемого им Армянского национального конгресса актуализировать тему мирного урегулирования конфликта в ходе кампании по парламентским выборам 2017 была поддержана только 1.66% избирателей, принявших участие в голосовании. Активизировавшийся с приходом к власти Никола Пашиняна переговорный процесс не оказал существенного влияния на общественные настроения, а акцент на армяно-азербайджанский конфликт, взаимные обвинения в готовности «сдать земли» во внутривнутриполитическом противостоянии стал еще более явным, чем до «бархатной революции».

44-дневная война и ее результаты привели к серьезной переоценке ценностей. Во-первых, в очередной раз в регионе ОБСЕ отвергнут один из основополагающих принципов, на которых строилась эта организация: исключение использования силы и угрозы применения силы для урегулирования конфликтов. Но в отличие от большинства других прецедентов в нашей части планеты, война, в том числе на политическом и на политологическом уровне, воспринята многими кругами, в том числе, зарубежными, международными, не столько как трагедия, сколько как эффективный метод решения проблем. Во-вторых, успех Азербайджана и Турции стали поводом для утверждений, что авторитарные методы управления страной продемонстрировали свое преимущество над демократическими. Эти обстоятельства существенным образом изменяют парадигму развития, по меньшей мере, в нашем регионе, и чреватые пересмотром других основополагающих принципов, на которых построено членство государств в ОБСЕ и Совете Европе.

... За полтора года после достижения перемирия, решение экономических вопросов остается полностью подчиненным политическим приоритетам. Это, прежде всего, относится к Азербайджану, который и после войны стремится использовать свои возможности для коммуникационно-экономической изоляции Армении с целью получения дополнительных выгод от своей военной победы.

● **Экономическом**

То, что конфликт стал тормозом для экономического развития региона Южного Кавказа и его отдельных стран, общеизвестно. Ограниченный характер носило сотрудничество в торговле, для транспортных, сырьевых и прочих коммуникаций страны вынуждены были находить не самые оптимальные решения. Армения, Азербайджан и регион в целом занимают гораздо худшее место в мировой экономике, нежели позволяли их географические, природные и людские ресурсы. После 44-дневной войны, по оценкам ряда политиков и экспертов, открылись новые возможности для экономического развития. Перспективы, главным образом, связаны с пунктом трехстороннего Заявления от 9/10 ноября 2020, предусматривающего разблокирование коммуникаций. Однако за полтора года после достижения перемирия, решение экономических вопросов остается полностью подчиненным политическим приоритетам. Это, прежде всего, относится к Азербайджану, который и после войны стремится использовать свои возможности для коммуникационно-экономической изоляции Армении с целью получения дополнительных выгод от своей военной победы. В свою очередь, в Армении сомнения относительно истинных намерений соседей, привели к довольно сильному сопротивлению в отношении проекта открытия транспортного сообщения между Нахичеванской автономией и «материковым» Азербайджаном через Мегри. Как следствие, о чем говорилось выше, вместо разблокирования наблюдается перекрытие работавших до подписания трехстороннего Заявления транспортных направлений, в частности, связывающих южные регионы с основной частью Армении. Это сказывается и на интенсивности экономических связей РА с ИРИ. Можно, конечно, сослаться на истину, что результаты войны и фактор победителя не могут не быть учтены в послевоенных процессах, но факт остается фактом: гипотетические экономические перспективы для региона в целом остаются весьма туманными.

● **Социальном**

Социальная сфера оказалась наиболее пострадавшей от конфликта. Сотни тысяч беженцев, как азербайджанцев, армян, так и представителей других национальностей в течение почти четверти века. Потеря кормильцев тысячами семей со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсутствие трансграничного сотрудничества между Арменией и Азербайджаном в области экологии, создавшее серьезные проблемы для использования водных и других природных ресурсов. Разрушение исторических памятников и антинаучные спекуляции по теме культурного наследия. Пропаганда фобий в отношении друг друга, заполнившая информационное пространство отразилось на мировосприятии даже образованной части обществ... Все это и многие другие последствия конфликта

отбросили гуманитарное развитие региона, в частности, Армении и Азербайджана, далеко назад. Инициативы по решению этих проблем на негосударственном уровне либо заходили в тупик в силу непреодолимых противоречий, либо из-за препонов, чинимых на официальном уровне, прежде всего, со стороны властей Баку. Хотя после 44-дневной войны можно говорить и о крайней незаинтересованности в диалоге по гуманитарным вопросам и влиятельных кругов армянского общества.

Пропаганда фобий в отношении друг друга, заполнившая информационное пространство отразилось на мировосприятии даже образованной части обществ...

● Безопасности

Конфликт стал главной причиной раздела региона между различными, в том числе, все более противостоящими друг другу системами безопасности и подходами к ней – НАТО, ОДКБ, Движение неприсоединения... Нереализованными оказались возможности программы НАТО «Партнерство во имя мира», ни одна серьезная инициатива в области безопасности не сумела вовлечь одновременно все три страны. Это делает их уязвимыми от внешних угроз, вынуждает искать сильных покровителей. Однако единственным случаем, когда внешнее покровительство позволило кому-то из них решить конкретную задачу, стала 44-дневная война, в которой решающую роль сыграло многолетнее содействие Азербайджану со стороны Турции в строительстве вооруженных сил и непосредственно в ведении военных действий в Нагорном Карабахе. Вместе с тем, шаткое равновесие в амбициях Москвы и Анкары по отношению к Южному Кавказу, которое также является прямым следствием карабахского конфликта, содержит в себе новые опасности для региона.

● Международном/региональном.

Основной потенциал для развития на Южном Кавказе демократических государств, взаимодействующих друг с другом и внешним миром, несли в постсоветский период инициативы Европейского Союза - «Политика соседства», разработанная в 2004, и ее регионально заточенное продолжение «Восточное партнерство», запущенное в 2009. Однако ожидания, что ВП станет площадкой, на которой будут налаживаться не только двусторонние связи между ЕС и каждой из стран-партнеров, но и многостороннее сотрудничество, формирующее некую «общую идентичность» шести стран бывшего СССР, как это было со странами Балтии, Центральной и Восточной Европы на этапе их европейской интеграции. Если бы стимулы и перспективы, заложенные ЕС для восточных соседей, нашли должный отклик в странах выгодополучателях, в том числе, на Южном Кавказе, регион, возможно, повторил бы путь западноевропейских государств, прервавших в середине XX века инерцию двух самых кровопролитных в истории человечества войн и ставших самыми близкими партнерами. Однако с первых шагов ВП эта инициатива раскололась на страны,двигающиеся в направлении Европы с разными скоростями. Армения попыталась запрыгнуть на поезд участников инициативы, устанавливающих ассоциативные отношения с Евросоюзом, и к 2013 даже почти догнала Грузию, Молдову и Украину по темпам проведения реформ, предусмотренных переговорами по Соглашениям об Ассоциации, которые ЕС вел с этими четырьмя партнерами. Однако противодействие России и нарисованные ею в перспективе угрозы безопасности в виде пятимиллиардной сделки по поставкам наступательных вооружений Азербайджану стали главной причиной для де-факто отказа Еревана от СоА, до пара-

Если бы стимулы и перспективы, заложенные ЕС для восточных соседей, нашли должный отклик в странах выгод-получателях, в том числе, на Южном Кавказе, регион, возможно, повторил бы путь западноевропейских государств, прервавших в середине XX века инерцию двух самых кровопролитных в истории человечества войн и ставших самыми близкими партнерами.

фирования которого оставалось всего два с половиной месяца... В отличие от Украины, прошедшей через трагедию Майдана и потерю контроля над частью своей территории, Армения не нашла в себе сил для прорыва в новую реальность, связанного с рисками, но сулящего радикальные перемены не только для нее, но, не исключено, и для всего Южного Кавказа.

Вместе с тем, следует признать, что в вопросе карабахского конфликта «Восточное партнерство» не нашло инструментария для увязывания парадигмы развития с парадигмой безопасности и урегулирования противоречий. Площадки ВП, в частности, ее парламентская ассамблея «Евронест» стали новыми аренами для конфронтации между представителями Армении и Азербайджана, что нередко препятствовало эффективности работы этих органов в целом. Причем не «Восточное партнерство» способствовало переводу переговорного процесса между Баку и Ереваном в конструктивное русло, а, фактически, наоборот, кризис в процессе урегулирования, наиболее акцентированно проявившийся после срыва упомянутых выше казанских договоренностей 2011, нанес чувствительный удар по многостороннему формату ВП. Во всяком случае, в той его части, который касался вовлечения Армении и Азербайджана. Разумеется, на результативности инициатив Европейского Союза в значительной степени отразился более масштабный кризис – во влиянии международных институтов, включая ЕС, на глобальные и региональные процессы. Его причина тема отдельного анализа, а следствие – возгорание конфликтов на обширном пространстве, включая Южный Кавказ, которое, как казалось, после Второй мировой войны, надолго застраховано от повторения трагедий прошлого века.

44-дневная война стала еще одним ударом по авторитету и влиянию европейских структур и Запада в целом. И дело не только в том, что США, Франция как сопредседатели Минской группы, международные институты не сумели добиться перемирия, уступив лавры безальтернативного миротворца Москве. В качестве эффективной модели управления государством, обеспечения национальной безопасности, укрепления суверенитета и устройства внутривнутриполитической жизни многими на постсоветском пространстве и не только воспринимаются методы, применяемые Реджепом Тайипом Эрдоганом и Ильхамом Алиевым. Сколь бы не говорилось о том, что Турция является членом НАТО и рост ее влияния равнозначен продвижению интересов собирательного Запада, а переход азербайджанской армии на стандарты НАТО делает эту страну «скрытым членом» североатлантического военно-политического блока, ценностная система, продвигавшаяся в последние три десятилетия на постсоветском пространстве, подвергается сегодня серьезнейшим испытаниям, если не пересмотрю местными политическими элитами. Критика международными организациями состояния с правами человека и демократическими институтами производит все меньшее впечатление на лидеров стран, против которых она направлена.

ТРИ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОПРОСЫ, ВЫДЕЛЕННЫЕ В ПУНКТЕ 4:

МОДЕЛЬ 1. ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА

Эскалационный сценарий заложен в самом трехстороннем Заявлении президентов Азербайджана и России и премьер-министра Армении от 9/10 ноября 2020 и в той его трактовке, которая реализуется на практике. Прежде всего, это касается обозначения территорий, с которых должны были быть выведены армянские войска. Как описывалось выше, на всех остальных участках линии соприкосновения (читай, фронта) войска с обеих сторон должны были оставаться там, где оказались в момент заключения перемирия. Кубатлинский и Зангеланский районы в Заявлении не указаны, следовательно отвод армянских сил и продвижение азербайджанских здесь не предусматривались. Однако вследствие дополнительных договоренностей, о которых ничего конкретно не известно, армянские войска были отведены (на некоторых участках на 10-20 км) до условной армяно-азербайджанской границы советского времени. Признание премьер-министра РА Никола Пашиняна, что отказ от отвода означал бы продолжение войны, не отвечает на вопрос, почему тогда два упомянутых азербайджанских района не были включены в соответствующий пункт трехстороннего Заявления с указанием конкретных сроков. Не оговоренный документально выход азербайджанских войск на позиции, создававшие серьезные проблемы для приграничного населения Армении, сделал неизбежными частые инциденты и риски эскалации конфликта.

Выше отмечалось также, что логика соглашений, достигнутых по итогам войны, безусловно предполагала передачу Азербайджану полного контроля над всеми районами вокруг бывшей НКАО, включая Зангеланский и Кубатлинский. Однако граница между двумя бывшими советскими республиками не могла на этом своем участке быть функциональной с точки зрения безопасности. Тем более, что ее де-факто отсутствие в течение трех десятилетий создало новые реалии. Поэтому восстановление территориальной целостности Азербайджана на этом участке должно было происходить с определенной коррекцией, включающей, в том числе, такой метод, как обмен территориями, с целью обеспечения максимальных возможностей для исключения приграничных инцидентов. Заодно такой подход стал бы полезным опытом для всеобъемлющего процесса делимитации и демаркации. К сожалению, он не был применен, в результате чего здесь постоянно возникают поводы для эскалации враждебности.

Другое положение Заявления о выводе армянских сил с территории Нагорного Карабаха также дало основания для различных трактовок. Означал ли он вывод вооруженных сил собственно Республики Армения или ликвидацию всех, включая местных, вооруженных формирований? Ереван настаивает на первом варианте, Баку – на втором, Степанакерт продолжает называть эти формирования армией обороны НК. Проблема здесь в том, что российский миротворческий контингент ни по своей миссии, ни по своим возможностям не способен полноценно контролировать условную линию соприкосновения, зафиксированную в соответствии с договоренностями 9/10 ноября 2020. Отсутствие же контроля, как показало дальнейшее развитие событий, создает реальные угрозы безопасности для армянского населения.

Было бы несерьезно ожидать, что после такой жестокой войны, как 44-дневная, тема безопасного проживания армян в Нагорном Карабахе потеряла бы актуальность сразу после договоренностей о перемирии. Предыдущие три с лишним десятка лет также не давали оснований для подобного оптимизма. Поэтому трехстороннее Заявление должно было предусматривать определенный временный, до окончательного урегулирования конфликта, статус для сил безопасности НК, согласованный как с российской, так и с азербайджанской стороной, и предусматривающий механизмы трехстороннего взаимодействия. Тем более, что в контексте предшествовавших переговоров под эгидой Минской группы ОБСЕ по этому вопросу были определенные наработки. Отсутствие единого по-

Отсутствие единого понимания модели действенного обеспечения безопасности и правопорядка в зоне ответственности российских миротворцев также является триггером эскалации. Возможно, в меньшей степени, но элементы опасной неопределенности содержатся почти в каждом пункте трехстороннего Заявления о перемирии.

нимания модели действенного обеспечения безопасности и правопорядка в зоне ответственности российских миротворцев также является триггером эскалации. Возможно, в меньшей степени, но элементы опасной неопределенности содержатся почти в каждом пункте трехстороннего Заявления о перемирии.

Наконец, сам статус миротворческого контингента, отсутствие у него четко сформулированного мандата являются факторами риска. Третья сторона играет конструктивную роль в конфликте, когда способна находить решения в конфронтационных ситуациях, воспринимается в качестве беспристрастного арбитра и опирается при этом на четкие представления о правилах. В то же время практически ни в одном из вопросов, инцидентов, вызывавших за полтора года после окончания войны противоречия, напряженность между армянской и азербайджанской сторонами, представители миротворцев не предложили выходы, которые были бы понятными и принимались бы непосредственными участниками конфликта. Агрессия России в отношении Украины еще более усугубила проблему. Если до этого Москва еще могла как-то претендовать на использование своего политического авторитета, то после 24 февраля 2022, а, тем более, после ряда ее очевидных военных неудач в Украине российский миротворческий контингент в Нагорном Карабахе вынужден действовать не только без четких ориентиров относительно своих полномочий, но и без ощущения крепкой «спины» в лице политического руководства РФ. Как следствие, претензии к их действиям накапливаются как в Баку и Ереване, так и у карабахских армян. Иными словами, присутствие недееспособной третьей стороны становится дополнительным провайдером нестабильности.

МОДЕЛЬ 2. СТАТУС-КВО

При наличии многочисленных факторов, содержащих риски эскалации, сохранение статус-кво представляется невозможным. Развитие ситуации после 9/10 ноября 2020 доказало, что трехстороннее Заявление не могло привести к замораживанию положения вещей на каком-либо этапе реализации договоренностей. Сам этот процесс создает новые вызовы, которые накапливаются и требуют нетривиальных решений. Неурегулированность конфликта означает в сложившихся условиях не статус-кво, а неизбежность эскалации.

МОДЕЛЬ 3. ДЕЭСКАЛАЦИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА

На исключение эскалации и поиск реалистичной модели урегулирования конфликта можно рассчитывать при обеспечении одного из двух условий: появлении авторитетного и эффективного посредника или создании конструктивной атмосферы для прямых двусторонних переговоров. С первым после российского вторжения в Украину и при весьма сомнительных перспективах согласованных действий сопредседателей Минской группы ОБСЕ возникли серьезные проблемы. Вто-

рое сталкивается с таким серьезным препятствием, как отсутствие подобного опыта в течение всей истории конфликта. Но поскольку появления авторитетного и эффективного посредника в сегодняшней сложнейшей геополитической обстановке можно ждать бесконечно, стороны должны хотя бы сделать попытку для налаживания прямого диалога. При этом модератор (некто, организующий площадку, усаживающий переговорщиков за стол, но вмешивающийся в их разговор только для направления его в максимально конструктивное русло) в лице, к примеру, главы Европейского Совета Шарля Мишеля, был бы очень полезен.

Модель урегулирования должна, безусловно, соответствовать принципам международного права, но не определять заведомо, какой из них приоритетен. Прагматичные решения, найденные в процессе переговоров, так или иначе не будут выходить за рамки этих принципов. Стороны должны будут максимально абстрагироваться от такого понятия, как «справедливость», особенно «историческая справедливость». То, что справедливо для одних, является вопиющей несправедливостью для других, поскольку армяне и азербайджанцы с диаметрально противоположных позиций видят и трактуют не только далекую историю, но даже события последних трех десятков лет. Поэтому поиск выхода из конфликта может основываться не на выяснении, кто в итоге прав, а кто виноват, а на отношении к нему как к Общей Проблеме, которую армяне и азербайджанцы должны решать совместными усилиями.

Важной составляющей модели должно быть мирное соглашение, исключающее дальнейшее приращение силы и предполагающее серьезные международные санкции за его нарушение. То, что одна из сторон оставляет за собой право возобновить войну, если ее не устроит ход мирных переговоров, более того, демонстрирует своему обществу и всем окружающим милитаристский настрой, делает ее неспособной на компромиссы. Зачем что-либо уступать, если существует перспектива получить максимум? Другая сторона, наблюдая за всем этим, также не видит резона идти на уступки, способные сыграть в случае войны решающую роль. Правда, имеет право на существование и обратная логика: если невозобновлённые войны гарантировано, к поиску компромиссов не склонна уже сторона, которую устраивает статус-кво. Поэтому для сохранения «баланса стимулов» она должна заплатить за мирное соглашение чем-то существенным.

Предметными компонентами модели должны быть, главным образом, следующие:

- Принципы согласования границ, в основе которого должны лежать, с одной стороны, признание границ советского периода, но, с другой, безопасная и устойчивая жизнедеятельность приграничного населения. Там, где эти два подхода вступают в противоречие, может быть применен, как отмечалось выше, обмен территориями. Этот же подход должен быть применен для исключения анклавов, которые именно в силу своей природы могут стать дополнительным фактором эскалации.
- Вопрос открытия транспортных коммуникаций, который должен исключать стратегические приобретения одной из сторон в ущерб другой.
- Безопасное, с гарантиями прав и достоинства, сохранения всех элементов национальной идентичности как армян Нагорного Карабаха, так и решивших вернуться в регион азербайджанских беженцев. Отказ от признания, что проблема армянского населения остается и необходим поиск ее кардинального решения, означал бы отрицание таких очевидных реалий, как история противостояния армян и азербайджанцев с начала XX века, споры о принадлежности региона в годы первых республик и образование автономии в советский период, введение режима особого управления в 1989, армяно-азербайджанские войны после распада СССР, 29 лет де-факто существования непризнанной Нагорно-Карабахской республики, объявление в 2020 НК соглашения Баку и Еревана зоной ответственности российских миротворцев...

Важной составляющей модели должно быть мирное соглашение, исключающее дальнейшее применение силы и предполагающее серьезные международные санкции за его нарушение.

- Создание действенных механизмов международного мониторинга за соблюдением перемирия и неприкасаемостью границы и линии соприкосновения, обозначенных в соответствии с трехсторонним Заявлением от 9/10 ноября 2020. Российско-турецкий мониторинговый центр в Агдаме эту функцию не выполняет. Отказ какой-либо стороны от применения этих механизмов и от ответственности за обнаруженные нарушения может свидетельствовать только об одном: неискренности стремления к стабильному миру.
- Много говорится об изменении состава миротворцев, «разбавлении» российского контингента представителями западных стран. Такое развитие событий повысило бы уровень вовлеченности важных международных игроков в обеспечение безопасности и стабильности в регионе. Однако до войны в Украине Россия всячески препятствовала бы реализации этой идеи и, скорее всего, добилась бы своего. Азербайджан согласился бы на «разбавление» турецкими военными, но, вероятно, исключил бы любые иные варианты. Армения объективно заинтересована в многонациональном контингенте (естественно, без турок), но вряд ли позволила бы себе высказываться в пользу решений, противоречащих позиции Москвы. После же российской агрессии против Украины какое-либо взаимодействие военных РФ с миротворцами из стран-членов НАТО и других европейских государств представляется невозможным, нынешний контингент ежедневно доказывает свою малоэффективность, поэтому расчет в плане безопасности должен быть сделан на добрую волю и собственные усилия непосредственных сторон конфликта.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ СТОРОНАМИ КОНФЛИКТА:

РЕКОМЕНДАЦИИ

● Что должно быть сделано?

О принципах и направлениях переговорного процесса на официальном уровне достаточно сказано в предыдущих разделах данного обзора. Поэтому здесь целесообразно сосредоточиться на том вкладе, который может внести «дипломатия второго уровня». При этом две основные составляющие «Track 2» - миротворческий гражданский активизм и независимая экспертиза, в отличие от прежних времен, не могут быть эффективными отдельно друг от друга. Власти как в Азербайджане, так и в Армении в ближайшей перспективе вряд ли будут считаться с позицией гражданского общества, если она будет строиться исключительно на выражении добрых намерений. Продвижение тех или иных идей имеет шансы на успех, только если они будут основываться на квалифицированном анализе ситуации и учитывать актуальные социально-политические тенденции и закономерности. С другой стороны, экспертная деятельность, связанная с конфликтом, не имеет большого смысла без, условно говоря, «заказчика». Таковым могут быть либо власть, но тогда экспертиза будет иметь мало общего с «Track 2», либо независимые миростроительные инициативы, поддерживаемые международными организациями.

Принцип независимости предполагает, что деятельность миротворцев-экспертов и миротворцев-активистов, которые, естественно, могут выступать и в одном лице, не обязательно заключается в защите государственных, национальных интересов в узком понимании, как их формулируют власти или иные политические игроки. В качестве фундаментального приоритета, которым должны руководствоваться участники «Track 2», следует рассматривать жизненные интересы людей - в случае с нашим регионом подавляющего большинства обычных армян, азербайджанцев, грузин, представителей всех национальностей, проживающих на Южном Кавказе. Результаты подобной деятельности, разумеется, рискуют иметь ограниченное влияние на принятие официальных решений, но их вклад в общий процесс создает «добавленную стоимость», помогающую найти мирные пути к урегулированию конфликта. Сказанное не исключает уважительное отношение к компетентным и ответственным специалистам, в той или иной форме работающим на свои правительства и при этом приносящим пользу делу мира и стабильности, однако важно дифференцировать призвания одних и других.

В сложившейся региональной, а с началом войны в Украине и глобальной, ситуации серьезную угрозу для миротворческих инициатив представляет формирующийся «культ войны» как едва ли ни универсального метода решения всех проблем. Оправдание широкомасштабных военных действий участниками «дипломатии второго уровня» трудно совместимо с их усилиями по установлению конструктивного диалога с партнерами по другую сторону конфликта. При этом важно понимание, что основную ответственность за войны не всегда несут стороны, их инициировавшие. Если во время интенсивных боевых действий нереалистично рассчитывать на беспристрастность даже самой прогрессивной части обществ вовлеченных сторон, то после завершения силового противостояния, независимо от его исхода, миссия миротворцев заключается в содействии скорейшему урегулированию конфликта, практическому преодолению его последствий. Во главу угла их усилий, помимо поиска оптимальных политических моделей, должен быть заложен принцип наименьшего страдания людей, ставших в той или иной степени жертвами войны, а в контексте карабахского конфликта и предыдущих войн. В частности, гуманитарный аспект включает защиту прав беженцев и вынужденных внутренних переселенцев, военнопленных и других удерживаемых лиц. Без активности в этом направлении сложно рассчитывать на взаимное доверие по другим аспектам урегулирования конфликта.

Крайне важно исключить из диалога ложные информации и послы. Последние войны как в

В сложившейся региональной, а с началом войны в Украине и глобальной, ситуации серьезную угрозу для миротворческих инициатив представляет формирующийся «культ войны» как едва ли ни универсального метода решения всех проблем

Украине, так и в Нагорном Карабахе, а во втором случае и послевоенная ситуация, отличились беспрецедентным объемом распространяемой дезинформации, в том числе, на самом высоком уровне. Наиболее очевидными примерами являлись заверения армянской стороны, что она одерживает победу в войне, и азербайджанской – что инициатором начала боевых 27 сентября 2020 был Ереван... Учитывая продолжающийся поток информационных манипуляций, участники миростроительных инициатив должны полагаться в своей деятельности только на те сведения, которые получены ими из не вызывающих сомнений источников. Иначе, пребывание в сильно отличающихся друг от друга политических, медийных средах станет непреодолимым препятствием для сближения представлений об актуальном положении вещей и, соответственно, поиска совместных решений. Формирование диалогового пространства, свободного от влияния односторонних пропагандистских потоков само по себе способно оказать влияние и на информационный мейнстрим. Тем более, если при наличии ресурсов на базе этого пространства будут консолидироваться соответствующие массовые медийные платформы.

Также важно избавляться от «детской болезни» возлагать вину за армяно-азербайджанский конфликт, прежние потери Азербайджана и нынешние беды Армении на какие-либо внешние силы, в том числе, на Россию. Разумеется, многие внесли свой вклад в наши несчастья. Но взваливание далеко не всех функций, которые находились прежде или сохраняются сегодня в руках Москвы, стало результатом исключительно ее собственной инициативы. Они были тем или иным образом делегированы ей как Ереваном, так и Баку вследствие их неумения и нежелания решать проблемы сами. Предусмотренный трехсторонним Заявлением от 9/10 ноября 2020 ввод российского военного контингента в зону карабахского конфликта лучшая тому иллюстрация. Здесь есть принципиальное различие с конфликтами, в которые вовлечена Грузия и где Россия является непосредственным участником. Азербайджан и Армения являлись прямыми подписантами соответствующих решений, и сейчас даже обоснованные претензии к третьей стороне по поводу отдельных инцидентов, обостряющих обстановку, вписываются в общую тенденцию перекалывать ответственность на плечи других. Одним из наиболее ценных вкладов «Track 2» в процесс всеобъемлющего урегулирования может заключаться именно в том, чтобы были найдены такие формулы двусторонних отношений, которые максимально ограничивают роль внешних игроков.

Причем действенные форматы диалога рано или поздно должны подключить независимых акторов из Нагорного Карабаха как ключевых субъектов и объектов урегулирования. Война и связанные с ней переговорные процессы негативно сказались на состоянии гражданского общества в НК. Однако позитивные изменения в характере миростроительного процесса, если таковые произойдут благодаря реализации предложенных выше подходов, могут способствовать формированию благоприятной атмосферы для вовлеченности в этот процесс и непосредственно населения зоны конфликта. При этом следует всячески избегать любых искусственных диалоговых инициатив, за которыми не стоят реальные позиции той или иной части общества с каждой из сторон.

Для участников «дипломатии второго плана» изменение геополитического контекста на Южном Кавказе и в мире, в целом, не должно ставить под сомнение развитие их стран и всего региона на

основе базовой европейской модели. Но, в отличие от прошлых лет, это не должно быть ситуационной данью доминирующим тенденциям, а осознанным выбором граждан. В любом случае процесс миростроительства должен быть сопряжен с цивилизационным выбором и поддержкой параллельных сценариев национального и регионального развития. Без этого сама миссия участников неофициального диалога теряет смысл и значение, исключает ту самую «добавленную стоимость», которую она призвана формировать. Вдохновляющим примером должна быть стойкость Украины в войне против России. Страна, избравшая демократический путь развития, политический плюрализм, свободу выражения, в противостоянии с авторитарным агрессором, применяющим во внутренних общественных отношениях элементы крайнего тоталитаризма, сумела продемонстрировать превосходство и высочайший уровень консолидации и организованности.

Кризис (безусловно, временный) либеральной идеологии, культ войны и сильных авторитарных лидеров, посредством которых происходит кажущееся разрушение «гордиевых узлов» современности, размывает многие критерии, делает невозможным оценки явлений на их основе. В частности, маяком для многих стран на постсоветском пространстве становится сосед Южного Кавказа Турция, о чем уже говорилось выше. Эффективность ее внешней политики на данном этапе создает соблазн закрыть глаза на неоднозначные внутренние процессы в этой стране и следовать привлекательному примеру. В контексте событий в Украине поведение Анкары, проявляющей сравнительно терпимое отношение к агрессии Москвы, удостаивается более высоких оценок, чем ведущих стран ЕС. Многие демократы и правозащитники на все том же постсоветском пространстве, с чьих уст не сходит имя Алексея Навального, практически, не вспоминают о преследовании по схожим мотивам турецкого мецената и гражданского активиста Османа Кавала... Можно не сомневаться, что Турция с ее опытом государственности, выстраивания институтов и отношений с другими странами в духе конкретного исторического периода, быстро впишется в любую эпоху. Однако для не столь зрелых государств нашего региона и их обществ потеря ценностных ориентиров чревата внутренним разладом и дрейфом в неопределенном направлении.

● Что мы улучшаем?

Еще перед 44-дневной войной интенсивность неофициального диалога упала до самого низкого с начала карабахского конфликта уровня. После же войны она опустилась почти до нулевой отметки. Поэтому любое оживление контактов можно будет считать прогрессом. Следующим же шагом, который позволит говорить о наличии или отсутствии дальнейших перспектив должно стать восстановление доверия хотя бы на уровне периода, предшествовавшего четырехдневной апрельской войне 2016, а также работа над формулированием приоритетов, повестки и принципов взаимодействия. Армянским и азербайджанским участникам «Track 2» предстоит убедиться, что они способны выйти за рамки тех решений, которые обсуждаются на официальном уровне, и тем самым придать практическую значимость совместным усилиям.

Нынешний официальный процесс испытывает и продолжит испытывать «взлеты» и «падения». Вследствие того, что «дипломатия второго плана» находится в силу целого ряда обстоятельств в сильной зависимости от волатильных отношений между властями в Баку и Ереване, здесь также будут наблюдаться колебания в активности. Как показывает опыт, не имеющее собственной повестки миротворчество на гражданском уровне рано или поздно обречено на кризис, когда в процессе урегулирования с участием сторон, принимающих решения, нет продвижения вперед. Но, с другой стороны, замораживание «Track 2» и полное отчуждение обществ друг от друга не может не сказываться негативно на эффективности официальных переговоров. Поэтому выработка самостоятельных приоритетов и в данном смысле жизненно важна для последовательности и устойчивости гражданских миротворческих инициатив.

Еще одно преимущество, которое может быть использовано на новом этапе «дипломатии второго

...Вернулось осознание того, что, несмотря на все различия и противоречия, Армения, Азербайджан и Грузия находятся в «одной лодке». И трехсторонний формат взаимодействия во имя безопасности и развития, которому придавалось большое значение в 1990-е, но несколько забытый в силу разновекторности внешней политики этих государств, снова приобрел очевидную актуальность.

уровня», это разнообразие вовлеченных и потенциальных участников. Помимо деления на условных «активистов» и «экспертов», о чем говорилось выше, можно говорить о «классификации» по другому принципу: во-первых, это международные неправительственные организации, вкладывающие свой опыт предотвращения и модерирования конфликтов; во-вторых, «ветераны» миростроительства, имевшие возможность многое переосмыслить за время относительного бездействия; в-третьих, новое поколение участников «Track 2», проявляющее энтузиазм, в значительной степени утраченный их предшественниками; наконец, это неформальные добровольческие инициативы, которые появились в дни войны с гуманитарными целями и сейчас могут проявить заинтересованность в работе на региональном уровне. Объединение преимуществ и специфики каждой из этих групп способствовало бы сообщению новой энергетики «дипломатии второго плана» на Южном Кавказе.

Российская агрессия против Украины сконцентрировала внимание международной общественности к этой стране и отодвинула на второй план проблемы других регионов, в том числе, Южного Кавказа. Но вместе с тем самая разрушительная после Второй мировой войны в Европе подчеркнула схожесть вызовов для постсоветских стран, важность диалога на региональном уровне. В этом смысле вернулось осознание того, что, несмотря на все различия и противоречия, Армения, Азербайджан и Грузия находятся в «одной лодке». И трехсторонний формат взаимодействия во имя безопасности и развития, которому придавалось большое значение в 1990-е, но несколько забытый в силу разновекторности внешней политики этих государств, снова приобрел очевидную актуальность. «Гражданская дипломатия», будучи гораздо менее скованной разногласиями и даже, как в случае Баку и Еревана, жесткой конфронтационностью, нежели правительства, может взять на себя роль первоходца по пути к взаимопониманию.

- **Какое влияние данная деятельность окажет на процесс деэскалации и разрешения конфликта?**

Деятельность в рамках «Track 2», если ее удастся развернуть в соответствии с истинным предназначением, позволяет ломать стереотипы, служит полигоном для смелых идей, создает прецеденты доверительного взаимодействия людей из конфликтующих друг с другом стран, помогает выявлять реальные общие интересы там, где их, казалось, не может быть по определению. В конечном итоге, она формирует альтернативу враждебности, модель разрешения противоречий без применения силы. Участники этого процесса при накоплении критической массы аргументов и предложений, должны быть готовы представить их широкой общественности, претендовать на национальный консенсус в деле

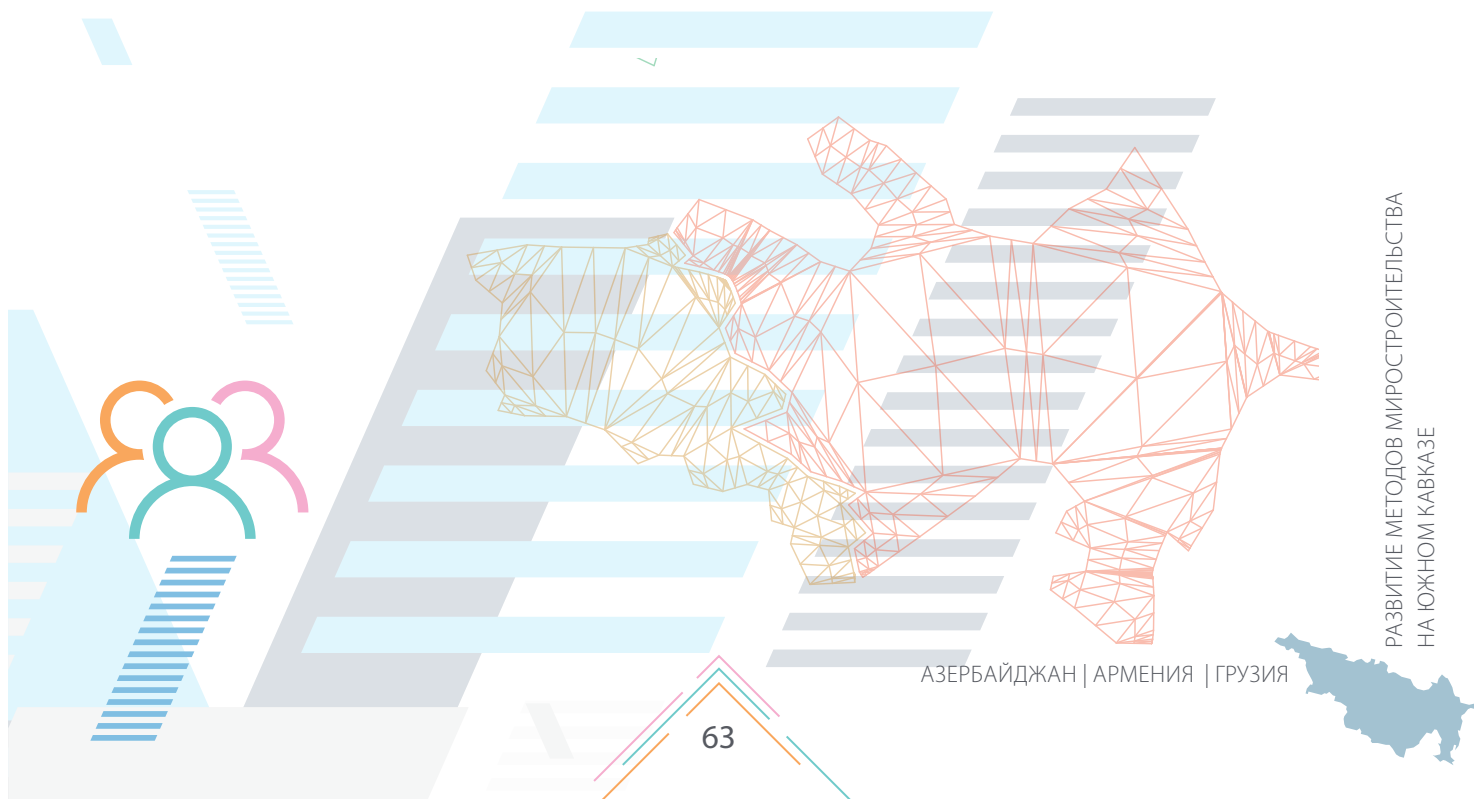
если не окончательного решения проблемы, то, по меньшей мере, относительно отказа от эскалации конфликта.

Важным этапом работы в этом направлении является формулирование и согласование параметров того регионального мира, к которому стремятся участники диалога, или хотя бы достижения договоренности о принципах, определяющих эти параметры. При этом важно, чтобы общий контекст, на базе которого происходит диалог, был более-менее устоявшимся, чтобы от него можно было отталкиваться. Если же контекст динамичный, как на нынешнем этапе карабахского конфликта, и чуть ли ни каждый день могут происходить события, выводящие его даже из относительного равновесия, «сценаристы» миротворческого процесса должны сами для себя обрисовать «желаемые обстоятельства», при которых миростроительные усилия могут увенчаться практическим результатом. Также немаловажна готовность самих миростроителей отстаивать в публичном пространстве свой продукт – будь то параметры регионального мира, принципы их формулирования или желаемые обстоятельства для их же эффективной деятельности.

● Кто должен стать адресатом рекомендаций

Рекомендации относительно приоритетов и методологии «дипломатии второго плана» должны быть адресованы всем, от кого ожидается поддержка в их применении. Это и международные структуры, миссия которых так или иначе предполагает сохранение мира и стабильности как в регионе, так и в глобальном масштабе, «мозговым центрам», занимающимся разработкой схожих идей, донорскими организациями, выделяющим ресурсы на предотвращение и урегулирование конфликтов, национальным властям, от которых зависят условия и результативность работы участников миротворческих инициатив. Наконец, в адаптированной для публичного восприятия форме разработанные идеи должны становиться предметом обсуждения в СМИ и различных общественных форматах.

При этом для должного внимания к рекомендациям со стороны их адресатов они должны максимально учитывать складывающийся региональный и международный контекст. В частности, нельзя игнорировать широкое распространение вульгарных, основанных исключительно на праве силы интерпретации понятия *real politik*. Участники миротворческих процессов нередко выступают и в качестве публичных комментаторов происходящих событий, в том числе конфликтных ситуаций. В этой своей роли они могут и даже обязаны приучать аудиторию к максимально реалистичному восприятию действительности. Вместе с тем, как эти комментарии, так и рекомендации по миростроительству предполагают присутствие разумной доли оптимизма, альтернативных современным тенденциям решений. И в этом также состоит «добавленная стоимость» усилий в рамках «Track 2».

ГРУЗИЯ

РЕСУРСЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ МИРОТВОРЧЕСТВА БОЛЬШОЙ КАВКАЗ

АЛЕКСАНДР РУСЕЦКИЙ

Доктор психологических наук;

*Руководитель Кавказской Лаборатории
Геополитического Моделирования Кавказского
международного университета;*

*Руководитель бакалаврской программы по психологии в
Университете Св. Тамар при Патриархии Грузии;*

*Приглашенный лектор Университета им. Святого
Андрея Первозванного при Патриархии Грузии;*

Член-корреспондент Цхум-Абхазской Академии Наук;

*Координатор Грузинского комитета Хельсинкской
гражданской ассамблеи*

ОЛЬГА ДОРОХИНА

Доктор международных отношений;

Руководитель программ Грузинского комитета ХГА;

*Заместитель руководителя Кавказской лаборатории
геополитического моделирования Кавказского
международного университета;*

*Ассоциированный профессор в Университете
Св. Тамар при Патриархии Грузии*

ВВЕДЕНИЕ

Главной целью исследования является поиск новых действенных механизмов для превенции процесса интернационализации вооруженных конфликтов с использованием обычных вооружений и тем более оружия массового уничтожения в регионе Кавказа. Авторы исследования являются одновременно сотрудниками общественных миротворческих организаций, которые принимают участие в переговорных процессах на экспертном уровне, а также представляют университеты и аналитические центры Грузии. Они занимаются научной деятельностью с целью поиска новых возможностей для усиления миротворческих процессов и уменьшения жертв геополитической аномии. Участие в переговорных процессах на экспертном уровне, содействует получению первичной, эксклюзивной информации, которую можно сравнивать и дополнять вторичной информацией, которая изложена в уже существующих научных трудах. Участвующие наблюдения носят открытый характер и проходят в рамках исследования являющихся частью проекта “Interdisciplinary comparative analysis of the complex system of Abkhazian conflict via innovative 4D-RAV-17 method”, поддерживаемого национальным фондом науки Грузии имени Шота Руставели, Кавказской лабораторией геополитического моделирования Кавказского международного университета, а также проекта WIC - “Developing methods of peace-building in the South Caucasus”, supported by Black sea Trust Fund (2021). Все форматы этих исследований являются частью многолетнего системного исследования «Теория мета-когнитивного управления», проводимого под руководством доктора психологических наук Александра Русецкого в рамках его второго диссертационного исследования на соискание степени доктора политических наук. Исследование поддерживалось группой неправительственных организаций, входящих в Грузинский комитет Хельсинкской Гражданской Ассамблеи. Вопрос восприятия Кавказского пространства всегда был неоднозначным, и в начале 2009 года, при поддержке Фонда Фридриха Эберта, было подготовлено издание „Архипелаг Кавказ и реал-политик», где была проанализирована динамика изменения восприятия самого термина, определяющего данный регион, и предлагалось инновационное понимание его политической географии. В настоящей работе предлагается обновленный вариант обзора региональных форматов сотрудничества, отличных от традиционного понимания, что расширяет возможности процесса сотрудничества и, в частности, управления сложными конфликтными ситуациями в регионе и их превенции.

ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ГРУЗИИ

Прежде чем перейти, непосредственно к анализу форматов, представляем Вашему вниманию историю организации, так как ее развитие и трансформация также является отражением, текущих геополитических процессов.

В 1989 году была официально зарегистрирована Ассоциация Национального Согласия (АНС) Грузии, как общественно-политическое движение, ставящее целью недопущение продолжение политического насилия и гражданских войн в Грузии. В первый раз в повестку дня была поставлена задача создания Правительства Национального Согласия и эта тема активно обсуждается и сегодня 33 спустя.

В 1992 году на базе АНС был создан Национальный комитет Хельсинкской гражданской ассамблеи Грузии (НСА Georgia). Этому предшествовала конференция, состоявшаяся в Москве в 1991 году с участием представителей Международной организации Хельсинкская гражданская ассамблея и АНС. В результате этой встречи и международного конгресса, состоявшегося 26 марта 1992 года в Братиславе, АНС получила статус Национального комитета ХГА Грузии. Одновременно подобные структуры были созданы в Азербайджане и Армении. Организация поддерживала развитие демократии и строительство гражданского общества в Грузии, интеграцию государственных институтов в международные структуры и обеспечивала стабильность и гражданскую безопасность в регионе Южного Кавказа. ХГА Грузии поддерживала мирные гражданские инициативы, поощряла самоорганизацию и самоуправление гражданских групп путем организации переговорных процессов между конфронтационными политическими группами, переговоров по поиску и освобождению заложников, военнопленных, без вести пропавших и исчезнувших.

Программа «Транскавказский диалог», инициированная Хельсинкской Гражданской Ассамблеей в 1992 году, можно назвать уникальной инициативой в истории миротворческого движения на Южном Кавказе. Регулярно проводились мероприятия, посвященные развитию регионального сотрудничества на Южном Кавказе. В 1999-2000 годах организация серии круглых столов позволила наметить новые пути дальнейшего регионального развития и обсудить темы, представляющие взаимный интерес. По инициативе А.Русецкого и при поддержке посла по особым поручениям МИД Грузии – Константина Жгенти, руководящего департаментом Южного Кавказа, были налажены переговоры между МИД-ми Азербайджана и Армении по созданию Южно-Кавказского Института Региональной Безопасности. В ходе южно-кавказского круглого стола: «От диалога к стратегическому союзу», состоявшегося в декабре 2000 года в Тбилиси, г-жа Гульшан Пашаева, директор Азербайджанского центра исследования конфликтов, высказала свою идею о придании этой инициативе формы «мозгового центра» - исследовательской группы экспертов региона – аналитиков и консультантов для формулирования основных положений доктрины региональной безопасности на Южном Кавказе. Эта идея получила дальнейшее развитие на другой конференции, состоявшейся в Стамбуле годом позже. Мероприятие было организовано Фондом им. Фридриха Эберта совместно с другими немецкими фондам. Официально проект был представлен в Берлине на конференции «Новая кавказская инициатива», также организованной Фондом им. Фридриха Эберта в ноябре 2002 года. Несмотря на то, что официально организация зарегистрирована не была, в ее работе, наряду с независимыми экспертами принимали участие дипломаты Азербайджана, Армении и Грузии.

SCIRS объединил экспертов, аналитиков, общественных деятелей и журналистов, работающих над проблемами безопасности и управления конфликтами в научных, государственных, общественных организациях и СМИ. SCIRS направил свои усилия на обеспечение мира и безопасности в Грузии, на Южном Кавказе, в окружающих геополитических регионах, а также в других конфликтных зонах мира. Сегодня SCIRS позиционирует себя как институт государственной политики, поощряющий создание и развитие «мозговых центров», проводящих междисциплинарные исследования. В рамках

института специалисты занимаются научной и образовательной деятельностью, разрабатывают методики и рекомендации по предотвращению и разрешению конфликтов, поддерживают внедрение результатов работы и контролируют процесс продвижения рекомендаций или концепций на гос. и международном уровнях.

В 2010 году был проведен ребрендинг и институт стал называться Кавказский институт региональной безопасности. Структура действовала на базе Грузинского комитета Хельсинкской гражданской ассамблеи (hCa GNC). Выполняя функцию аналитического центра ХГА на Кавказе, она содействовала тому, что все программы и проекты проходили профессиональную экспертизу. В 2012 году CIRS/hCa GNC подписал меморандум о сотрудничестве с Кавказским международным университетом (CIU). Основными задачами совместного сотрудничества является организация стажировок студентов, научных конференций, публичных лекций специалистов, ученых и общественных деятелей, содействие международному сотрудничеству CIU. При поддержке CIRS/hCa GNC на базе университета была создана Кавказская лаборатория геополитического моделирования, которая на сегодняшний день является исследовательским подразделением факультета социальных наук университета. Создание данной лаборатории показало, что и ученые малых стран могут принимать активное участие в планировании научно-политической повестки дня и создавать свое видение будущего, а не ориентироваться лишь на те геополитические клише, которые были созданы в крупных идеологических центрах.

Деятельность лаборатории осуществляется в рамках STI&E (Science, Technology, Innovation and Education):

- Исследование, оценка и практическое применение геополитических возможностей в Грузии и на Кавказе. На базе лаборатории созданы новые геополитические бренды;
- Сотрудничество с ведущими мировыми аналитическими центрами;
- Альтернативные стратегии разрешения конфликтов в Абхазии и Цхинвальском регионе находятся в процессе разработки при поддержке Национального научного фонда им. Шота Руставели;
- Работа над существующими документами в сфере национальной безопасности осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Парламента и Правительства Грузии;
- Студенты и преподаватели принимают участие в регулярной деятельности лаборатории и ее международных партнеров. Созданы условия для их профессионального развития (включая дистанционное обучение);
- Сотрудничество с учреждениями всех уровней системы образования (школы, профессиональные колледжи, университеты) на национальном и международном уровнях;
- Действует программа стажировки на национальном, международном уровнях.

В отличие от CIRS, Лаборатория является не экспертным, а научным подразделением. Таким образом, за все эти годы были созданы условия для того, чтобы общественные миротворческие инициативы были поддержаны экспертными и научными сообществами.

Региоцентризм – некоторые дефиниции

Термин «Региоцентризм» используется в данном тексте, как политическая технология концентрации внимания читателя на данную географическую территорию. Данный термин усиливает политику регионализма, придаёт ему дополнительную сущность. Регионализм рассматривается как во внутригосударственном административном управлении, так и надгосударственном управлении геополитическими процессами. В обоих случаях он может рассматриваться, как альтернативная или параллельная политика централизованной национальной политике.

Монополия государствоцентризма и соответствующего ему государственного национализма, доминирующая последние два века переживает серьезные потрясения. С одной стороны, она подвергается ударам себе подобного и в некоторой степени, ей же порожденного этноцентризма – в особенности, в странах с полиэтническими обществами. Сепаратизм и ирредентизм являются механизмами достижения этими группами своих, зачастую - узкогрупповых целей. С другой стороны – процессы глобализации заставляют людей переосмыслить установившиеся ценности и принципы существования, снижая важность института государства посредством создания надгосударственных систем политического управления.

Альтернативой этническому и даже государственному национализму можно предложить региональный национализм, и данная идея по отношению к Кавказу уже используется в практике. Правильнее в принципе использовать термин «региональный интернационализм».

В статье «От новых Средних веков к новым Темным векам: упадок государства и стратегия Соединенных Штатов», Фил Вильямс (Стратегический институт Военного Колледжа Армии США) указывает: *«Ученые и политики, остающиеся «государственниками», отрицают такие фундаментальные трансформации. По сути, они страдают «государствоцентризмом» - термин, имеющий такие же уничижительные коннотации, как и этноцентризм. Государствоцентризм очень удобен, он расчетлив, отражает некие реалии власти (хотя и половинчатые), и имеет то большое преимущество, что хорошо знаком.*

Государство-центрированное мышление имеет суженный характер. Все альтернативные ему формы правления воспринимаются как ересь. Однако если мы не осознаем упадок государства и не сделаем из этого выводы, нас неизбежно ждет целый каскад стратегических сюрпризов и катастроф»¹.

В этом сложном процессе глобальных трансформаций и столкновений, региоцентризм выступает как механизм преодоления напряжения и гармонизации отношений. С одной стороны – это, как правило – наднациональный, надэтнический и наднационалистический проект, который позволяет, в том числе и различным этническим, конфессиональным или иным потенциально дискриминируемым группам выразить свои интересы в новом измерении. А с другой стороны, это – возможность защитить сообща некоторые те традиционные ценности, которым угрожают процессы глобализации.

Региоцентризм это – относительно инновационная система безопасности и развития. Процесс создания и развития Европейского Союза – один из наглядных примеров этого. Эта организация возникла не столько из-за экономических мотиваций, как это часто преподносится, а как превенция угроз, с одной стороны, исходящих из националистических установок, а с другой стороны, из-за су-

¹ Фил Вильямс, От новых Средних веков к новым Темным векам: упадок государства и стратегия Соединенных Штатов, Стратегический институт Военного Колледжа Армии США, 29 сентября 2008 года, http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=13676

Южно-кавказский центризм и кавказский центризм в целом, является серьёзным ресурсом для построения новой системы благополучия для жителей данного региона и альтернативой процессу этноцентристского, этнонационалистического сворачивания, который в свою очередь стал реакцией на идеологию советского интернационализма и процесса глобализации.

ществования внешних угроз. Без сомнений, это была инициатива здравомыслящей части европейской элиты, которая адекватно оценила трагедию Второй Мировой войны и опасность новой волны нацизма.

Региоцентризм – многоуровневое явление. На нескольких этажах мы можем рассматривать региональное развитие. Например, развитие Балтийского региона или Скандинавии не только не мешает, но и укрепляет развитие общей системы ЕС. Интересна модель так называемых «еврорегионов» - приграничных территорий двух или нескольких государств, практикуемая во всём европейском пространстве. Интересным является то, что акторами в этих процессах участвуют не только государства, но и их внутренние регионы, города, села, различные социальные институты.

Региоцентризм – является и способом идентификации. Свободный европеец может иметь своё собственное множество идентификаций территориального характера. Он, будучи литовцем может быть и балтийцем. Проживая, к примеру, в городе Гардабани (Грузия), человек (гардабанец) может считать себя – южно-кавказцем, кавказцем, черноморцем, каспийцем, южным европейцем, восточным европейцем, европейцем, евразийцем... и наконец – землянином. И это не входит в конфликт ни с его этнической, ни с религиозной, ни с национально-гражданской идентичностями.

Региоцентризм – это особый способ хозяйствования, предполагающий наряду с национальной экономикой расширение участия и присутствия на соседних рынках, то есть – целенаправленное формирование регионального рынка. И для таких малых стран, как Азербайджан, Армения и Грузия, существование регионального рынка, есть задача приоритетной важности. И в первую очередь, это вопрос экономической безопасности. Уровень региональной независимости может определять и уровень национальной независимости, как в экономическом, так и в политическом плане. Подобная стабильная система может интегрироваться в другие макросистемы, включая активное участие в их формировании.

Таким образом, южно-кавказский центризм и кавказский центризм в целом, является серьёзным ресурсом для построения новой системы благополучия для жителей данного региона и альтернативой процессу этноцентристского, этнонационалистического сворачивания, который в свою очередь стал реакцией на идеологию советского интернационализма и процесса глобализации.

Вместе с тем, региоцентризм не может рассматриваться как лекарство против всех болезней современного общества, а излишнее увлечение региоцентристскими моделями, возрождает и усиливает государствоцентризм, государственный или этнический национализм. Подобные настроения мы наблюдаем в таких странах ЕС, таких как Польша и страны Балтии.

ФОРМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Региональное сотрудничество в рамках конкретных форматов может развиваться по инициативе и с участием различных акторов, представляющих государственные, муниципальные, локальные структуры. Международная практика представляет широкий спектр форм управления надгосударственных региональных объединений, предполагающий создание различных советов, союзов, ассамблей, форумов, конференций и т.д.

Приведем некоторые примеры. **Сотрудничество в рамках Вышеградской четверки** – осуществляется в свободном формате. Ежегодно проводятся официальные саммиты премьер-министров, а работа в рамках V4 ведется в рамках заранее разработанной страной председателем программы годовых действий. Работа ведется на основе периодических встреч представителей V4 на различных уровнях (от встреч на высшем уровне до экспертных консультаций). Единственной институциональной структурой V4 является Международный Вышеградский фонд, который представляет так называемое гражданское измерение сотрудничества V4.

Совет министров Северных стран (The Nordic Council of Ministers) является официальным органом межправительственного сотрудничества в Северном регионе. В рамках совета участники ведут поиск совместных решений особенно в тех областях, когда страны могут достичь большего вместе, чем работая поодиночке. Комитет по сотрудничеству отвечает за повседневную работу Северного сотрудничества и за Секретариат Совета министров в Копенгагене. В его состав входят высокопоставленные государственные служащие из стран Северной Европы. Примечательно, что в работе Совета Министров также принимают участие представители автономных правительств Фарерских островов, Гренландии и Аландских островов. Фарерские острова, Гренландия и Аландские острова могут одобрить решения, принятые Советом министров Северных стран, в той мере, в какой это допускается их соответствующими соглашениями о самоуправлении.

В свою очередь **Северный совет (Nordic Council)** является официальным органом официального межпарламентского сотрудничества. Члены Совета являются депутатами национальных парламентов и назначаются партийными группами. Текущая политическая работа в Северном Совете ведется через комитеты и партийные группы. Президиум, собирается на два ежегодных собрания – Очередную сессию и Тематическую сессию, на которых политики Северных стран принимают решения по вопросам, которые они призывают правительства Северных стран реализовать.

Совет государств Балтийского моря (СГБМ) (The Council of the Baltic Sea States) — международная организация, состоит из 11 государств-членов (Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия и Швеция), а также Европейского союза, поддерживает глобальный взгляд на региональные проблемы. Организация сегодня занимается такими темами, как социальная безопасность, устойчивость, исследования и инновации, а также противодействие торговле людьми. Высший директивный орган является, Совет, в которых входят 11 министров иностранных дел государств-членов СГБМ, а также высокопоставленного представителя Европейского союза. Председательство в Совете переходит по ротации между государствами-членами. Совет обычно собирается один раз в год. Повседневное принятие решений СГБМ возглавляет Комитет старших должностных лиц. Как правило эти комитеты укомплектованы представителями министерств иностранных дел государств-членов СГБМ.

Союз Средиземноморья (the Union for the Mediterranean) — представляет собой межправительственную организацию, объединяющую государства-члены Европейского союза и 15 стран южного и восточного побережья Средиземного моря для развития диалога и сотрудничества. В ходе периодических встреч министров и представителей правительства, определяется политическая повестка работы UfM. Политическое измерение UfM структурировано вокруг региональных диало-

Создание определенных сервисных структур – экономических, культурных, образовательных и других – важная задача в развитии регионального сотрудничества.

говых площадок, в которых участвуют не только представители государственных учреждений и эксперты, но также региональные и международные организации, местные органы власти, гражданское общество, частный сектор и финансовые учреждения.

Адриатическая и Ионическая инициатива (АИИ) (The Adriatic and Ionian Initiative (AII)) была создана на Саммите по вопросам развития и безопасности на Адриатическом и Ионическом морях. Сегодня АИИ насчитывает восемь членов: Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Греция, Италия, Черногория, Сербия и Словения. Органом принятия решений Инициативы является Совет министров иностранных дел стран участниц (Адриатико-Ионический совет). Повестка дня Совета формируется на периодических встречах высших должностных лиц (три раза в год). Председательство меняется каждый год по ротации. Сотрудничество постепенно приняло различные формы, включая установление партнерских отношений с участием сетей и форумов, таких как Форум торговых палат Адриатики и Ионического моря, Адриатический Ионический форум городов и населенных пунктов, UniAdriion (сеть университетов Адриатики и Ионического моря).

Создание определенных сервисных структур – экономических, культурных, образовательных и других – важная задача в развитии регионального сотрудничества. Надо надеяться, что инфраструктура региональных организаций, представляющих Кавказское измерение в ближайшие годы, несмотря на множество существующих проблем и угроз, будет развиваться. Этот процесс идет на уровне бизнес-структур, образовательных учреждений. Наиболее широко представлены кавказские организационные структуры гражданского общества. Исследование динамики этого процесса является интересной задачей, которая может быть реализована в рамках отдельного проекта, предполагающего постоянный сбор информации, обновление баз данных, создание единого интернет-портала, издание ежегодного справочника.

МЕТОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Моделирование как метод научного познания получил довольно широкое распространение, в том числе и в геополитике. Модели, являясь частью социального мира, представляют собой упрощение и структуризацию реальности. Они представляют возможность «исследовать и формировать общее понимание неизвестных перспектив и вариантов, а также улучшать знания и информационное обеспечение политики».

Однако, качество процесса моделирования зависит от той установки, которой исследователи пользуются. Редукционистские установки на искусственное упрощение (примитивизацию) картины конфликта лежат в основе причин, связанных с неразрешимостью противоречий в рассматриваемом нами геополитическом пространстве. При этом, качество моделирования зависит от того, насколько редукционистская модель стремится к холистическому совершенству. Именно этот подход может уменьшить угрозы, связанные с деформированным восприятием реальной картины конфликтов и их искусственной сводимости к более примитивным редукционистским моделям, провоцирующим со-

здание псевдоконфликтов и, соответствующих им квазимиротворческих процессов. Синкретическая мета-модель является примером холистического моделирования.

В процессе геополитического моделирования важную роль играет брендинг или нейминг формируемых конструкций. Понятие бренда пришло в политику из классического маркетинга, и представляет собой технологию, посредством которой конкретный объект (продукт/услуга/человек/территория/объединение и т.д.) – формируют имидж, выделяющий его на фоне как «конкурентов», так и среди «потребителей». Австралийский политолог Алекс Мэрланд дает следующее определение политического бренда «Политический бренд — это то, как политическая организация или политическое лицо в общем воспринимается со стороны общественности» *Marland, 2014, p. 55). Американский эксперт в области управления брендами Джеймс Грегори, отмечает, что бренд представляет собой ментальную конструкцию: «Бренды существуют в виде сознания или конкретных людей, или общества» (Gregory, 1997, p. 45 - 56.).

АЛОГИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Существует, к сожалению, неадекватное, суженное, скорее всего по политическим мотивам, понимание этого термина Южный Кавказ. Почему-то естественные территории Южного Кавказа, такие, как Западная Абхазия (российское Причерноморье от границы современной Абхазии в сторону Новороссийска) и северо-восточные территории Турции, не фиксируются как южно-кавказские. Возникает вопрос – кого это устраивает? Что произойдет если Абхазия (а точнее - ее восточная часть – территория, входящая официально в состав Грузии, но оккупированная сегодня РФ), завтра присоединят к Краснодарскому краю? Она перестанет быть территорией Южного Кавказа? То же самое касается северо-восточных территорий Турции, которые без всяких сомнений являются южнокавказскими территориями. Таким образом, южнокавказскими странами вполне можно считать и РФ, и Турцию. По мнению ряда авторов, южнокавказские территории присутствуют и в Иране, хотя эта страна считает себя соседом Кавказа. Однако, в отличие от Азербайджана, Армении и Грузии, - лишь незначительные (в процентном соотношении) части территорий РФ, Турции и (возможно) Ирана находятся на Кавказе.

Таким образом, мы можем рассмотреть Южный Кавказ в двух измерениях:

- 1) Малое измерение (традиционное) –
в которое входят три страны - Азербайджан, Армения и Грузия
- 2) Большое измерение –
в него добавляются – Россия, Турция и, по мнению некоторых авторов – Иран.

Особенно надо учитывать предлагаемые нами специфические нюансы восприятия географии Южного Кавказа после войны августа 2008 года, российско-турецких переговоров по вопросу раздела влияния на Южном Кавказе и ограничения присутствия вне региональных акторов в лице США и ЕС. Подобные действия, конечно же, будут усиливать евроатлантические устремления, что в итоге приведёт к усилению прозападных, про-южных и про-северных групп влияния и конфронтации между ними. Это может привести к появлению нового поколения их марионеточных режимов и к новым гражданским столкновениям и войнам в регионе и, в первую очередь, в Грузии.

МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ФОРМАТЫ ЮЖНО-КАВКАЗСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

(AGA) – (Азербайджан – Грузия – Армения)

Данная политико-географическая идентификация одна из ведущих для стран Южного Кавказа. Этот факт определяется тем, что между Азербайджаном, Арменией и Грузией, несмотря на огромное количество существующих проблем, существует идентификационное пространство, которое осознается как общее. Эти идентификации усиливаются и тем, что в процессе завоевания Кавказа Россией и позже, после Октябрьской революции, в первой половине двадцатого века существовали различные политические институты федеративного характера, которые были в последствии упразднены советской властью.

В составе Российской империи. В XIX веке народы Южного Кавказа оказались в составе Российской империи. Именно тогда, разделенные на губернии и округа Грузия, Армения, Азербайджан стали восприниматься как единое целое. Этому способствовали централизованное управление (генерал – губернатор, позднее наместник царя на Кавказе) в Тифлисе, наличие Кавказского штаба, общих жандармских, попечительских, образовательных структур, печатных органов. Позднее, во второй половине XIX - начале XX веков объединительную роль сыграло развитие экономики – освоение нефтяных месторождений на Каспии, строительство Закавказской железной дороги, нефтепровода Баку-Батуми.

Закавказский комиссариат. После Октябрьской революции 1917 года. Совместное сосуществование народов этого региона в едином государстве начинается с 11 (24) ноября 1917 года в новообразовании под названием Закавказский комиссариат. Народы Грузии, Армении и Азербайджана оказались не готовыми к созданию собственных национальных государств и отражению внешних угроз. Закавказский сейм. Независимость Закавказья от России была юридически оформлена 10 (23) февраля 1918 года созданием в Тифлисе нового органа государственной власти - Закавказского сейма. Он состоял из членов Учредительного собрания, распущенного решением ВЦИК, и продолжал антисоветскую политику Закавказского комиссариата. Сейм объявил себя законодательным органом Закавказья, сформировал правительство, подтвердил верность договорам, заключенным Закавказским комиссариатом с белогвардейцами Дона, Кубани, Урала, и стал формировать войска для борьбы против Советской власти. Восстания против политики сейма инициировались большевиками, в основном в западной части Грузии, в частности в Мингрелии и в Абхазии, а также в зоне Цхинвали.

Закавказская федеративная республика. 22 апреля 1918 года Закавказье было провозглашено независимой федеративной республикой, сформирован новый кабинет правительства из представителей партий меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. Однако уже в мае из-за националистических раздоров сейм прекратил существование. На территории Южного Кавказа возникли три независимых государства, хотя еще долго на их территории находились войска Англии, Франции, США, Германии и Турции. Летом 1918 года армянская и азербайджанская независимость были потеряны на несколько месяцев в результате наступления турецких войск.

Федеративный Союз Советских Социалистических Республик Закавказья. 12 марта 1922 года на полномочной конференции представителей центральных исполнительных комитетов Грузии, Армении, Азербайджана был создан федеративный союз социалистических советских республик Закавказья. Высшей властью Союза республик являлась полномочная конференция представителей, избираемых в равном числе правительствами Азербайджана, Армении и Грузии. Исполнительным органом полномочной конференции являлся Союзный совет, члены которого избирались и отзывались конференцией. В ведение Союзного совета перешли военные дела, финансы, иностранная политика, внешняя торговля, пути сообщения, связь, борьба с контрреволюцией и руководство экономической политикой.

Закавказская социалистическая федеративная советская республика (ЗСФСР). Федеративный союз республик Закавказья на первом Закавказском съезде советов, состоявшемся в Баку 10-13 декабря 1922 года, был преобразован в Закавказскую социалистическую федеративную советскую республику (ЗСФСР), при сохранении самостоятельности входящих в нее республик. На этом съезде Советов были приняты договор об образовании Союза республик Закавказья и Конституция ЗСФСР. Так был сделан шаг к дальнейшему укреплению хозяйственного и политического союза между республиками Закавказья. 30 декабря 1922 года на первом съезде Советов Союза ССР ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик. Всем республикам гарантировались равные права внутри Советского Союза, и каждой теоретически предоставлялось право свободного выхода из Союза.

Этот небольшой экскурс был необходим для того, чтобы читатели ясно представили бы себе, что регион имеет опыт интеграции, скрепленный в дальнейшем и интеграцией в общее советское экономическое пространство. Несмотря на трагичность создавшейся к концу 20 века ситуации, можно рассчитывать на то, что политическая культура при определенных обстоятельствах достигнет того уровня, который будет достаточен для ускорения процесса региональной интеграции.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМАТЫ ЮЖНОКАВКАЗСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В течение последних 20 лет, южнокавказское измерение в данном формате – «трех», являлось практически единственным, которое поддерживалось различными международными организациями и фондами. Довольно большие инвестиции выделялись на восстановление доверия и развитие отношений между Азербайджаном и Арменией. При этом ничтожно мало делалось для развития билатеральных связей между Азербайджаном и Грузией и между Арменией и Грузией. (Несмотря на то, что именно билатеральные связи являются основополагающими и от того насколько они хорошо развиты, зависит эффективность региональных форматов).

Например, Мелли Кабайеро-Энтони (Institute of Defence and Strategic Studies в Сингапуре), считает, что «обеспечение безопасности в регионе связывается, главным образом, с установлением мирных отношений между отдельными государствами, что, в конечном счете, должно привести к построению security community, основанной на том, что ни одно государство не объявит войну другому».

Возможно ли достичь в обозримом будущем этого на Южном Кавказе? Наверное, возможно, если предварительно произойдет мягкое изменение статус-кво с учетом интересов всех легальных и полуправовых сторон конфликта и, если EU, UN, OSCE будут поддерживать переход процесса урегулирования конфликтов из состояния квази-миротворческого в миротворческий.

Позитивным результатом деятельности EU на Южном Кавказе можно считать тот факт, что к региону сформировалось отношение как к политическому, что выразилось, в том, что ряд государств имеют одного посла на Южном Кавказе. Важнейшим решением было создание института специального посла EU на Кавказе. Этот новый инструмент EU был задействован с осознанием важности именно регионального подхода и значимости региона Южного Кавказа. Важным этапом также можно считать включение стран Южного Кавказа в European Neighbourhood Policy, хотя необходимо отметить, что в рамках этой политики каждая южнокавказская страна имеет свой план действий, то есть ENP представляет собой отдельный процесс взаимодействия EU с каждой из южнокавказских стран. В марте 2009 года была утверждена программа EU «Восточное партнерство», в которой, также принимают участие страны Южного Кавказа.

Тем не менее, надо признать, что «первая волна» попыток развития южно-кавказского сотрудничества в данном формате захлебнулась.

Осознание неэффективности развития сотрудничества в этом измерении поставило несколько лет назад вопрос: как будут продвигаться в европейском направлении страны Южного Кавказа - вместе или порознь? Это ускорило поиск альтернативных, возможно более эффективных измерений регионального сотрудничества для отдельных стран.

В начале тысячелетия южно-кавказские региональные инициативы все чаще стали «пробуксовывать» и, в целом, не дали той отдачи, которая ожидалась. Несмотря на то, что билатеральные отношения с EU развиваются, в том числе и в формате ENP, Восточного партнерства, южнокавказские интеграционных процессов не чувствуется. Осознание неэффективности развития сотрудничества в этом измерении поставило несколько лет назад вопрос: как будут продвигаться в европейском направлении страны Южного Кавказа - вместе или порознь? Это ускорило поиск альтернативных, возможно более эффективных измерений регионального сотрудничества для отдельных стран. Например, по мнению некоторых грузинских экспертов, Грузия не должна снижать темпы своей интеграции в европейские или евро-атлантические структуры из-за того, что Азербайджан и Армения не могут прийти к урегулированию конфликта и к взаимному пониманию. Однако, попытки автономного продвижения Грузии в западном направлении вызвали раздражение всех (без исключения) соседей и завершились в итоге оккупацией ее территорий в августе 2008 российскими войсками. «Запад», отчасти, смог помочь лишь в ограничении зоны оккупации. В итоге, мы получили довольно банальную картину - в данном южнокавказском региональном измерении, данный трехсторонний формат не панацея, существуют другие форматы, и это мы попытаемся показать ниже, хотя и потенциал рассматриваемого не полностью исчерпан.

ОБЩЕКАВКАЗСКИЕ ФОРМАТЫ

История идеи «Общекавказского дома». Ряд ученых и общественных деятелей как Северного, так и Южного Кавказа подчеркивают взаимосвязь, общность судеб и процессов, происходящих на всем Кавказе. Так, профессор Э. Хоштария-Броссе, ведущий научный сотрудник Института политологии Академии наук Грузии, пишет, что «идею единства кавказских народов, о которой еще в XI столетии писал историк Леонтий Мровели в своей книге «Картлис цховреба», грузинский народ пронес через все средневековье и до настоящего времени народы этого региона объединяет «историческая общность» судеб. Э. Хоштария-Броссе рассматривает Кавказ как «единый историко-культурный феномен». Хотя, нужно отметить, что это «единство», каждым воспринималось по-своему, и каждый отдельный проект ставил во главу угла интересы и мотивации, прежде всего, инициаторов, оставляя «за бортом» политических противников, что в итоге и определило низкий уровень легитимности и несостоятельность этих проектов.

Кавказская конфедерация. Кавказская конфедерация сыграла большую роль в сближении кавказских эмигрантов и формировании антибольшевистского фронта. 15 июня 1921 г. в Париже представителями Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии была подписана первая деклара-

ция. В ноябре 1924 г. в Стамбуле на основе конфедерации был создан «Кавказский освободительный комитет». В 1934 г. в Брюсселе был подписан пакт, в котором были сформулированы основы конфедерации. Избранный Кавказский Союз должен был возглавить национально-освободительную борьбу кавказских народов.

Горская республика. Тезис о кавказском единстве был провозглашен на I Горском съезде 1 мая 1917 г. во Владикавказе. На нем оформился Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который возглавили чеченец Т. Чермоев, кумык Р. Капланов, кабардинец П. Коцев, ингуш В. Джабагиев и др. В ноябре 1917 г. было образовано Горское правительство. Во время Батумской мирной конференции от 11 мая 1918 г. было объявлено о независимости Республики горцев Кавказа (Горская республика) и об отделении ее территории от России. В ее состав вошли: Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, Кабарда, Карачаево-Балкария, Абхазия, Адыгея. Территория республики простиралась от Черного до Каспийского морей и занимала 260 тыс. кв. км с населением почти 6,5 млн. человек.

СОВРЕМЕННЫЕ ВАРИАЦИИ ИДЕИ СОЗДАНИЯ «ОБЩЕКАВКАЗСКОГО ДОМА»

Конфедерация Народов Кавказа. Конфедерация Народов Кавказа (первоначальное название – Ассамблея Горских Народов Кавказа) была создана в 1989 году на Первом Съезде народов Кавказа в Сухуми в 1989 году. Программные задачи Ассамблеи – способствовать распространению демократических идей на всём Кавказе, чтобы на их основе в будущем создать конфедеративное государственное устройство народов, населяющих этот сложный густонаселённый регион. По предложению депутатов АГНК трансформировалась в Конфедерацию горских народов Кавказа (КГНК). Грузинский историк Нино Чиковани отмечает, что «новая организация придерживалась резко антирусской ориентации. По этой причине в нее не вошли ингуши, тюркоязычные горские народы (кумыки, балкарцы, карачаевцы), за исключением турок-месхетинцев. Отказались войти в состав КГНК и предпочли Ассоциацию тюркских народов ногайцы и азербайджанцы Дагестана. В результате ядро Конфедерации составили чеченцы и представители адыгейских народов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазинцы), а также абхазы и некоторые этнические группы из Северной Осетии и Дагестана». Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК), заявила себя в 1992г. в качестве возможной формы конфедеративного государственного объединения горских народов Кавказа. Чуть позднее, в Грозном в 1992г., была переименована в Конфедерацию народов Кавказа (КНК). Идея создания «Кавказского дома» активно поддерживалась экс-президентом Грузии Звиадом Гамсахурдиа и президентом Чечни (Ичкерии) Джохаром Дудаевым. Как отмечают эксперты именно их дружеские отношения, стали причиной серьезных разногласий между Дж. Дудаевым и руководством КГНК. Лидеры Конфедерации считали, что под влиянием находившегося в Чечне в эмиграции экс-президента Грузии Дудаев постепенно, но последовательно отказывается от идеи северокавказской конфедерации и ориентируется на идею кавказского единства, в котором ведущую роль должен был играть грузино-чеченский союз – разумеется, в случае восстановления власти Звиада Гамсахурдиа в Тбилиси.

Идея мирного Кавказа. «В середине 90-х президентами Грузии и Азербайджана Э. Шеварднадзе и Г. Алиевым была предложена идея «мирного Кавказа». В отличие от «кавказского дома», она подразумевала выявление общих интересов и создание условий мирного сосуществования путем переговоров и соглашений. В марте 1996 года, во время визита в Тбилиси президента Алиева была подписана совместная декларация «О мире, стабильности и безопасности в Кавказском регионе», известная под названием Тбилисской декларации». Документ должен был обеспечить строительство «единого кавказского дома» путем защиты прав и свобод человека, национальных меньшинств. В 1996-1997 годах при президенте Грузии существовала комиссия «Для мирного Кавказа».

Кавказский экономический форум. Весной 1999 года на Вашингтонской встрече глав правительств, посвященной 50-летию НАТО госсекретарь США Мадлен Олбрайт озвучила инициативу, получившую название «Кавказского экономического форума». Эта идея была развита экспертами Южнокавказского института региональной безопасности, поскольку экономические связи способны существенно влиять на обстановку в регионе в целом. Экономическая безопасность как одна из важнейших составляющих общей безопасности, с самого начала находилась в поле внимания экспертов Южно-Кавказского института региональной безопасности. На первой же встрече, состоявшейся в апреле 2002 года в Ликани (Боржомский район, Грузия) была отмечена важность развития экономического сотрудничества для процесса региональной интеграции. Тогда участники встречи выразили озабоченность по вопросу существования бесконтрольных территорий, т.н. «серых» и «черных» зон теневых экономических связей, наносящих серьезный ущерб как национальным экономикам, так и региональной экономике в целом. Экспертами SCIRS была разработана программа по экономическим вопросам региональной интеграции и безопасности, включавшая такие исследовательские проекты как, исследование основных экономических угроз странам региона, исследование экономических потерь, которые регион понес в постсоветский период в результате войн и общей нестабильности.

Эксперты SCIRS отметили важность создания специального документа, показывающего, насколько экономики стран Кавказа находятся **сегодня во взаимозависимости, и насколько важным является снятие барьеров, мешающих развитию региональных экономических систем. Было отмечено, что необходимо всячески использовать экономические возможности для содействия продвижению шаг за шагом в разрешении конфликтов, имеющих место в регионе.**

Для решения подобных проблем было бы полезным создание Экономического форума, который серьезно занялся бы развитием культуры взаимоотношений на региональном уровне в области экономики - как государственной, так и частной. Необходимость проведения экономического форума и важность использования польского опыта получили еще большее подтверждение, после того как Южно-Кавказский институт региональной безопасности стал с 2006 года официальным партнером Экономического форума в Крынице по организации секций, связанных с вопросами кавказской проблематики. Именно по инициативе Южно-Кавказского института региональной безопасности формат форума, который ограничивался Польшей и странами соседями был расширен посредством включения экспертов и политиков Южного Кавказа и Центральной Азии.

Форум реально мог бы способствовать созданию благоприятных условий на Кавказе для развития современных социально-экономических отношений и содействовать улучшению инвестиционного климата. Проведением форума можно было бы разрешить не только экономические задачи, но и предоставить платформу для политического сотрудничества стран Кавказа и членов ЕС. Проведение столь значимого и видного мероприятия, несомненно, могло отразиться на повышении благосостояния местного населения, способствовало бы развитию регионального экономического мышления, экономической интеграции.

Организация по безопасности и сотрудничеству на Кавказе. Политолог Теймур Атаев в статье «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе. Осуществима ли идея Т. Эрдогана?» отмечает еще две идеи создания общекавказского пространства – по принципу ОБСЕ и Кавказский политический клуб. Чеченским лидером Асланом Масхадовым и тогдашним президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе рассматривался вопрос создания структуры по принципу ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству на Кавказе. Прорабатывался и аспект единого кавказского парламента. В тот период речь шла о «Кавказском доме» – как структуры, объединяющей южнокавказский регион и несколько республик Северного Кавказа. По мнению ряда аналитиков, в случае создания конфе-

... С образованием Союза Кавказских Государств народы Кавказа смогут избежать новых трагедий, межнациональных конфликтов и войн. А руководители Армении, Грузии и Азербайджана сохранят власть и лицо своих государств, совместными усилиями ликвидируют последствия войн и межнациональных конфликтов.

дерации такого типа, Россия могла столкнуться с затруднением получения выхода к Черному морю.

Кавказский политический клуб. В 2004 г. экс-президент Болгарии Желю Желев, возглавлявший созданный в 2001г. Балканский политический клуб (неправительственная организация, объединяющая свыше 60 политических деятелей 12 стран), предложил грузинскому лидеру Михаилу Саакашвили взять на себя инициативу по созданию аналогичной структуры – Кавказский политический клуб. Но в этот раз речь шла об объединении в организации авторитетных политиков трех южнокавказских государств, в целях интеграции в европейское сообщество. Эта тема обсуждалась и позднее в 2006 году во время визита Ж. Желева в страны Южного Кавказа, в рамках которого он встречался с политиками и представителями аналитического сообщества. На встречах он обещал посредничество возглавляемого им клуба в евроинтеграции Южного Кавказа. «Кавказ», «Кавказский» – довольно популярный бренд, используемый в наименованиях многих институций, расположенных как в регионе Кавказа, так и за его пределами. Перечень некоторых из них представлен в конце публикации. Публицист Гела Васадзе, в статье «Кавказские реалии в эпоху smart power» отмечает экстравагантную идею Кавказской конфедерации с центром в Тбилиси. Он пишет «Речь ни в коем случае не должна идти о едином государстве, но политическое, экономическое и культурное единство по типу Европейского Союза, вполне могло бы обеспечить кавказцам конкурентоспособность в современном мире. Не исключено, что в перспективе к такому союзу присоединятся и Азербайджан с Арменией. Повторяю, речь идет об исторической перспективе, к которой надо готовиться уже сегодня». Совсем под другим углом видится идея Кавказского дома аналитику из Нью Йорка Агаси Есояну. Он пишет «Кавказский дом видится как нейтральное политико-экономическое объединение – Союз Государств Кавказа, наподобие Европейского Союза. В этот союз, на равных правах и условиях, наряду с Арменией и Грузией, могут (и должны!) войти также Азербайджан, Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия. Ориентиром для новообразованного Союза должна стать интеграция упомянутых государств в Евроатлантическое геополитическое пространство и сообщество. Очевидно, что новым политико-экономическим образованием одни страны будут довольны (Армения, Азербайджан, Грузия, США, страны EU и NATO), а другие – недовольны (Россия и страны ОДКБ и СНГ). Однако участников Союза Кавказских Государств это должно мало волновать: каждый отстаивает государственные, национальные и корпоративные интересы. И из всех зол, как говорится, выбирается меньшее. То есть – самый прагматический путь решения. При таком раскладе сил и средств, межнациональные проблемы, многочисленные территориальные претензии друг к другу можно отложить и вообще не возвращаться к ним. Следовательно, нет необходимости выполнять обещаний по восстановлению территориальной целостности или по признанию независимости спорных территорий. Таким образом, с образованием Союза Кавказских Государств народы Кавказа смогут избежать новых трагедий, межнациональных конфликтов и войн. А руководители Армении, Грузии и Азербайджана сохранят власть и лицо своих государств, совместными усилиями ликвидируют последствия войн и межнациональных конфликтов. И поведут свои народы к достойному образу жизни». Однако, в этом рас-

кладе не присутствуют интересы тех сотен тысяч людей-унионистов, которые были изгнаны из Абхазии и Цхинвальского региона, потеряли всё своё имущество, психологически подавлены, унижены и оскорблены. Президент Грузии Михаил Саакашвили, выступая в июле 2009 года перед студентами Ереванского госуниверситета, в частности, заявил: «Кавказские государства не должны полагаться на поддержку сверхдержав, поскольку те преследуют только свои цели. Кавказ это – единый регион, и он должен объединиться ради достижения экономической стабильности и безопасности. Это случится раньше, чем думают многие. Главной помехой на пути к достижению мира и единства на Кавказе является всеобщее мнение о том, что главной слабостью кавказцев является недостаточная законопослушность, а также тот факт, что кавказскими государствами успешно манипулируют силы извне. Однако, сегодня более не актуален подход «разделяй и властвуй», и с ним следует бороться ради того, чтобы уже в 21 веке Кавказ стал процветающим и успешным регионом».

ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ЮЖНОГО КАВКАЗА

В 2005 году в Тбилиси был подписан меморандум о создании Парламентской Ассамблеи Южного Кавказа. Предполагалось, что Ассамблея будет платформой для сотрудничества по тем вопросам, в рамках которых страны Южного Кавказа имеют единые позиции, а также для преодоления существующих в регионе проблем. Инициатива создания Парламентской Ассамблеи Южного Кавказа принадлежала британской неправительственной организации LINKS.

В чистом виде, парламентское сотрудничество не было особо успешным. Более плодотворно парламентарии Южного Кавказа сотрудничали в рамках других внешних форматов.

Еще одной попыткой наладить южнокавказское парламентское сотрудничество были инициативы немецкого Фонда Конрада Аденауэра, поддержавшего в 2012 году проведение встречи «Парламентское сотрудничество на Южном Кавказе». Во встрече принимали участие сотрудники комитетов по европейской интеграции и департаментов парламентов Грузии, Армении и Азербайджана. Проект южнокавказского парламентского сотрудничества был направлен на содействие эффективному функционированию парламентского измерения политики Восточного партнерства – Парламентской ассамблеи Евронест (ПА Евронест).

ПРОЕКТ «АССАМБЛЕИ ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА»

Ассамблея городов Южного Кавказа был создан в SCIRS с целью содействия развитию зоны мира и благосостояния на Южном Кавказе, посредством совершенствования механизмов региональной интеграции на уровне городов региона.

Основные задачи Ассамблеи городов Южного Кавказа:

- Реабилитация существующих до конфликтных связей и систем связей, в частности системы городов-побратимов;
- Поддержка развития роли муниципальных структур в жизни сообщества;
- Создание новых групп-интересов между городами;
- Содействие защите окружающей среды в регионе;
- Развитие интегрированных энергетических сетей;
- Реабилитация старых дорог и создание новых путей сообщений;
- Развитие телекоммуникационных связей;
- Развитие сотрудничества в области здравоохранения;
- Развитие культурного сотрудничества;

- Развитие сотрудничества между предпринимателями, с целью содействия развитию производства и торговли в регионе;
- Содействие решению проблем слабо защищенных слоев населения;
- Сотрудничество во всех областях, представляющих совместный интерес

Авторы проекта (Южно-Кавказский институт региональной безопасности) считают, что подобные инициативы помогут ускорить процесс мирных переговоров во всех конфликтных зонах, а также дадут возможность участвовать в процессе новым лидерам среднего уровня и использовать местные интеллектуальные, физические, природные и материально-технические ресурсы. Реализация проекта будет содействовать ломке вражеских стереотипов и созданию психологических основ добрососедства, позволит перейти на новый уровень сотрудничества. Ценность данного проекта состоит в том, что в процессе сотрудничества субъектами являются муниципалитеты, следовательно, это формула позволяющая участвовать в процессах регионального строительства – сецессионистов.

Грузинский комитет ХГА практически с момента создания уделял внимание роли муниципальной политики в миротворческих процессах. В 1999 году по инициативе ГК ХГА была проведена зимняя школа «Города XXI века». Организаторы собрали молодых людей из разных городов Южного Кавказа, чтобы обсудить вопросы современного видения, общих закономерностей развития и функционирования города как элемента целостной системы социально-пространственной организации общества. Особое внимание участники конференции уделили вопросам развития малых городов и прилегающих к ним территорий, как части политики социально-экономического развития региона, подразумевающей переход от мегаполисной системы к многополисной. На встрече была подчеркнута необходимость развития культуры побратимства, восстановления старых межмуниципальных связей между городами Южного Кавказа, разрушенных в результате конфликтов, а также развитие новых. Молодые лидеры из разных городов региона отметили важность усиления роли городов в миростроительстве.

ГК ХГА пытался содействовать развитию связей курортных городов Боржоми (Грузия) и Крыницы (Польша). Крыница представляет интерес в том плане, что интенсивное развитие города как современного курорта началось 13-14 лет назад, с того момента как здесь ежегодно стал проводиться международный Экономический форум, имеющий неофициальное название второй Давос. Боржоми также имеет огромный потенциал стать центром бизнес-туризма. ГК ХГА выступил с инициативой проведения зимнего международного Экономического Форума в Боржоми.

При поддержке голландской миротворческой организации Межцерковный Совет Мира (IKV) в 2005 году состоялась конференция «Страны соседи: перспективы развития межмуниципального сотрудничества». Цель конференции заключалась в содействии созданию благоприятных условий для эффективного развития различных форм межмуниципального сотрудничества. На встрече были обозначены следующие инициативы сотрудничества приграничных городов: Белаканы-Лагодехи, Казах-Сагареджо, Дманиси-Ташир. Одним из стратегических направлений является развитие связей между курортными городами, содействие их интеграции в международные программы сотрудничества курортных городов, европейские институции.

В декабре 2014 года состоялась экспертная встреча «Проблемы урегулирования украинского кризиса». По итогам встречи, в которой принимали участие эксперты из Грузии, Украины, России и Турции был очерчен ряд инициатив по двустороннему и многостороннему международному сотрудничеству муниципалитетов:

- Развитие межмуниципальных связей Запорожья, Львова, Харькова с муниципалитетами Грузии;

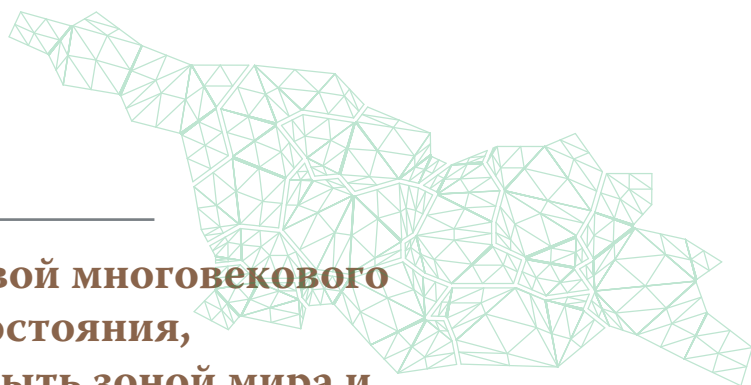
- Проведение встречи мэров городов-побратимов Стамбула, Санкт-Петербурга и Тбилиси
- Были также обсуждены перспективы сотрудничества с Львовским институтом государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, в частности, организация специальных курсов для переподготовки и повышения квалификации сотрудников местных органов самоуправления

В ходе международной встречи экспертов по развитию грузино-турецких отношений в 2015, среди других инициатив, участниками было предложено развитие межрегионального сотрудничества и, в частности, турецкой Кападокии и грузинский Кахети, и была высказана идея сделать городами-побратимами региональные центры этих регионов Нефшехира и Телави.

По итогам обсуждений в ходе конференции Новые угрозы безопасности в черноморском-каспийском регионе, которая прошла в декабре 2015, очередной раз была роль муниципалитетов в миротворческой политике. Среди идей были обозначены следующие – проведение Международной конференции городов побратимов Поти-Луганск и Кутаиси-Донецк (с участием обеих частей разделенного общества Луганска и Донецка).

В июне 2017 года была проведена Международная школа муниципальной политики, в рамках которой состоялся визит делегации из Украины, в которую входили мэры, руководство и представители **Ассоциации объединенных территориальных общин 7 муниципалитетов**. Программа визита помогла коллегам из Украины изучить опыт урегулирования конфликтов на локальном уровне у линии разграничения в Цхинвальском регионе Грузии, познакомиться с грузинским опытом обеспечения прав и свобод вынужденно-перемещенных лиц, получить практический опыт роли муниципальной дипломатии в миротворческих процессах.

Экспертами Центра также продвигается идея «Тбилисской инициатива мира». Грузия (и Тбилиси, в частности) является идеальным местом для создания зоны геополитического сосуществования. Грузия, являющаяся жертвой многовекового геополитического противостояния, заслужила иную участь – быть зоной мира и взаимопонимания, а не страной, напичканной иностранными военными базами. Реализация данной инициативы может принести больше пользы каждому из участников процесса противостояния. Необходимость прецедента назрела. Международное сообщество истощено войнами и массовым кровопролитием. Грузинский эксперимент может создать основу для выхода на новый уровень создания новой международной системы безопасности. И для этого необходимо широкое сотрудничество между профессиональными экспертами и научными сообществами.

Грузия, являющаяся жертвой многовекового геополитического противостояния, заслужила иную участь – быть зоной мира и взаимопонимания, а не страной, напичканной иностранными военными базами.

БОЛЬШОЕ ЮЖНОКАВКАЗСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ниже представлены иные форматы регионального сотрудничества, не менее важные с политической или с экономической точек зрения, чем традиционный формат AGA. И эти форматы также являются южнокавказскими. И одним из важных результатов данного исследования SCIRS является диверсификация понимания термина «южнокавказское сотрудничество». Инновационным является и то, что в процессе расширения понимания термина «Южный Кавказ», мы получаем совершенно новый политико-географический ресурс, адекватный современным геополитическим и геоэкономическим реалиям, который выходит далеко за рамки примитивного одномерного трёхстороннего сотрудничества...

ФОРМАТЫ С УЧАСТИЕМ 3-х АКТОРОВ

(GIA1) – Грузия – Иран – Армения. В сентябре 2006 г. состоялась встреча представителей правительств Ирана, Армении и Грузии по вопросам сотрудничества в области энергетических проектов и, в частности, электрообеспечения. Существует и перспектива создания новой линии транзитного газопровода по этой траектории, что, по мнению некоторых экспертов, укрепило бы ирано-армяно-грузинские отношения. Интересно, что в случае успеха, этот треугольник может также развиваться в черноморском направлении, так как большой интерес к нему проявляет украинская сторона. Так, 25 июня 2005 «Нафтогаз Украины» официально заявил о намерении принять участие в строительстве транзитного газопровода из Ирана в Западную Европу. Украинская сторона предложила на рассмотрение Ирана два варианта маршрута газопровода: Иран — Армения — Грузия — Россия — Украина — Европа и Иран — Армения — Грузия — Чёрное море — Украина — Европа. Российская сторона полагает, что данный проект невозможно реализовать без согласия российского «Газпрома». Поскольку первый вариант маршрута предполагается проложить через территорию России, второй проходит по дну Чёрного моря, а строительство нового газопровода, пересекающего «Голубой поток», невозможно без разрешения России (весьма сомнительно, с точки зрения международного морского права и носит очевидный дискриминационный характер). Украинская сторона, однако, предлагала проложить 550-км трубопровод по дну Чёрного моря от грузинского порта Супса до Феодосии. Пропускная способность нового трубопровода составила бы 60 млрд. кубометров, из которых Украина готова покупать у Ирана 15 млрд. кубометров в год. Это важно для Армении, которая выпала из региональных проектов, что создает в регионе дополнительные напряжения разного рода.

(GIA 2) – Грузия – Иран – Азербайджан. Рассматривается также возможное усиление сотрудничества между Азербайджаном, Ираном и Грузией в области энергетических проектов. Еще в 2004 году в ходе визитов в Тегеран представителями министерства энергетики была достигнута принципиальная договоренность о поставках иранского газа в Грузию транзитом через Азербайджан. Особенно возрос потенциал этого сотрудничества после диверсии на трубопроводе Северного Кавказа, в результате чего российский газ перестал поступать в Грузию, а затем и резкого подорожания газа, продаваемого Россией Грузии в 2006 году. Тогда у Ирана был закуплен газ, хотя цена сделки так и осталась неизвестной. Кроме того, планы по долгосрочному сотрудничеству Грузии и Ирана, вызывают «не одобрение» со стороны США, о чем прямо заявил бывший посол США в Грузии Джон Тефт. Он подчеркнул, что долгосрочное и стратегическое партнерство между Грузией и Ираном по вопросам энергоснабжения неприемлемы для Соединенных Штатов. Хотя Вашингтон с пониманием отнесся к краткосрочным связям Грузии с Ираном в январе 2006, когда Грузия была вынуждена импортировать газ из Ирана в чрезвычайных обстоятельствах после того, как импорт природного газа из России в Грузию был прекращен в результате взрывов на двух трубопроводах на территории в Северной Осетии. Тройка стран Грузия–Иран–Азербайджан также рассматривает возможности

реализации проекта кольцевой энергетической линии, реализация которого позволит объединить энергосети Азербайджана, Грузии, Ирана и Турции. Известный азербайджанский эксперт Расим Мусабеков скептически подходит к возможности развития энергетического сотрудничества в данном трехстороннем формате, так как, во-первых, сами трубы находятся в плачевном состоянии, что не позволяет увеличивать объема. Во-вторых, скоро выйдет на нужную мощность проект Шах-Дениз, и всё что касается снабжения Грузии газом, может быть решено в рамках этого трансрегионального проекта. В-третьих, Иран предлагает газ по довольно высоким ценам, а цены, по которым газ был предусмотрен азербайджанским контрактом, для Грузии раза в 2-3 выгоднее. Однако интерес к развитию этого направления сотрудничества также проявляет Украина. Это южно-кавказское измерение, по мнению украинских экспертов, тоже имеет перспективу развития в черноморском направлении.

(AGT) – Азербайджан – Грузия – Турция. Азербайджано-грузино-турецкое сотрудничество является действующим и представлено, в частности, важнейшими для региона энергетическим проектом БТД (Баку-Тбилиси-Джейхан), а также газопроводом Эрзерум-Тбилиси-Шах Дениз. Азербайджанская и грузинская энергосистемы по подаче электричества работают во взаимодополняемом режиме. Также развивается сотрудничество между Грузией и Турцией. И это – очень выгодное с экономической точки зрения сотрудничество, требующее затрат на создание новой инфраструктуры. Региональное сотрудничество этих стран имеет перспективы в формате транспортного сотрудничества, которое актуализируется строительством ж/д Карс-Ахалкалаки-Тбилиси-Баку, связывающей Центральную Азию с Балканами, что является очень перспективным проектом. Строительство железнодорожной ветки Карс-Ахалкалаки уже началось, хотя с экономической точки зрения некоторых известных грузинских экспертов, например, Георгия Хухашвили, этот проект оценивается негативно. По его мнению, «Грузия будет лишь нести потери от этого маршрута и некоторые, действующие транзитные коммуникации останутся не востребованными». Важным так же является политический и военный аспект этого проекта. Во-первых, Армения остается еще раз обделенной в региональной политике, что может увеличить напряженность в грузино-армянских отношениях. Этот проект может повлиять также на изменение военного баланса сил в регионе, создавая наземную прямую связь между Азербайджаном и Турцией. Важным фрагментом данного вопроса становится также вопрос охраны этой железнодорожной линии (в частности, её участка на территории Грузии). В январе 2007 года было создано ООО «Железная дорога Марабда-Карцахи (до границы Турции). Соглашение по строительству данной железной дороги было подписано в феврале 2008 года в Тбилиси при участии президентов Азербайджана и Грузии Ильхама Алиева и Михаила Саакашвили и премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. Старт строительству дороги был дан в ноябре того же года, а сдача в эксплуатацию запланирована к середине 2011 год. Вместе с тем строительство ведется с перебоями. Из-за технических проблем, общей политической ситуации то и дело нарушается график строительства дорог. Хотя перспектива удлинения этого железнодорожного сообщения до Центральной Азии, это не только региональная, но и трансрегиональная, континентальная инициатива, которая при правильном управлении может сыграть большую роль в вопросах глобальной транспортной и энергетической безопасности. В рамках TRACECA (the Transport Corridor Europe – Caucasus) имеется целый ряд транспортных инициатив, представляющих пример регионального сотрудничества. В настоящее время на стадии проработки находится проект прокладки линии передачи электроэнергии Азербайджан-Грузия-Турция.

Есть перспективы развития совместных туристических программ. Учитывая и то, что Турция с точки зрения туризма очень развитое государство, то подключение Грузии и Азербайджана к таким проектам может быстрее продвинуть эти страны на мировой туристический рынок.

(GTA) – Грузия – Турция – Армения. Примеров регионального сотрудничества в данном формате на официальном уровне практически нет в силу напряженных отношений между Турцией и Арме-

нией. На гражданском уровне можно отметить следующие инициативы. В 2008 году Центр Городских Исследований (Гюмри) начала реализацию трехлетней культурной региональной программы в Восточной Анатолии, Западной Грузии, Северной Армении. Цель программы – познание, изучение и описание культурных явлений/моделей в регионе, проникновение в глубины культурной жизни маленьких провинциальных городов и деревень региона: чем живут люди, каково их восприятие культуры, каковы их культурные потребности и т.д. Другая инициатива, на этот раз из сферы искусства, была реализована культурной общественной организацией «Театр перемен» при поддержке Института открытого общества - Фонда содействия и Британского совета. В сентябре 2009 года прошел Фестиваль интерактивного искусства, в котором приняли участие профессиональные актеры интерактивного форума-театра из Армении, Турции и Грузии. На фестивале были представлены четыре форума-представления, посвященные вопросам защиты прав женщин, толерантности, плюрализма и мирного решения конфликтов.

Считаем важным отметить, что в марте 2009 года SCIRS выступил с идеей создания Южнокавказского центра регионального туризма. Были проведены несколько рабочих встреч (в том числе и международных), в рамках которых была презентована идея создания Центра. Консультации по созданию центра продолжаются. В них участвуют такие структуры как туристические агентства Caucasus Travel, American Express, Телерадио кампания «Мир», журнал «Туризм и отдых», Kafkas University (Kars), Южно-кавказская ассоциация хостелей и др. Рабочие встречи и консультации содействовали созданию новых институций в сфере туризма. Участники регионального семинара по развитию туризма (13-14 декабря 2009) прошедшего в турецком Измире обсуждали и возможности создания региональных туров: «В настоящее время с учетом роста популярности культурного туризма перспективным региональным маршрутом выглядит посещение исторических памятников на территории Восточной Турции с продолжением тура в Армении. Так как граница между нашими государствами пока закрыта, маршрут может следовать через Грузию, которая также станет одним из направлений поездки», - отмечают туроператоры. В Карсе в октябре 2009 года было инициировано создание «Центра туризма и развития». Региональный семинар в Измире фактически подтвердил важность ускорения сотрудничества в сфере туризма, как важного инструмента поддержки процесса региональной интеграции.

(RGT) – РФ – Грузия – Турция. Серьезный успех может иметь также формат сотрудничества между РФ, Грузией и Турцией. При усилении этого формата со стороны ЕС и США были, в частности, достигнуты позитивные результаты во время урегулирования Аджарского кризиса в мае 2004 года. Он может быть вполне полезным и для урегулирования Абхазского конфликта. В реализации этого проекта имеют серьезные интересы турецкие бизнесмены, желающие развить свое присутствие в зоне северного Причерноморья. Развитие этого проекта, с учетом урегулирования Абхазского конфликта, позволит развить транспортные коммуникации по суше, а не ограничиваться лишь транспортировкой товаров и пассажиров по морю. От этого направления зависит также перспектива урегулирования конфликта в Цхинвальском регионе, так как это - ближайшая сухопутная дорога, связывающая РФ с Турцией и с Арменией. Данное измерение усилило бы экономический потенциал на всей дуге грузинского Причерноморья, создав дополнительные связи между Аджарией, Гурией, Самегрело и Абхазией, содействуя тем самым развитию горизонтальных связей между регионами Грузии. Этот формат интересен и тем, что он одновременно является и южнокавказским и Кавказским и Черноморским субрегиональным форматом, что говорит и подчеркивает его значимость. Турция стремится стать менее зависимым игроком и пытается проводить политику, адекватную современным угрозам по отношению к ней самой. Турция имеет определенный потенциал в переговорном процессе по урегулированию грузино-российских отношений, что как уже отмечалось выше было наглядно продемонстрировано во время войны Августа 2008 года, когда дипломатическое вмешательство Турции на высшем уровне фактически остановило продвижение российских войск вглубь Грузии.

Турция является основным проводником политики диверсификации маршрутов энергоносителей, ограничивающих влияние Ирана и РФ на монополию транзита. По мнению некоторых экспертов и общественных деятелей, именно турецкая политическая стратегия представляет основную и непосредственную угрозу для стран в треугольнике Иран-Россия-Армения (IRA) на региональном уровне. Также Турция является одним из основных конкурентов в странах Центральной Азии и идеологом проекта Восточного Турана, предполагающего в стратегическом будущем интеграцию стран с тюркским населением. Таким образом, развитие регионального сотрудничества формата IRA идет вразрез со стратегическими интересами Турции, поскольку ограничивает свободу действий на восточном направлении плана "Туран".

(GIR)- Грузия – Иран – Россия. «22 октября 2006 года министр иностранных дел Исламской Республики Иран г-н Манучер Мотаки заявил, что готов оказать помощь России и Грузии в разрядке напряженности», — сообщает информационное агентство «Ирна». «Если обе стороны сочтут это необходимым, Тегеран выступит в роли посредника и поможет им в урегулировании существующих проблем с целью дальнейшего укрепления региональных связей». – заявил Манучер Мотаки после встречи в Тегеране с министром иностранных дел Грузии Гелой Бежуашвили. До этого Россия отвергала готовность западных стран играть роль посредника. Это заявление лишней раз доказывает стремление Ирана усилить свое влияние на Южном Кавказе и получить признание в качестве регионального игрока. Именно поэтому иранские дипломаты внимательно следят за происходящими событиями на Южном Кавказе и стараются использовать все конфликты в своих целях. Иран легко и успешно решает свои политические и экономические задачи. На данном этапе Иран можно рассматривать как серьезного конкурента европейских и американских партнеров Грузии.

(GRA) – Грузия – Россия – Азербайджан. Это очень интересный треугольник, который может внести большой вклад в разрядку существующей напряженности, особенно в отношениях России и Грузии. Для выхода из сегодняшней напряженной ситуации необходимо, чтобы она была инициирована Азербайджаном.

На основе рассматриваемого формата могут обсуждаться следующие вопросы:

- Безопасность северокавказской границы - азербайджано-российской и грузино-российской;
- Сотрудничество в сфере охраны окружающей среды. Охрана кавказской заповедной территории, протянувшейся вдоль границы трех стран. WWF может принять активное участие в этом формате, так как имеет опыт работы на трансграничной территории трех стран.
- Проблема миграции;
- Проблема чеченского конфликта, а именно проблема чеченских беженцев и проблема Панкисского района;
- Распространение ваххабизма и других радикальных религиозных течений.

Особенно интересен этот треугольник в контексте экологии. В SCIRS разработан проект **«Зеленый треугольник»: программа развития трансграничного сотрудничества Азербайджана, Грузии и России.**

“Зеленый треугольник” - уникальный по своим природно-климатическим условиям регион с красивейшими заповедными местами находится в приграничной зоне на пересечении грузино-российско-азербайджанской границы, и включает Лагодехский район (северо-восток Грузии), Белаканский и Закатальский район (северо-запад Азербайджана), Южные районы Дагестана (юг Российской Федерации). В начале XX века выдающимся польским натуралистом Людвигом Млокосевичем был разбит

полковой парк, на основе которого позже был создан заповедник. Таким образом, эта заповедная зона была своего рода трансграничным «проектом» на Кавказе. С процессом создания независимых государств после разрушения Советского Союза, единый по своим природным характеристикам заповедный регион, оказался на территории трех государств. Со всей уникальностью эти приграничные регионы характеризуются множеством проблем, в основе которых лежат социально-экономические и политические процессы, а также природные явления:

- незаконная рубка леса;
- подверженность территорий затоплению;
- предрасположенность региона к возникновению и распространению малярии;
- незавершенность процесса делимитации и демаркации государственных границ;
- незанятость населения;
- низкий уровень развития институтов гражданского общества;
- проблемы этнических меньшинств;
- криминогенная ситуация (имели место случаи взятия в заложники, инциденты на границах и т.д.)

Регион является перспективным с точки зрения развития приграничного сотрудничества, особенно в сфере экологии и экотуризма. Все три страны присоединились к Мадридской конвенции 1980 года о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, являющейся основным документом для развития трансграничного сотрудничества. Необходимо также отметить, что Лагодехский район, являющийся частью Кахетинского региона, имеет связи с Подкарпатским воеводством, приграничные гмины которого участвуют в еврорегионе Карпаты. В данном еврорегионе активное участие принимают административные единицы Украины – Закарпатская область. Культура создания еврорегионов с участием административных единиц Кавказа всего лишь несколько лет начала внедряться в регионе. В настоящее время функционируют два еврорегиона – еврорегион Черное море, и еврорегион Кавказ и необходимо развивать сотрудничество в данном направлении в новых перспективных направлениях.

(АТА) Азербайджан -Турция- Армения

В армянском политическом спектре были и есть политики, выступающие за усиление сотрудничества с Турцией, и через Турцию урегулирование армяно-азербайджанских вопросов.

В рамках данного формата приоритетное значение имеют вопросы, связанные с непосредственными транспортными коммуникациями Азербайджана и Турции через Армению.

Частью этого формата являются и двусторонние попытки наладить турецко-армянские отношения. К таким попыткам можно отнести так называемую футбольную дипломатию, когда президент Турции Абдулла Гюль принял приглашение армянского президента Сержа Саргсяна посетить Армению, для совместного просмотра матча на кубок мира между футбольными сборными Армении и Турции в 2008 году. В результате последовавших переговоров при посредничестве Швейцарии, была разработана и подписана Дорожная карта конкретных мероприятий по нормализации отношений, а также Протоколы «о развитии двусторонних отношений» и «об установлении дипломатических отношений». Затем процесс завис на этапе ратификации протоколов. Одной из фундаментальных проблем в нормализации турецко-армянских отношений является вопрос изгнания с исторических территорий армян в Турции. Несмотря на это, заинтересованность, как минимум в решении прагматических вопросов есть и в Турции, и в Армении.

После карабахской войны 2020, вопрос налаживания коммуникаций вновь стал актуальным. В конце декабря 2021 года Армения сняла запрет на турецкие товары. На переговорах в Москве, состоявшихся в январе 2022 года специальные представители Армении и Турции, договорились продолжить переговоры без предварительных условий с целью полной нормализации отношений. Со 2-го февраля, 2022 года возобновились полеты между двумя странами. Налаживание диалога, становится особенно актуальным в контексте так называемого Зангезурского коридора, связывающего Турцию с Азербайджаном.

(ART 1) Азербайджан – Россия – Турция

В результате прихода к власти в Армении прозападных сил и организация ими ряда антироссийских выступлений. Данная политика создала в России волну антиармянских настроений.

В ходе уже упоминавшейся карабахской войны 2020, Россия не была союзником Армении. Она фактически предпочла статус главного медиатора, не допустив к процессу Западные страны.

Данный формат находит практическую реализацию через билатеральные российско-азербайджанские и российско-турецкие отношения. Россия очень осторожно работает с Азербайджаном исходя из того, что не хочет терять влияние в этой стране. В тоже время работает с Турцией, поскольку является тактическим союзником в таких вопросах как, политика на Кавказе и Ближнем Востоке, что находит выражение, например, в борьбе с нерегиональными акторами и в ближневосточных конфликтах.

(ART 2) Армения – Россия – Турция

Множество проблем и конфликтов, существующих в Кавказском регионе, является следствием глобальных противоречий между Российской и Османской империями, имевших место на протяжении веков и особенно в XIX и XX веках. Армянская проблематика – наглядный пример этого.

Трагические последствия массового выселения и уничтожение армян в Турции, сформировали негативную историческую память, и определили тенденцию перетекания армяно-турецкого конфликта в армяно-тюркский конфликт, что отразилось, в последствии, на армяно-азербайджанских отношениях.

Проект Армения-Россия-Турция рассмотреть, как основополагающий для разрешения существующих противоречий, тогда как его латентное существование и недостаточное признание, мешает пониманию того, что происходит в сегодняшних реалиях.

ФОРМАТЫ С УЧАСТИЕМ 4-Х АКТОРОВ

Кисловодский формат (1+3). В этом формате ельцинских времен, была представлена кавказская парламентская четверка: Россия – Грузия – Армения – Азербайджан. Несколько заседаний, которые были проведены за эти годы, не принесли значимых результатов. Россия пыталась и в этом формате играть откровенно доминирующую роль, что вызывало в южнокавказских партнерах раздражение. Тем не менее это – один из тех реалистических форматов, которые представляли две основные конфликтные пары на Кавказе – Азербайджан с Арменией и Грузию с РФ. Потенциал этого формата не в достаточной степени использован и при некоторой его коррекции и ориентации на конструктивность, может быть весьма полезен для решения существующих в регионе проблем. Существует реальная перспектива поддержки этого формата и со стороны EU. Участие EU в качестве фасилитатора и контрибьютера в этом процессе могло бы вдохнуть в кисловодскую инициативу новую жизнь.

Формат «2+2» - “GR+AA”

В 2021 году в Лаборатории Геополитического Моделирования разработана альтернатива «Кисловодскому формату» - формат «2+2», который концентрирует внимание на урегулирование двух этих конфликтов.

(ARTA) – (Армения, Россия, Турция и Азербайджан).

Этот формат очень интересен тем, что он вполне легитимен по отношению к стратегическому геополитическому конфликту между Россией и Турцией, а также между Арменией и Азербайджаном. Этот формат является фундаментальным для решения того же Карабахского конфликта, так как армяне, вытесненные с территорий современной Турции, имея исторические претензии к ней, попытались решить свои проблемы, атаковав во время первой Карабахской войны территории Азербайджана.

IGRA - Иран- Грузия – Россия – Азербайджан. Этот формат также может быть реализован в определенном политическом формате в Грузии и Азербайджане, учитывая усиление влияния России и Ирана. Это конкурентный по отношению к НАТО проект, который может быть реализован как в политическом, так и в экономическом плане. В рамках этого формата Грузия интегрируется с тремя странами Каспийского моря. По мнению некоторых европейских экспертов, не исключено, что в ближайшее время Грузия начнет двигаться в сторону своих партнеров на Каспии. Их влияние в Грузии со временем растет. Фактически это проект, в котором Грузия представляет или продвигает интересы 3 стран Каспия в Черноморском и в Европейском пространстве. Для Грузии он весьма интересен, так как это позволит ей рассматривать себя активным игроком в Каспийской политике, не имея при этом выхода на море. Это вполне логично, так как Армения и Азербайджан считаются Черноморскими государствами.

Данный формат реализуется в рамках энергетического сотрудничества четырех стран. В декабре 2015 г. был подписан 4-х сторонний меморандум, предусматривающий «повышение уровня управления взаимоперетоками электроэнергии, безопасности и надежности энергосистем. В рамках меморандума запланирован ряд мероприятий, нацеленных на создание электроэнергетического коридора Север-Юг». Суть проекта заключается в ожидаемом повышении энергетических мощностей Армении, Грузии, Южного федерального округа РФ с параллельным ростом спроса на электроэнергию в Иране. По информации СМИ данный проект представляет собой «восстановление аналогичного советско-иранского проекта начала 1970-х в связи с растущим спросом в Иране на электроэнергию».

Данный проект имеет также идеологическое значение, так как в нем не присутствуют две тюркоязычные страны региона.

(AGAT) – Азербайджан – Грузия – Армения – Турция. Исходя из выше сказанного, в SCIRS, сформировалось мнение о необходимости создания новых подходов к политико-географическому пониманию южнокавказского региона. Турция, граничащая с Грузией и Арменией, является единственным государством в регионе, имеющим официальный статус кандидата на вступление в Европейский Союз. Это позволяет уже сегодня провести ряд мер, по стандартизации и гармонизации реформ и единому сближению четырех стран с Копенгагенскими стандартами (чего не происходит). Интересен также позитивный и негативный опыт Турции в процессе интеграции в EU. Таким образом, декларированное стремление четырех стран к европейской интеграции, способствовало бы формированию нового южнокавказского регионального формата – AGAT (Азербайджан, Грузия, Армения, Турция).

Эксперт GFSIS Владимир Папова, отмечает, что «толкование южных границ Кавказа, основывалось,

как правило, на том, где проходили в Кавказском регионе южные государственные рубежи Российской империи. Изменение южных границ Кавказа проявилось в конце XIX века на примере Карса. В частности, он стал считаться составной частью Кавказа только после того, как был отвоёван Российской империей у Османской империи; потеря же Россией Карса, Ардагана и Баязета обусловило то, что эти регионы как бы перестали быть кавказскими, ибо российские политические и исторические документы их в качестве таковых уже не упоминали.

Вместе с тем, исследования SCIRS показывают, что эти области, провозгласив независимость, в ноябре 1918 года создали государство – «Юго-Западную Кавказскую (Карскую) Демократическую Республику», в названии которой четко выражается её причастность к Кавказу». В формате AGAT ряд общественных организаций уже проводят активную работу. В особенности активны экологические группы. Ими были проведены серьезные работы с участием ведущих экспертов четырех стран по изучению проблем и выработке совместной политики в области защиты окружающей среды в бассейне рек Кура-Аракс (этот регион географически совпадает с регионом AGAT). Важным фактором является то, что обозначенные выше проекты поддерживались именно из европейских и евроатлантических инвестиционных ресурсов. Присутствие в формате Турции, увеличивает вероятность активизации азербайджанских и армянских партнеров. Основой формата AGAT инициаторы считают именно тот факт, что эти четыре страны открыто заявили о своем желании быть членами EU (в отличие от Ирана и РФ). Это дает основание предположить, что EU обратит внимание на возможность активной поддержки этого четырехстороннего формата. Вместе с тем, возможности его расширения существуют.

Этот формат активен, хотя официально не зарегистрирован. Один из самых успешных его проектов – «Региональный экологический центр – Кавказ», реализующий проекты и программы в сфере экологии, основным донором которого является ЕС. По сути, это единственный проект среди малых региональных проектов, поддержанный покойным президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым. Он выразил готовность Азербайджана сделать исключение и участвовать в международной экологической программе, несмотря на участие в ней Армении.

ФОРМАТЫ С УЧАСТИЕМ 5-ТИ АКТОРОВ

(AGAT +) – Азербайджан – Грузия – Армения – Турция – РФ («Демократическая пятёрка»).

Перспективным является развитие южнокавказского регионального сотрудничества в формате AGAT+, что подразумевает участие южных причерноморских регионов России, находящихся ниже Кавказского хребта – Российское Причерноморье. Это – самая западная часть Большого Южного Кавказа и перспективы ее участия в региональной политике, весьма заманчивы. Это может содействовать урегулированию абхазского конфликта. Тем более, что руководители административных единиц этой российской территории не раз оказывали «влияние» на ситуацию в приграничной им Абхазии, большую часть которой контролируют сепаратистские власти. Примечание. В 1999 году экс-президент Азербайджана Гейдар Алиев на Стамбульском саммите ОБСЕ выдвинул идею подготовки «Пакта безопасности и сотрудничества на Южном Кавказе». По мнению покойного президента, его могли бы подписать Грузия, Армения, Азербайджан, Турция, а также Россия, США и EU. К сожалению, эти инициативы пока остались нереализованными.

(ARTAG) - «Кавказского альянс» -Армения – Россия – Турция – Азербайджан – Грузия. Это проект с той же комбинацией стран, как и в формате (AGAT +). Он ставит своей целью сведение к минимуму участия вне региональных игроков в политике на Кавказе и в Черноморско-Каспийском бассейне в целом. Особенно четко, проявились стремления к налаживанию сотрудничества в рамках данного формата во время и после войны Августа 2008 года. Он также известен как – «3+2». Собственно, одной из причин войны было ускорение процесса евроатлантической интеграции, прежде всего Грузии, и как следствие, укрепление позиций на Южном Кавказе таких вне региональных игроков

В последние годы США, НАТО и ЕС реализовали со странами ЮК серьезные проекты в военной, военно-технической, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах. Поэтому попытка раздела влияния на ЮК лишь между Россией и Турцией будет труднореализуемой задачей».

как НАТО, USA. По мнению экспертов SCIRS, августовская война началась не на территории Грузии, а в Турции, когда одна из групп курдских сепаратистов взяла ответственность за взрыв трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Это произошло ночью 5 августа. Таким образом, основным предметом данного глобального конфликта при этом явились территории Грузии и Турции, используемые как международные энергетические транзитные артерии. Турция фактически втягивалась при определенном развитии событий в международный вооруженный конфликт. Война затрагивала и экономические интересы Турции, ведь в результате военных действий были приостановлены практически все экономические и транспортные проекты, объединяющие Азербайджан, Грузию и Турцию. Обеспечение стабильности транзитных доходов для Турции, а также прямого выхода к месторождениям каспийских углеродов невозможно без «доброй воли» России.

Это и определило оперативный визит Эрдогана в Москву. Еще 11 августа 2008 года турецкий премьер Реджеп Эрдоган заявил о возможности создания некоего союза типа **«Кавказского альянса»**. Спустя два дня эта идея была озвучена во время визита в Москву и через некоторое время получила «официальное» название «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», включавшей Армению, Грузию, Азербайджан, Россию и Турцию. Фактически был на практике реализован план формат ARTAG (в комбинации «3+2»). А параллельно с этим, Турция была втянута в еще один инцидент, непосредственно связанный с Августовской войной 2008. Еще в дни войны разгорелся скандал, когда Турция в течение нескольких дней не пропускала корабли НАТО в акваторию Черного моря. Формально ссылаясь на международное право, а именно на Конвенцию Монте 1936 года, устанавливающую принципы прохода судов через черноморские проливы и согласно которой именно Турция имеет право регулировать этот процесс. Хотя в итоге корабли были пропущены, когда всё в Грузии уже было закончено. Данными действиями Турция еще раз подчеркнула, что имеет в своем арсенале рычаги влияния на ситуацию в регионе несмотря на то, что не способна защитить на своей территории безопасность трубопроводов международного значения. Это не первый случай, когда Анкара предпринимает шаги, идущие в разрез с интересами союзников. И это ставит под серьезное сомнение уровень долгосрочности этих отношений. Вместе с тем, если бы не взвешенная политика турецкого руководства и адекватные тактические действия, ситуация могла выйти из-под контроля. Идея создания Платформы была встречена достаточно сдержанно, принимая во внимание то, что две пары государств Южного Кавказа находятся между собой в состоянии войны. Сдержанность многих экспертов в оценке инициативы Эрдогана объясняется тем, что она предполагает ограничение действий вне региональных игроков, к которым относятся европейские и евро-атлантические международные структуры. В частности, Президент Грузии М. Саакашвили так оценил данную инициативу: «Предложенная Анкарой Кавказская платформа безопасности пока еще четко не сформулирована, но мы всегда приветствуем многосторонние механизмы. Эта идея сыровата и консультации по ней пока еще находятся на начальном этапе». Он также подчеркнул, что не считает необходимым создавать такие механизмы, которые исключают Евросоюз и других больших игроков в регионе. По

мнению Степана Григоряна, председателя правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству «любая инициатива, направленная на сотрудничество и создание стабильности на ЮК, не может считаться реалистичной, если в ней не будут участвовать США, НАТО и EU. В последние годы США, НАТО и EU реализовали со странами ЮК серьезные проекты в военной, военно-технической, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах. Поэтому попытка раздела влияния на ЮК лишь между Россией и Турцией будет труднореализуемой задачей». Действительно на самом деле этот формат не пятисторонний, а двусторонний – российско-турецкий и роль остальных южнокавказских стран лишь промежуточная. Это не может не ущемлять национальное и региональное достоинство граждан этих (пока ещё в достаточной степени независимых) государств.

Фактически, этот формат должен читаться в реальности как «2+3», а не как «3+2». А для Грузии его можно вообще прочесть как формат «2+2+1», так как именно ее интересы менее других представлены и защищены. С другой стороны, как это не странно, именно благодаря этому формату, Грузия могла бы вступить в ЕС. В этом случае она представляла бы интересы ЕС в данном региональном измерении. Вступление в НАТО более проблематично не только потому, что это блокирует Россия, а потому, что Турция не допустит потери монополии.

(IGRA-A) – Иран – Грузия – Россия – Азербайджан – Армения. Это - расширенный формат (IGRA), привлекающий Грузию и Армению (поскольку Азербайджан и Грузия участвуют в черноморском формате) в бассейн Каспийского моря, что можно рассматривать как развитие Малого Южного Кавказа не только как Черноморского. прибрежный регион, но и как регион Каспийского моря. Безусловно, блокировка Турции от участия в этом формате можно рассматривать как вызов не только для этой страны, имеющей традиционные претензии на Каспий, но и для интеграции в евроатлантический альянс.

ШЕСТИАКТОРНЫЕ ФОРМАТЫ

(GITARA) – Грузия–Иран–Турция–Азербайджан–РФ–Армения. Энергетические интересы и вопросы глобальной безопасности создают основу для обсуждения еще одного, результирующего южнокавказского формата (GITARA), с участием Ирана. Хотя и споры между экспертами по вопросу является ли Иран также южнокавказской страной или он просто граничит с ЮК, продолжаются, обсуждение этой темы и учет в региональной политике присутствия столь значимого соседа является одной из приоритетных задач. Хотя сам Иран признает себя лишь соседом Кавказа и пока не имеет претензию, заявлять о том, что имеет на Кавказе часть своих территорий, так как это считают некоторые азербайджанские коллеги. Необходимо не путать этот формат с тем шестисторонним форматом (3+3), который поддерживался, прежде всего, Ираном. То был кавказский, а не южнокавказский формат. Проект (GITARA) – это развитие формата (AGAT+) и всех остальных форматов. Формат GITARA был зафиксирован в процессе создания Кавказской конвенции - международного межгосударственного договора, предметом которого является вопрос сохранения природного и культурного разнообразия и устойчивое развитие горных районов Кавказа. Конвенция разрабатывалась в рамках проекта «Устойчивое развитие горных регионов Кавказа – местная повестка дня на XXI век». В документе «Рекомендации по поддержке процесса создания Кавказской конвенции» отмечается: «Если Кавказские страны, включая Азербайджанскую Республику, Республику Армения, Грузию, Исламскую Республику Иран, Российскую Федерацию и Турцию, желают эффективно охранять окружающую среду и поддерживать устойчивое развитие они должны разрабатывать общий подход и начать рассматривать Кавказский регион как ЕДИНОЕ пространство». Таким образом, мы видим, что экологическая сфера стоит в авангарде региональных интеграционных процессов. Это – возможность организации сотрудничества между форматами. Это – возможность реально подойти к вопросу о

построении единой системы безопасности на Южном Кавказе, как особом регионе с точки зрения глобальной безопасности. Это – возможность создания мульти-латеральной системы South Caucasus Regional Governance – систему консультаций и сотрудничества между государствами региона. Это – возможность создания единого экономического пространства Большого Южного Кавказа, с участием региональных и нерегиональных игроков. Форматы, обозначенные выше- могут лечь в основу определения общей региональной стратегии и программы действий.

В случае вступления Грузии в ЕС, этот формат может стать вполне реалистичным. Необходимо отметить, что вступление Грузии в ЕС может стать условием ее невступления в НАТО.

КОНФИГУРАЦИИ ФОРМАТОВ 3+3

Формат (3+3) (РФ, Турция, Иран, Азербайджан, Армения и Грузия). За эти годы Иран несколько раз пытался повлиять на решение существующих в регионе проблем. Однако действующие в этом регионе международные акторы не сочли нужным вовлекать Иран в этот процесс, а именно в процесс мирного урегулирования карабахского конфликта. Несмотря на это, Иран упорно продолжает борьбу против политики его изгнания и ведет амбициозную игру по продвижению своих политических, экономических и религиозных интересов в регионе.

Инициатива 3+3 Эрдогана

В 2020 году президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом был инициирован региональный формат «3+3». Проект сотрудничества призван объединить три страны Южного Кавказа – Грузию, Армению и Азербайджан, и три региональные державы – Россию, Турцию и Иран. Проект позитивно оценили Россия, Азербайджан и Иран. Грузия отказалась принимать участие во встречах, подчеркнув, что любая новая платформа должна основываться на признании суверенитета и территориальной целостности. Армения, хотя и принимает участие в работе встреч, все же опасается, что это инструмент Турции для формализации своего присутствия на Южном Кавказе во всех возможных сферах.

(3+3) – Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах

По причине неучастия в одинаковом статусе, этих трех непризнанных государственных образований, с тремя странами Малого Южного Кавказа, был создан данный формат и в нем принимали участие многие активисты со всего региона ЮК. Однако, не смотря на лояльность со стороны России, а также поддержку со стороны Армении и ее международных партнеров, он продержался недолго.

«3+3» – Южный Кавказ – Балтика

Одним из таких форматов Южный Кавказ и Балтийская тройка (Литва, Латвия и Эстония). В 2004 году Президент Литвы Валдас Адамкус выступил с инициативой развития регионального сотрудничества в формате 3+3 (Литва, Латвия, Эстония – Азербайджан, Армения, Грузия).

В рамках одной из неформальных встреч министров иностранных дел Балтийских государств и государств Южного Кавказа состоявшейся в Любляне в декабре 2005 года, бывший Министр иностранных дел Литвы Антанаса Валениса «инициатива «3+3», в первую очередь, основывается на том, что осуществляющие тесное сотрудничество государства региона могут проще реализовать свои общие интересы». По словам министра, «балтийские государства хотят поделиться своим опытом, а не перенести модель регионального сотрудничества Балтийских государств в Южный Кавказ».

Во время визита тогдашнего президента Латвии Вайры Вике-Фрайберг в октябре 2005 года, Пре-

зидент Грузии Михаил Саакашвили предложил провести в Тбилиси саммит стран Южного Кавказа и Балтии. «Мы надеемся, что сможем задействовать формат 3+3, который предложили Грузия и Литва. Этот формат включает три страны Южного Кавказа - Азербайджан, Армению и Грузию - и три прибалтийских государства - Латвию, Литву и Эстонию». По мнению президента Грузии, подобный саммит в Тбилиси «будет содействовать процессу сближения этих бывших республик СССР в новом европейском формате и процессу евроинтеграции стран Южного Кавказа». «Такие контакты значимы и в плане укрепления демократии в нашем регионе и мирного урегулирования конфликтов», - добавил Саакашвили.

Вслед за этим заявлением, в декабре 2005 года прошла встреча Министров иностранных дел стран Балтии и Южного Кавказа, где были обсуждены вопросы сотрудничества между регионами, а также сотрудничества в рамках международных организаций.

Общее коммунистическое прошлое, успехи трех балтийских стран в условиях переходного периода, когда они достаточно быстро пошли по пути демократизации, проведения рыночных демократических реформ дает основания говорить о том, что Литва, Латвия и Эстония лучше осознают трудности, с которыми приходится сталкиваться южно-кавказским государствам на пути трансформации своих обществ, а, следовательно, их опыт может быть наиболее полезным и практическим. Как отмечает, *Лили ди Пуппо*, обозреватель «Caucas europenews», инициатива «3+3» отражает ту поддержку, которую получили страны Балтии в свое время от стран Скандинавии – Норвегии и Финляндии, во время их перехода от коммунизма. Эта помощь доказала свою эффективность, поскольку имеет четкую направленность и ясные цели².

Сотрудничество в формате 3+3 развивается и на межпарламентском уровне: осуществляются обменные визиты, проводятся совместные конференции, в рамках которых происходит обмен опытом в сфере проведения демократических реформ в области обороны и безопасности, гармонизации законодательной и исполнительной властей.

Хотя вместе с тем и отмечаются проблемы реализации данного формата транс-регионального сотрудничества, который, прежде всего связан с проблемами между Азербайджаном и Арменией.

По инициативе Европейского центра по исследованию проблем безопасности Джорджа Маршалла (George C. Marshall European Center for Security Studies) в 2005 и 2006 годах были организованы конференции с участием парламентариев Балтийских стран (имеется ввиду Литва, Латвия и Эстония) и стран Южного Кавказа. Конференции ставили цель - развитие взаимоотношений и сотрудничества между этими странами, роли парламентариев в строительстве устойчивых демократий.

ФОРМАТЫ 3+3+X

Формат (3+3+2) Формат Эммерсона. Этот формат, а также «Пакт о стабилизации для Кавказа» был предложен Европейским центром брюссельских политических исследований (правда, в некоторых документах вместо Кавказа используется термин «Южный Кавказ»). Несмотря на важность данной работы, в терминологии имеется довольно много ошибок. В 2000 году президент Турции Сулейман Демирель предложил «Пакт о стабилизации для Кавказа», который предполагал многосторонний форум. В 2001 году президент Армении предложил создать систему безопасности Южного Кавказа, которая была бы представлена в виде формулы «3+3+2»: Азербайджан, Армения и Грузия + Россия, Иран, Турция и ЕС и США в качестве посредников.

² **Эликсир молодости для черноморского сотрудничества, Лили ди Пуппо, «Caucas europenews» 04.11.2005,** http://www.caucas.com/home_eng/breve_contenu.php?id=201

Формат 3+3+3

Грузинский эксперт, президент медиа-концерна «Джорджин-Таймс» - Малхаз Гулашвили, обсуждая инициативу Эрдогана высказал мнение, что предложенный формат «3+3» не может принести пользу Грузии. Он считает более перспективной инициативу регионального сотрудничества в формате «3+3+3» (в первой тройке могут быть представлены Азербайджан, Грузия, Армения, во второй - Россия, Турция и Иран, в третьей - США, Европейский Союз и Китай). Со стороны SCIRS были представлены критические мнения по поводу того, что в результате брэксита, Великобритания и ее возможные союзники могут выступить отдельными и значимыми игроками. Это действительно произошло зимой 2022 года, когда было заявлено о создании Британо-польско-украинского треугольника.

«СОСЕДИ КАВКАЗА» - (3+3)+(2+4)

Весьма интересна перспектива анализа измерения «Соседи Кавказа». Здесь мы можем рассмотреть Черноморских соседей – Болгария, Румыния, Украина, Молдова, а также Каспийских соседей – Туркмения, Казахстан. В общем, Кавказ должен быть воспринят как центральная часть Черноморско-Каспийского пространства. Это – уникальная «Кавказская дюжина», которая может создать экономическое пространство совершенно нового качества. Значимой фигурой, которая может этот процесс инициировать, может явиться Президент Грузии - Саломе Зурабишвили.

АЗЕРБАЙДЖАН | АРМЕНИЯ | ГРУЗИЯ

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

ДЕМУР ГИОРХЕЛИДЗЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО И ТРАНСПОРТНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЮЖНОГО КАВКАЗА
/ ГРУЗИНСКАЯ ПРИЗМА /

Будущее Южного Кавказе невозможно представить без стабильности и процветания входящих в него всех трех государств. Данная основа включает в себя единое видение этого региона, как стабильного, функционально - загруженного региона, где все три государства тесно сотрудничают с целью выстраивания сбалансированного и взаимовыгодного внутреннего сотрудничества и выступающие с единой координированной позиции во внешней политике, исходя из прагматичных соображений, что автоматически исключает конфронтационный режим работы с любим крупным политическим игроком мировой политики, хорошо и глубоко понимая геополитику, существенные интересы больших игроков, точно идентифицируя, где конкурируют они, где противоречия и где проходит линия конфронтации (если она есть). Самые большие проблемы на Южном Кавказе возникали тогда, когда в трех странах региона не понимали или допускали ошибки в оценке геополитических интересов основных игроков мировой политики. Так было 100 лет назад, и с некоторыми изменениями - в 90-ые годы. Соперничество основных игроков мировой политики оказывает влияние на текущие политические события на Южном Кавказе. Это влияние явно проявилось на событиях региона последних лет.

Моя основная идея заключается в том, что три государства Южного Кавказе в политических вопросах должны действовать координировано, исходя из понимания того очевидного факта, что вместе можно добиться намного больших результатов для своих стран, чем в одиночестве, играя на разных полюсах. Что касается экономики, Южный Кавказ видется как единое экономическое пространство, при отсутствии каких-либо таможенных ограничений; при наличии взаимных договоренностей, когда товары и капитал перемещаются свободно при согласованных режимах и т.д., способствуя удовлетворению не только собственных интересов, но и интересов наших соседей и более широко – интересов огромного региона. Только в таком русле мы можем добиться спокойствия в этом регионе, где можно свободно передвигаться, где есть гарантии того, что от этого региона не исходит опасность и эти три страны не играют политические игры с “нулевой суммой”. Южный Кавказ должен стать выгодной платформой для переговоров, урегулирования споров и разногласий между соседями и между сильнейшими игроками мировой политики.

Государства добиваются взаимовыгодного сотрудничества и процветают только в единственном случае: если решены вопросы взаимной гарантии безопасности. Для стран нашего региона играть в опасные политические игры против одной из сторон мировой политики – самая большая политическая ошибка, которая приведет к окончательной потере государственности одного или всех трех государств Южного Кавказа.

Цель настоящей статьи ознакомить читателей с особыми возможностями развития экономики Грузии и ролью транспортной и энергетической системы в этом развитии, и взаимоотношений государств Южного Кавказа. Реализация намеченной программы может внести солидный вклад в увеличение как объёма грузинской (и не только грузинской!) экономики, но и значительного роста её конкурентоспособности в среднесрочном периоде времени. Контекст идеи прост: Грузия может получить качественно большую экономическую выгоду путём более эффективного использования её геополитического положения. Масштабы реализуемых проектов далеко выходят за рамки одной страны и дают прекрасную возможность соседним странам, особенно Азербайджану и Армении. Это особенно важно для Армении, которая годами испытывает определённые сложности с транспортной связью с внешним миром, и последние события позволяют этому государству расширить свои возможности и подключиться к новым транспортным сетям, процессу создания которого, по существу, дан старт.

То, что глубокая экономическая интеграция, взаимообмен возможностями и ресурсами окажет благотворное влияние на экономики этих стран, не приходится сомневаться. К этому выводу приводит сравнительный анализ экономик этих стран (см. рис. 1. Все данные выражены в постоянных

ценах 2015 г., в долларах США). В Грузии максимальный уровень ВВП было достигнуто в 1985 году и составил 21,935 млрд долларов США. К 1990 году ВВП Азербайджана составил 20,239 млрд долларов США, Грузии – 17,029 млрд долларов, а Армении - 5,84 млрд долларов. Следующие четыре года наибольший спад экономики произошла в Грузии – 363,1%; в Азербайджане спад составил 238,9% (1995 г.), а в Армении - 213,5% (1993). В дальнейшем экономики Грузии и Армении росли с очень низкими темпам, отставая от темпов роста экономики Азербайджана, рост которого с 2004 года был высоким.

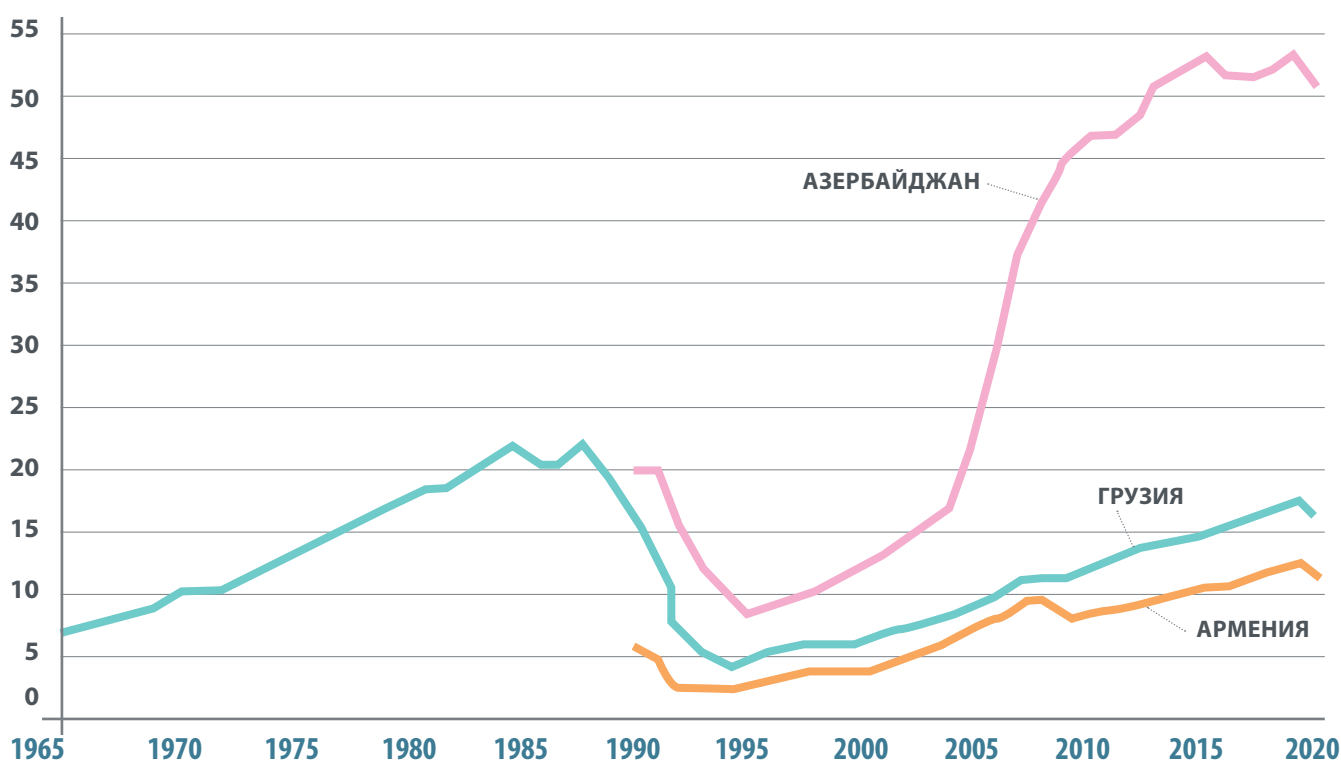
РИС. 1.

**ВВП АЗЕРБАЙДЖАНА, ГРУЗИИ И АРМЕНИИ
В ПОСТОЯННЫХ ЦЕНАХ 2015 Г. В ДОЛЛАРАХ США**

(данные Грузии с 1965 г., а Азербайджана и Армении с 1990 г.).

Источник: World Bank national accounts data.

https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD?locations=GE-AZ-AM&name_desc=false

Перед пандемией (2019) ВВП Азербайджана, Грузии и Армении соответственно были равны 53,613; 17,758 и 12,876 млрд долларов США. В 2020 году этот показатель составлял 51,307; 16,557 и 11,915 млрд долларов США.

Примечательно, что взаимоотношения двух государств с начала 90-ых годов прерваны, а спектр взаимоотношений Грузии с Азербайджаном в основном ограничивается импортом энергоносителей, и изделий из пластмассы, мебели и строительных материалов, а экспорт в Азербайджан составляет цемент, локомотивы (в небольшом кол-ве), железнодорожные устройства, химические изделия, минеральные воды, алкогольные напитки и фармацевтические продукты. Мало совместных предприятий, взаимных инвестиций и объема торгово-экономических отношений. И в этом положении кроется тот огромный потенциал, который раскроется после урегулирования конфликтов и выстраивания взаимовыгодных и прагматичных взаимоотношений.

В среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективах, для экономического развития Грузии, проведение активной политики является императивной, направленной с одной стороны, на обеспечение стабильного экономического роста, путём постепенного изменения структуры экспорта, с одной стороны, и в перспективе, в изменении структуры производства. Это можно достигнуть путём рационального и продуктивного освоения имеющихся ресурсов и, с другой стороны, усилением инновационной составляющей развития экономики. В ближайшее десятилетие, постепенный перевод грузинской экономики на инновационные рельсы, является неотложной задачей.

В грузинской экономике есть сектора и отрасли, потенциально конкурентоспособные как на внутреннем, так и во внешних – мировых рынках. В этих секторах, для реализации конкурентных преимуществ необходима соответствующая государственная политика, развитие рыночных институтов и механизмов. На данном этапе, сложившиеся в этих конкурентоспособных секторах стартовые условия пока не способствуют экспансии производства, привлечению прямых иностранных инвестиций и модернизации производственной базы. В результате чего, на данном этапе, эффективность невысокая.

Основным направлением государственной структурной политики должен стать рост конкурентоспособности грузинской экономики с целью достижения следующих взаимосвязанных задач:

- 1**) Развитие конкурентоспособного на внутренних и внешних рынках частного сектора, поддержка и обеспечение успешного продвижения на внешних рынках и проведение структурных изменений, с целью увеличения доли тех отраслей, которые выпускают (будут выпускать) продукцию с большей степенью переработки, а также, развитие сферы услуг.
- 2**) Исправление накопленных за 30 лет структурных деформаций и путём развития новых инновационных секторов, постепенная ликвидация неэффективных и неприбыльных отраслей.
- 3**) Трансформация низкоэффективных институтов экономики, особенно значимых для развития и определяющих направленность процесс перехода на рыночные рельсы, таких как товарные и финансовые рынки, структура государственной собственности, система государственного регулирования. Эти институты функционируют не эффективно из-за непродуманной политики модернизации и ошибок в его осуществлении.
- 4**) Осуществление ускоренного развития и перестройка всей экономической системы и функционирующих рынков в процессе экономической трансформации.

Одной их главных задач экономической политики является развитие человеческого капитала, повышение уровня его знаний и интеллекта. Эта задача актуализуется в той мере, в какой мере будет создаваться и развиваться сектор экономики, где будет создаваться важнейший и единственный фактор, обеспечивающий развитие – знания!

Основные факторы, препятствующие развитию конкурентоспособного производства и возникновению новых инновационных направлений, это, в первую очередь, недостаточная доступность капитала, годами вызванная искусственным сокращением предложения денег (коэффициент монетизации (**M2/ВВП**) годами не превышал **0,22**), что позволяла денежным властям искусственно держать курс национальной валюты (Лари) на очень высоком уровне (годами курс соотношения доллара США к Лари был равен **1,42**; потом, достаточно долго, курс держался на уровне **1,65** с небольшими колебаниями около этого уровня и лишь в **2014** году, из-за ухудшения внешних обстоятельств (экономический кризис в ЕС, сложности в России и война на

Украине), девальвация Лари было невозможно удержать, что и случилось – национальная валюта девальвировала почти на **32%**. Естественно, что все эти годы чрезмерно высокий курс национальной валюты не давал стимулы развитию местного производства и его ориентации на экспорт. в **2021** году объем денежной массы был увеличен на более чем 2 млрд лари и по предварительным данным, коэффициент монетизации равен **0,32**.

Это обстоятельство сдерживало также привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Лишь в **2017** г. ПИИ проявили знак роста и составила **1,9808** млрд долларов США, что составляет примерно **12,2%** ВВП (**16 207,1** млрд долларов США), тогда как в находящейся в таком положении страны как Грузия, ПИИ необходимы на уровне **20-25%** от ВВП. В **2020** и **2021** годах объем ПИИ были минимальными: **572** и **728**, млн долларов США соответственно.

Среди сдерживающих факторов развития экономики необходимо отметить неровные условия конкуренции, невысокий уровень защиты прав собственности и нерыночные принципы регулирования, что обеспечивает высокий уровень присутствия государства в экономике. К этому добавляется недостаточно высокий уровень управления предприятий, что и сдерживает развитие.

Слабая интеграция экономики Грузии в мировую экономику из-за её слабости предопределена не только слабой конкурентоспособностью, но и институциональными факторами - неразвитостью инфраструктуры поддержки экспорта и утрата стимулов! На этом фоне развитие естественно существующих мощных возможностей в сфере транспорта и энергетики является важнейшей задачей. Рассмотрим эти возможности и пути и направления их возможного развития.

1. Развитие транспортной системы ставит целью достижение двух основных экономических задач: **(1)** рост экономики Грузии (максимизация доходов) и **(2)** рост конкурентоспособности её экономики. Эти цели могут быть максимально эффективно достигнуты (по мнению автора статьи), если транспортная система сложится как важнейший транспортно-логистический хаб для значительной части евразийского континента. Мы можем оценить возможности роста и развития как для самой системы, а также определить общие параметры развития её компонентов.

Транспортная система Грузии имеет огромный потенциал роста экспортных доходов по сравнению с другими секторами реальной экономики, этот потенциал сравним со потенциалом инновационного развития экономики Грузии.

Конкурентоспособность Грузии чётко выявлена: (а) время преодоления и передвижения; (б) цена/тарифы перевозок; (в) качество/надёжность перевозок; (г) лёгкость администрирования.

Максимизация доходов (экономический рост) достигается при движении развития в направлении: Грузия как ХАБ/ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР; приоритеты по транспортным видам; замещение импорта; резервы снижения себестоимости по секторам. В результате чего достигается полная интеграция грузинской транспортной системы в евразийскую транспортную систему; повышение занятости населения страны; защита окружающей среды и жизни и здоровья людей.

Для достижения этих целей одним из основных проектов является **Анаклийский транспортный узел** – сочетание пяти основных видов транспортных средств: морского, воздушного, автомобильного, железнодорожного и трубопроводного видов. Место Грузинской транспортной системы – региональный мультимодальный транспортный хаб, который связан со региональными и внутренними транспортными сетями (см. прилагаемую схему). Анаклия Cargo-транспортный узел находится на Востоке Европы, на побережье восточной части Черного моря в Грузии, в Зугдидском и Хоби муниципалитетах, в зоне деревни Анаклия и Хорга, между рекой Ингури и Хобисцкали. Цель узла заключается в обеспечении быстрой и безопасной транспортировки грузов и их услуги с запада, особенно из Европы к Востоку (Кавказ, Центральная Азия, Китай, Корея, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия)

и наоборот, а также с севера (Российская Федерация) на Юг (Турция, Ближний Восток), и наоборот. Узел является основой и будет иметь главную роль в кавказском транспортном коридоре - **ТРАСЕКА**. Сравнивая сегодняшние существующие маршруты для транспортировки грузов с Запада в Китай через Кавказский транспортный коридор, видно, что этот кратчайший маршрут. Этот узел также делает возможным создание новых двух путей: во-первых, Кавказский транспортный коридор Иран-Индия, и во-вторых, Россия-Анаклия Cargo-транспортная единица - Ближний Восток. Естественно, что появление в Грузии такого транспортного узла, что автоматически предполагает участие Азербайджана, даёт Армении мощный стимул подключения к нему и быть частью этого крупнейшего узла, а кавказский транспортный коридор Индия-Иран, по всем соображениям, должен пройти через Армению. Такое взаимопроникновение транспортных систем и их интеграция в более мощную международную транспортную систему, должно иметь для трех государств Южного Кавказа первостепенное значение. Такая интеграция в глобальные транспортные сети имеет и очень большую политическую нагрузку: она способствует повышению безопасности подключённых в эту систему стран, открытости экономики и эффективному использованию имеющихся потенциальных ресурсов: надёжная и хорошо налаженная международная транспортная система должна функционировать стабильно, что возможно в условиях политической стабильности и прогнозированию политики правительств стран-участников в направлении их преимущества и верности взятых на себя обязательств в долгосрочной перспективе. Подобная мощная международная транспортная система, по своему значению, даст стимул для заинтересованности основных игроков мировой политики, будет способствовать решению тех насущных проблем, которые, с разной степенью сложности, годами давят на Азербайджан, Грузию и Армению. Такая интеграция транспортных ресурсов этих государств имеет и более мощный контекст: расширение и взаимопроникновение экономик трех стран, которая в повестке дня ставит упрощение таможенных и других препятствующих свободному передвижению грузов и капитала режимов, согласование и гармонизацию тарифной и налоговой политики трех стран и, в перспективе, – к открытому целенаправленному движению к единому экономическому пространству с гармонизированным законодательством и координированной экономической политикой.

Транспортный узел будет обслуживать любой тип грузов, в том числе сухих, контейнерных грузов, грузов Ro-Ro (Ro-Ro shipments), железнодорожных паромных перевозок, жидких грузов - нефти и нефтепродуктов, питьевой воды, сжиженного природного газа (СПГ) и другие. Перевозки грузов будет обеспечиваться за счет моря, воздушным, железнодорожным, автомобильным транспортом и трубопроводов. Композиция Узда включает: нового глубоководный многофункциональный морской порт; грузового аэропорта; железнодорожных подъездных путей и инфраструктуры железнодорожных перевозок; автомобильные и транспортные средства; Мощности обеспечения и инженерной инфраструктуры обслуживания, включая источники питания, газоснабжения, водоснабжения и канализации; новое поселение (город). Новый морской порт является одним из самых глубоководным портом в Черном и Средиземном морях. Максимальная глубина воды в доступе морского канала и внутренней акватории порта составляет **18,5 м**. Это может принимать и обслуживать танкеры тоннаж (в убойном весе) до **125 000 тонн** и газозовов объемом до **220 000 куб. м**. Порт имеет возможность принимать одновременно **34** танкера. Порт является многофункциональным и будет обслуживать любой тип грузов. Ее оборот оценка грузов может составлять **100-120** млн тонн в год.

Если Грузия Будет невнимательна и увлечена идеями-фикс ориентационного характера, она может потерять собственный потенциал транспортного характера и оказаться перед фактом сокращения транзитных перевозок через свою территорию и потери могут оказаться не малыми. Все будет зависеть от реализации транспортных коридоров без её участия. Естественно, что выгоды Грузии от регионального сотрудничества будут высокие.

2. Развитие энергетики. Грузия имеет мощный энергетический потенциал для развития собственной экономики. В **2022-2030** гг., по источникам генерации (ГЭС и ТЭС), динамика энергопотребления показывает, что в удовлетворении спроса на электроэнергию доля ГЭС в **2025** году снизится до **58,5%**, а доля ТЭС в **2025** году вырастает до **41,5%**. В стратегических расчетах энергетического развития Грузии излагается оптимальная структура топливно-энергетических ресурсов с учётом

требований энергетического, экономического, гидрологического, экологического и социально-экономического развития Грузии с учетом существующих реалий.

Энергетическая политика Грузии на данном этапе недостаточно учитывает интересы экономического и социального развития страны. Ориентация на экспорт, а не акцент на использование произведённой электроэнергии на развитие собственного производства, в общем, свойственно развивающимся странам с низким уровнем развития, а не страны, нацеленной на мощное развитие. Такая политика не может быть продуктивной и не свойственна странам с высоким уровнем развития. Эта политика не учитывает и интеграцию электроснабжения государств Южного Кавказ, что может привести к значительным выгодам и повышения их эффективности, особенно если страны Южного Кавказа будут работать в единой системе, подключенной соседними странами с высоким энергетическим потенциалом. При таком режиме работы для экономического, энергетического, социального и культурного развития Грузии значительно более выгодно не экспорт электроэнергии как сырья и общий акцент на экспорт, а развитие энергоёмких производств малого и среднего уровня, которые будут способствовать росту спроса на возобновляющие источники энергии (ВИЭ), соответственно, их развитию, росту занятости населения и содействию культурного развития. Конкретные инициативы развития ВИЭ продумано в рамках единой государственной стратегии развития, которая со своей стороны основывается на принципы рыночной экономики и прозрачности. Такая стратегия соответствует оптимальному и устойчивому развитию страны. Все остальное будет соответствовать обязательствам по единой энергетической системе и эти обязательства не являются односторонними.

Реальные возможности социально-экономического развития Грузии находятся в функциональной зависимости от генерации электроэнергии и продуманного освоения существующих энергетических ресурсов страны. В концептуальных расчетах развития энергетики страны выделены стратегические условия, способствующие энергетическому развитию Грузии: существующие энергетические мощности, гидроэнергетические ресурсы, приоритетное развитие гидроэнергетики, возможность выполнения функции энергетического коридора в регионе, разработка программ энергосбережения и пути их осуществления.

Перспективы генерации электроэнергии мы должны искать в глубоко продуманных и экономически оценённых решениях, касающихся энергетических ресурсов страны. Исходя из этих соображений, проведена оценка энерго-спроса страны до **2025** г. Включительно (см. прилагаемую таблицу). Видно, что в генерации основную нагрузку будет брать гидроэнергетика, развитию которого и будет уделяться особое внимание. Естественный вопрос: где и как могут сотрудничать в сфере энергетики Грузия, Азербайджан и Армения, - точек соприкосновения предостаточно: в первую очередь — это создание единой системы электроснабжения, экспорт электроэнергии в соседние и близлежащие страны. Это перспектива! А на данном этапе, необходимо наращивать энергетические мощности в соответствии с требованиями развития собственных экономик с расчетом на среднесрочные перспективы и налаживания взаимных интересов с целью объединения собственных энергетических систем.

годы	Спрос млн квт.ч	ГЭС	Существ. ТЕЦ	Новые ТЕЦ	% ГЕЦ	% ТЕЦ
2022	16800	10340	575	5885	61	39
2023	17400	10460	575	6365	60	40
2024	18000	10660	575	6765	59	41
2025	18575	10860	575	7140	58,5	41,5

ТЕМУР ЧИЛАЧАВА

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Математика — это наука, которая формирует системное мышление. Без погружения в математику невозможно обойтись не только в менеджменте, но и во многих других профессиях, которые принято считать гуманитарными.

Математика XXI века очень сильно отличается от той, которая была в прошлом веке. В самом деле, главными «заказчиками», «поставщиками задач» в XX веке были механика, физика, отчасти химия. Однако наступившее столетие, вероятно будет определять развитие наук о человеке и обществе. На авансцену выходят медицина, психология, социология, конфликтология, история, теория управления рисками, нейронаука, исследование различных сетевых структур. Они должны очень многое изменить и в прикладной математике, и в нашем понимании реальности.

Математическое творчество— это сфера взаимодействия специалистов разного профиля (синергия), увлекательная попытка понять, что в разных областях науки является наиболее важным и общезначимым. идеи и понятия, рождающиеся в прикладной математике, становятся элементами культуры, а затем входят в массовое сознание.

И действительно, такие понятия как «точка бифуркации», «динамический хаос», «эффект бабочки», «режимы с обострением», пришедшие из прикладной математики, уже появились на страницах газет, в оценках экспертов, в речах политиков.

Прикладная математика из дисциплины, «обслуживающей» другие области науки и сферы жизнедеятельности, стала, «генератором идей», основой междисциплинарных подходов. И на наших глазах этот прогноз ученых сбывается.

В науке и ее приложениях, как и в жизни, самое главное – понимание. Оно всегда просто, но добывается трудно.

Каков метод использования математики в познании мира и предсказаний будущего? Мы познаем мир, создавая и изучая его математические модели.

Гениальный математик Анри Пуанкаре отмечал: **«Математика одним методом, при помощи математической модели изучает различные явления реального мира».**

Что такое модель? Слово «модель» пришло из итальянского языка и означает «копия, образец, прототип», изучив который мы познаем оригинал. Значит, математическая модель – это прототип какой-то части мира – объекта, системы, устройства, машины, прибора, социального процесса, изучая который мы постигаем эту часть мира.

Чем же является математика и какова ее роль в создании этой вспомогательной модели, и почему мы эту математическую модель можем изучить, и почему изучив ее мы изучаем мир, и что, собственно, собой представляет математика?

На одном из ученых заседаний бурно обсуждался вопрос о роли языков и математики в обучении студентов. Дебаты длились долго. Одни отстаивали роль языков, другие – значение математики. Среди обсуждающих был великий ученый Виллард Гиббс. Тот самый, который утверждал, что целое проще своей части, что изучить скопище миллиардов молекул проще, чем одну молекулу, и не только утверждал, но и доказал своими замечательными научными открытиями. Он был всеми уважаем и необычайно молчалив. Но тут, к общему удивлению, он попросил слова и сказал: «Математика – тоже язык».

Что же имел в виду Гиббс? Что общего между английским, немецким, французским, русским, другими языками и математикой? А вот что: язык людей описывает их действия, чувства, желания, воспоминания, пожелания, мнения, приказание, а математика – это язык описания природы, язык научного естествознания. Если вы хотите поговорить с французом, вам надо изучить французский язык, с англичанином – английский язык, с природой – математический язык. Только на математическом языке природа открывает нам свои тайны, и если вы хотите их постичь, вы должны изучить математический язык, изучить математику. С природой и техникой – тоже частью природы, только созданной человеком, – нужно разговаривать на математическом языке.

«Математика — это язык, на котором написана книга природы» сказал еще Галилео Галилей.

Языковые описания нашей жизни – рассказы, повести, романы — это ее языковые модели. Описание естественных или социальных явлений на математическом языке – это их математические модели, т.е. математика – это язык точных наук, а математические модели – это описание объектов и процессов природы или общества на математическом языке.

Как для того чтобы написать хорошее сочинение, нужно хорошо знать то, о чем пишешь, так и для того чтобы составить математическую модель, нужно хорошо понимать то, что хочешь описать, отличать главное от второстепенного, понимать существо и закономерности происходящих процессов, явлений и взаимоотношений, наконец, нужно уметь все это описать на математическом языке.

Написать сочинение не просто, но прочитать его и понять обычно не очень трудно. Хотя простота может быть обманчивой. Составить модель тоже достаточно трудно, но и понять ее, оказывается, не всегда просто, а подчас и очень трудно. Для того чтобы понять математическую модель, понять то, что она описывает, необходимо ее изучить, и это изучение может быть очень трудным.

Гениальный математик Владимир Арнольд отмечал: «Тот прискорбный факт, что математика, как и все фундаментальные науки, перестала финансироваться, является позором для современной цивилизации. Именно фундаментальные науки изменили наш мир после того, как Фарадей и Максвелл написали уравнения теории электромагнетизма. Эти достижения фундаментальной науки окупили все затраты человечества на нее на сотни лет вперед. Отказ современных многих правителей платить по этому счету, удивительно недалёковидная политика, за которую соответствующие страны, несомненно, будут наказаны технологической и, следовательно, экономической (а также и военной) отсталостью. Человечество в целом должно будет заплатить тяжелую цену за близоруко-эгоистическую политику составляющих его стран. Математическое сообщество несет свою долю ответственности за повсеместно наблюдаемое давление со стороны правительств и общества в целом, направленное на уничтожение математической культуры как части культурного багажа каждого человека и в особенности на уничтожение математического образования. Выхолощенное и формализованное преподавание математики на всех уровнях сделалось, к несчастью, системой. Выросли целые поколения профессиональных математиков и преподавателей математики, умеющих только это и не представляющих себе возможности какого-либо другого преподавания математики. Наиболее характерными приметами формализованного преподавания является изобилие немотивированных определений и непонятных (хотя логически безупречных) доказательств. Отсутствие примеров, отсутствие анализа предельных случаев и предела применимости математических теорий, отсутствие чертежей и рисунков столь же постоянный недостаток математических текстов, как и отсутствие вне математических приложений и мотивировок понятий математики.

Искусство строгого логического рассуждения и возможность получать этим способом надежные выводы не должно оставаться привилегией Шерлока Холмса, и каждый школьник должен овладеть этим умением. Умение составлять адекватные математические модели реальных ситуаций должно составлять неотъемлемую часть математического образования. Успех приносит не столько применение готовых рецептов (**т.н. жестких математических моделей**), сколько математический подход к явлениям реального мира. При всем огромном социальном значении вычислений (и Computer Science), сила математики не в них, и преподавание математики не должно сводиться к вычислительным рецептам».

В истории России был премьер-министр Сергей Витте (уроженец Тбилиси) с математическим образованием. Вот как он описывает разницу между мягким и жестким математическим моделированием:

«Между математиками есть двоякого рода люди:

1) Математики-философы, т. е. математики высшей математической мысли, для которых цифры и исчисления есть ремесло; для этого рода математиков цифры и исчисления не имеют никакого значения, их увлекают не цифры и исчисления, а сами математические идеи. Одним словом, это математики, так сказать, чистой философской математики.

2) Напротив, есть такие математики, которых философия математики, математические идеи не трогают, которые всю суть математики видят в исчислениях, цифрах и формулах.

Математики-философы относятся всегда с презрением к математикам-исчислителям, а математики-исчислители, среди которых есть много ученых весьма знаменитых, смотрят на математиков-философов как на людей в известном смысле «тронуемых».

Сейчас мы знаем, что описанные С. Витте различия имеют физиологическое происхождение. Наш мозг состоит из двух полушарий. Левое полушарие отвечает за умножение многочленов, языки, шахматы, интриги и последовательности силлогизмов, а правое - за **пространственную ориентацию, интуицию и все необходимое в реальной жизни**. У «математиков-исчислителей» по терминологии С. Витте гипертрофировано левое полушарие, обычно за счет недоразвития правого. Но доминирование математиков первого типа и привело к тому засилью аксиоматическо-схоластической математики, особенно в преподавании (в том числе и в средней школе), на которое общество естественно и законно реагирует резко отрицательно. Результатом явилось повсеместно наблюдаемое отвращение к математике и стремление **всех правителей** отомстить за перенесенные в школе унижения ее изничтожением.

Мягкое моделирование требует гармоничной работы обоих полушарий мозга. После окончания университета С. Витте не нашел работы по специальности и принял предложение частной компании стать начальником дистанции на Юго-Западной железной дороге. Для занятия этого поста ему пришлось по неделе стажироваться в должности каждого из своих подчиненных (стрелочника, путевого обходчика, багажного раздатчика, билетного кассира, кочегара, машиниста, начальника станции...), что явилось неоценимым опытом для будущего премьер-министра.

Однажды царский поезд, следующий в Крым, был замедлен по приказу С. Витте на его дистанции. Несмотря на возмущение царя Александра III, машинист подчинился не его приказу, а приказу своего начальника дистанции. Когда поезд перешел на следующую, уже не подчинявшуюся С. Витте, дистанцию, скорость была, естественно, повышена. Вскоре царский поезд сошел с рельсов и опрокинулся (катастрофа у станции Борок). Царь запомнил имя непокорного начальника дистанции, и С. Витте был назначен Министром путей сообщения, а впоследствии стал и премьер-министром. С его именем связана вся грандиозная эпоха «развития капитализма в России», в том числе строительство действующей и сейчас сети железных дорог.

С. Витте лучше разбирался в реальной жизни страны и в проблемах экономики и техники, чем в политических интригах (к которым больший талант имеют люди левополушарные). Конечно, сила С. Витте заключалась вовсе не в применении какой-либо математики («исчисления»), а в том способе мышления, который он называет «математикой-философией» и который заставляет человека с математическим образованием думать о всех реалиях окружающего мира с помощью (сознательного или бессознательного) мягкого математического моделирования.

Идея о необходимости этого рода мышления для успеха в любой экономической или производственной деятельности (исключая, быть может, политические интриги) была хорошо понята уже сто лет назад.

Не пользующаяся математическими символами человеческая логика зачастую запутывается в словесных определениях и делает вследствие этого ошибочные выводы и вскрыть эту ошибку за музыку слов иногда стоит огромного труда и бесконечных, часто бесплодных, споров.

К сожалению, и сейчас остаются актуальными слова классика математической экономики Парето: «Экономисты, не знающие математики, находятся в положении людей, желающих решить систему уравнений, не зная ни того, что она из себя представляет, ни того даже, что представляет из себя каждое входящее в нее единичное уравнение».

В.И. Арнольд: «Основной целью математического образования должно быть воспитание умения математически исследовать явления реального мира, умения, так хорошо описанного С. Витте в его характеристике «математики-философии» и так блестяще использованного им в вовсе не математи-

ческой деятельности. Искусство составлять и исследовать мягкие математические модели является важнейшей составной частью этого умения» [1].

Однако этому процессу часто препятствуют некомпетентные люди, от которых порою зависит принятие важнейших решений. Как известно, эффект Даннинга-Крюгера звучит так: «люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы и принимают неудачные решения, но не способны осознавать свои ошибки в силу своего низкого уровня квалификации». Непонимание ошибок их приводит к убеждённости в собственной правоте, а следовательно, повышению уверенности в себе и осознанию своего превосходства. Таким образом, эффект Даннинга - Крюгера является психологическим парадоксом, с которым все мы нередко сталкиваемся в жизни: менее компетентные люди считают себя профессионалами, а более компетентные склонны сомневаться в себе и своих способностях.

Отправной точкой своих исследования Даннинг и Крюгер назвали знаменитые высказывания Чарльза Дарвина: «невежество чаще рождает уверенность, нежели знание» и Бертрана Рассела: **«одно из неприятных свойств нашего времени состоит в том, что те, кто испытывает уверенность, глупы, а те, кто обладает хоть каким-то воображением и пониманием, исполнены сомнений и нерешительности».**

Математическое моделирование происходящих в мире физических процессов имеет большую историю. Известно также, что продолжительную историю имеет математическое моделирование в биологии (например, модель Леонардо Фибоначчи, 1170 – 1240), экологии и химии.

В медицине, особенно в эпидемиологии, создание адекватных математических моделей, анализ полученных результатов очень актуальны в связи с существующими в мире пандемиями инфекционных заболеваний, в том числе COVID – 19.

Математическое моделирование в экономике, начиная с первой модели Парето (1898 г.) одно из самых распространенных применений математике в других науках, а в социальной сфере самое востребованное [2].

В 1950-х годах английский писатель и физик Чарльз Сноу с тревогой писал о растущей пропасти между двумя культурами – естественнонаучной и гуманитарной. Первая опирается на эксперимент и формализованные теории. Она устремлена в будущее, отвечает на вопрос «Как?» и игнорирует авторитеты, стремясь к объективности. Вторая в большой степени обращена в прошлое, опирается на традицию, принимает во внимание мнение известных лиц. Она должна отвечать на вопросы о целях, стратегиях, должном, допустимом и желательном, на вопрос «Что?».

Очевидно, средства, созданные благодаря стремительно растущим возможностям естественных наук, употребляемые в неверных целях, могут представлять огромную опасность. С другой стороны, провал гуманитарных дисциплин, не умеющих или не желающих заглядывать в будущее, не менее фатален. Нельзя в сегодняшнем или, тем более, в завтрашнем дне исходить из картины мира, относящейся ко вчерашним реалиям. Мир меняется очень быстро и существенно.

Немецкий физик-теоретик Герман Хакен, предложивший термин «синергетика» вкладывал в него тот же смысл [3].

Именно синергетика и междисциплинарные подходы дадут тот общий язык, на котором естественники, гуманитарии, математики, эксперты, руководители смогут обсуждать свои проблемы, полученные результаты, ставить задачи и рассматривать наиболее вероятные последствия принимаемых решений. Он думал, что именно синергетика станет мостом, переброшенным над пропастью двух культур.

С одной стороны, этот подход рассматривает появление новых свойств и качеств у сложных систем, части или элементы которых такими свойствами не обладают.

С другой стороны, это подход, развитие которого требует совместных творческих усилий и взаимодействия естественников, математиков, гуманитариев, инженеров, управленцев.

Почти полвека развития синергетики показали, что достигнутые успехи пока представляются достаточно скромными. Активность и желание взаимодействовать со стороны естественников и математиков многократно превышают готовность и желание гуманитариев сотрудничать.

Возможно, сдвиги в сознании научного сообщества происходят достаточно медленно, и пока просто прошло слишком мало времени. Как говорил академик Сергей Павлович Курдюмов (1928–2004, крупнейший специалист в области математического моделирования): **«Будьте готовы к тому, что работу, которую вы написали сегодня, прочтут, поймут и оценят лет через десять, а то и позже».**

Но, наверно, главная причина в том, что и гуманитарии, и математики, и естественники остро ощущают преимущество своего стиля мышления и восприятия мира и поэтому не готовы всерьёз учиться иному, вставить на другую точку зрения, вести на равных содержательный диалог.

Ранее была выдвинута исследовательская программа, связанная с построением *математической истории* [4]. В основе этого подхода лежит:

- полномасштабное междисциплинарное моделирование исторических процессов с использованием результатов экономики, социологии, социальной психологии, истории техники и военного дела;
- анализ точек бифуркации на территориях исторического развития и открывавшихся альтернатив;
- решение задачи *исторического прогноза* и его использование в задачах стратегического прогноза.

Синергетика может очень многое во многих областях. Но одно из наиболее важных её дел сегодня – это *проектирование будущего*. Это анализ тех небольших изменений в сегодняшнем дне, которые могут в 10-20 летней перспективе изменить будущее крупных компаний, регионов, стран, мира в целом. Составной частью этой работы является системный анализ, математическое моделирование, выработка стратегий и синтез управляющих воздействий, которые могли бы обеспечить достижения поставленных целей.

Одной из перспективных и быстро развивающихся областей применения математического моделирования является динамика инновационных процессов. Её роль всё более возрастает в связи с усложнением протекания реальных инновационных процессов, которые, очевидно, представляют собой движущую силу любой страны. Исследования в этой области показывают, что кризисные явления имеют не случайный, а систематический характер, определяемый детерминированными механизмами. Поэтому многие особенности поведения инновационных процессов могут описываться в рамках детерминированных систем дифференциальных уравнений. Сложное поведение этих систем, включая процессы самоорганизации, поддается описанию благодаря учёту нелинейных членов, присутствующих в математических моделях динамических систем.

Обычно инновационные процессы изучаются с позиции оптимизации и теории игр, с введением целевой функции. Однако в последние два десятилетия получила распространение другая точка зрения на законы общественного развития, связанная с новым синтетическим (синергетическим) направлением в естественных и общественных науках, которая не предполагает целенаправленного управления в явном виде. Под синергетикой понимают науку о кооперативных (коллективных) процессах и явлениях самоорганизации в открытых и неравновесных системах произвольной природы. Аналогами целей в ней являются различные аттракторы, к которым стремятся фазовые траектории открытых нелинейных систем, попадая в их область притяжения. Такое задание целей является общим подходом, когда цели неявно встроены в модель и изменяются в зависимости от общей динамики модели, в том числе испытывая влияние за счёт механизма обратных связей в зависимости от поведения системы, а не только влияют на это поведение. Отметим, что нелинейные механизмы в инновационных системах могут обосновываться как механизмы конкурентных, кооперационных и других взаимодействий.

Кроме того, следует отметить, что в эволюции инновационных систем, где основное внимание

уделяется процессам развития, используется математический аппарат теории нелинейных динамических систем и синергетики, который до сих пор успешно используется при анализе развития биологических, экологических, химических и физических систем. В этом смысле эволюционные инновации и математические методы их описания и анализа тесно связаны с естественными и физико-математическими науками. Таким образом, происходит очень важный процесс вовлечения в научные исследования инновационных процессов методов естественных и физико-математических наук.

Большой интерес представляет исследование математических моделей инновационных процессов в научно-образовательных областях. Современные проблемы повышения качества образования, увеличения объемов услуг, реорганизации деятельности управления вузом с целью превращение вуза в коммерческо-финансово-научно-образовательную структуру, а также многие другие стоят на повестке дня в перестройке научно — образовательных процессов во всем мире.

Современные политологи, психологи и социологи все чаще соглашаются в том, что на смену военным действиям с применением оружия приходит время информационных войн.

В связи с этим, в последнее время становится актуальной разработка математических моделей информационных войн, под которым в основном подразумевается борьба между государствами с использованием исключительно информационного арсенала, т.е. информационных технологий, базирующихся на промышленном производстве, распространении и навязывании информации.

Вместе с тем, «сплошная компьютеризация», в том числе, и стратегических объектов породила новую проблему — они стали более «прозрачными» для конкурентов. Например, каждые 20 секунд в США имеет место преступление с использованием программных средств, в 80% преступлений атаки идут через Интернет. По данным Института компьютерной безопасности США компьютерная преступность растет темпом 16% в год.

Информационные войны будут доминировать в XXI веке. Их могут вести отдельные лица, группы людей, страны. Определить, кто с тобой воюет, не простая задача. Для проверки защищенности своих компьютеров Пентагон набрал команду из хакеров и «развязал им руки». Хакеры взломали защиту у 88% из 8900 компьютеров военного ведомства. Только 4% атак были замечены обслуживающим персоналом. *Компьютеры способны без ведома их владельцев передавать информацию о содержании созданных баз данных, включая зарегистрированных пользователей по каналам Интернет их разработчикам.*

Согласно анализу российских экспертов, российские предприятия, располагающие автоматизированной системой документооборота, вскоре окажутся беззащитными перед конкурентами, если не будут располагать высокопрофессиональными службами по информационной безопасности.

Подготовка кадров в области информационной безопасности — основа успешного решения всех проблем защиты информации, касающихся каждого конкретного человека, отдельной фирмы и государства в целом.

Ранее выдвинутая и обоснованная С.П. Капицей гипотеза о том, что рост числа людей на Земле (демографические модели) «определяется обликом и распространением информации», должна стать целым направлением научных исследований.

Изучение характера информационных потоков, организация информации, ее восприятие индивидуальной и коллективной психологией как малых, так и больших групп макро обществ - все это наидостойнейшие темы для политологии и социологии, социальной психологии, для междисциплинарных исследований. В настоящее время, к сожалению, даже контуры подобного рода исследований просматриваются слабо, несмотря на постоянные апелляции к таким темам, как «информационная революция», «информационное пространство», «информационное противоборство» и т.п. *Наличие «общего информационного процесса» не избавляет человечество от непрекращающегося соперничества, от наличия различных «центров силы» в мире, иерархии в мирополитической системе, от использования информации в качестве активного инструмента политического противоборства, вплоть до ведения «информационных войн».*

Притом нельзя не отметить, что резко возросла роль информационного обеспечения в ведении военных действий.

В мировом информационном поле в идеологических, политических и экономических целях самым активным образом используется направленная информация и дезинформация, выделить которую из общего фона в подавляющем большинстве случаев весьма сложно для неподготовленного человека.

Теория информационной войны, формализация которой началась всего три-четыре десятка лет тому назад, сейчас имеет уже широкое прикладное значение. Ее активно учитывают многие страны при разработке информационной безопасности. Впервые в США была создана президентская комиссия для защиты т.н. критической инфраструктуры. Потом на основании заключения этой комиссии была разработана директива президента № 63, которая в 1998 году, стала основой правительственной политики обеспечения информационной безопасности. Ведущие страны уже начали целенаправленную подготовку узких специалистов информационной войны. В США, в национальном университете обороны действует школа информационной войны и стратегии. В калифорнийской морской школе группе информационной войны читают курсы лекций: принципы информационных операций; психологические операции; информационная война: планирование и оценка; оценка информационной войны.

Россия, правда с опозданием, но тоже действует в этом направлении. Министерство обороны России создало информационно-пропагандистский центр, который наряду с другими задачами, подготавливает хакерские нападения на информационные ресурсы противника. Это решение министерства обороны России, было ответом на задание руководства России - подготовить предложения, связанные с созданием центра подготовки специалистов, которые смогут вести информационную войну новейшими технологиями.

Согласно некоторым источникам задачами информационно-пропагандистского центра будут: устрашение противника, уничтожение его информационных связей и сохранение своих, создание информационных и дезинформационных частей и оказание влияния на общественное мнение как до конфликта так и во время вооруженного конфликта.

Первоначально термин «информационная война» применил в 1976 году Томас Рона в своем отчете «Системы оружия и информационная война», который предназначался для компании *Boeing*. Т. Рона отметил, что к тому времени, информационная инфраструктура становилась узловым компонентом экономики США и одновременно простой, менее защищенной целью как в военное так и в мирное время. Покаещенепринятаединаядефинициятермина“информационнаявойна”,ноинтуитивносчитаетсячтоинформационная война это целенаправленные действия по созданию информационного превосходства, посредством разрушения информации, информационных систем противоположной стороны, при этом одновременно происходит процесс защиты собственной информации и информационных систем. Под информационной войной также подразумевают комплекс мероприятий по созданию информационного воздействия на общественное сознание, чтобы изменить поведение людей, навязать им цели, которые не входят в их интересы. С другой стороны, необходима защита от такого же воздействия.

Так как государственные информационные ресурсы часто становятся объектами нападения и защиты, государство вынуждено уделить информационным технологиям большое внимание. Соответственно, в теории информационной войны большое число исследований посвящено безопасности информации, информационных систем и процессов.

С другой стороны, существенно изучение информационных потоков, так как информационный поток, который обрушится на массовое сознание, в большинстве случаев, позволяет манипулировать людьми.

Описание математическим аппаратом различных компонент информационной войны и его изучение уже входит в сферу интересов многих ученых. В этом направлении следует отметить исполь-

зование математической теории передачи информации по каналам связи для построения модели информационного воздействия. Предприняты попытки оценок эффективности конкретных информационных воздействий. При помощи теории графов и игр составлены модели информационных сетей и информационной войны, а для противоборствующих сторон найдены смешанные стратегии. Стратегии, в основном, рассчитаны на выведение из строя информационных инфраструктур или их защиту посредством как физического, так и программного (*вирусы, трояны, шпионские программы, кибератаки*) воздействия.

Нашей целью было изучение количества информационных потоков при помощи новых математических моделей информационной войны. Под информационной войной мы подразумеваем противоборство средствами массовой информации (электронная и печатная пресса, Интернет) двух государств или двух объединений государств, либо экономических структур (консорциумов), ведущих по отношению друг к другу целенаправленную дезинформацию, пропаганду [5, 6].

Целями информационной войны могут быть:- нанесение урона имиджу противоположной страны – создание из него образа врага.

- дискредитация руководства противоположной страны.
- деморализация личного состава вооруженных сил и мирного населения другой страны.
- создание общественного мнения, как внутри страны, так и за ее пределами, для аргументации и оправдания возможных силовых действий в будущем.
- противодействие геополитическим амбициям противоположной стороны и т.д.

На происходящие процессы в современном мире в той или иной форме и активности реагируют международные организации. Поэтому в процессе информационной войны в качестве третьей миротворческой стороны мы считаем объединение международных организаций (ООН, ОБСЕ, ЕС, ВТО т.д.), усилие которого направлены на снятие напряженности между антагонистическими государствами, сторонами и прекращение информационной войны.

Нами была построена общая математическая модель информационной войны между двумя антагонистическими сторонами, при наличии третьей, миротворческой стороны [5, 6]. *Модель учитывает случай противоборства как равномогущих объединений («як-медведь»), так и сильно различающихся («волк-ягненок»).*

В частном случае математической модели, каждая сторона одинаковыми темпами ведет информационную войну и реагирует на призывы международных миротворческих организаций. В свою очередь, третья сторона равномерно реагирует на интенсивность информационных атак антагонистических сторон. При помощи анализа решений установлен характер действий сторон в информационной войне, в зависимости от того каковы стартовые условия сторон, и соотношения между индексами агрессивности, миротворческой готовности и миротворческой активности.

Выявлены соотношения между константами модели и начальными условиями, при которых:

- 1**) Антагонистические стороны, несмотря на увеличивающиеся призывы третьей стороны, интенсифицируют информационные атаки.
- 2**) Одна из антагонистических сторон, под воздействием третьей стороны, с течением времени, прекращает информационную войну в то время, как другая ее усиливает.
- 3**) Обе антагонистические стороны, после достижения максимума активности, снижают ее под воздействием третьей стороны, и через конечное время, и вовсе прекращают информационные атаки.

В первом случае, следует ожидать трансформацию информационной войны в горячую фазу, во втором – она менее вероятна, в третьем же - она вовсе исключена. Разработанная математическая модель информационной войны, кроме теоретического интереса имеет также и важное практиче-

ское значение. Она позволяет, на основе наблюдений и анализа, уже на ранней стадии информационных атак, установить истинные намерения каждой из сторон и характер развития информационной войны. *В свою же очередь, международные миротворческие организации, при желании, могут почерпнуть рекомендации по стратегии ведения информационной политики, для воздействия на антагонистические стороны, с целью прекращения ими информационной войны.*

В качестве приложений разработанной теории следует отметить, что информационную войну, включая ее и горячую фазу (период активных военных действий), *протекавшую в 2008 году между Россией и Грузией, можно вполне описать нашей не превентивной моделью, где первая сторона – Россия, а вторая Грузия. Запоздалое реагирование со стороны международных организаций на разгоревшуюся информационную войну, не имело воздействия на стороны, и они интенсивно продолжили информационную войну, которая позднее трансформировалась в горячую фазу (военные действия). Анализ полученных результатов показал, насколько велика ответственность международных миротворческих организаций по предотвращению эскалации информационной войны.*

Разработанная математическая модель информационной войны позволяет также сделать важный вывод о том, что международные организации, которые постоянно бдительны и оперативно контролируют свои действия (превентивный оперативный подход), могут потушить любую информационную войну, которая ведется между странами, пусть даже сильно разнящихся по мощи и информационному оружию.

Из математической модели вытекает, что во время российско-грузинской информационной войны 2008 года международные организации, представленные соответствующими миссиями в Грузии (ООН, ОБСЕ) не оказались на должном уровне, чтобы вовремя охладить пыл сторон, что могло предотвратить горячую фазу противостояния. По всей видимости, международная комиссия, созданная для изучения причин российско-грузинской войны, под руководством Х. Тальявини, обвинив обе стороны, не вполне учла ответственность и самих международных организаций, обязанных проводить миротворческую деятельность, в первую очередь, превентивного характера, по предотвращению эскалации информационной войны между антагонистическими сторонами.

Помимо, чисто теоретического интереса, математическое моделирование информационной войны имеет и прикладное значение. Она позволяет предвидеть развитие информационного противостояния конфликтующих сторон на основе анализа начальной, ранней стадии информационной войны. Это может позволить какой-либо стороне конфликта, скорректировать свою тактику и стратегию ведения информационной войны в случае необходимости, ради обладания превосходства в противоборстве или достижения другой поставленной цели. Что же касается международных организаций, которые преследуют миротворческие, в корне отличающиеся от антагонистических сторон цели, то они смогут, спланировать свое эффективное участие в противостоянии сторон. Их стратегия и тактика, построенная на рекомендациях, полученных из анализа математической модели информационной войны, позволит с большой вероятностью положить конец этой войне.

В качестве модельных задач для численных экспериментов (компьютерное моделирование), в частности, могут быть рассмотрены: информационные войны между Россией и Украиной, Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией и т.д.

Применение математической теории игр к анализу международных отношений свидетельствует о переходе от традиционного историко-описательного (интуитивно-логического) подхода к операционально-прикладному (аналитико-прогностическому), то есть делает науку о международных отношениях более прикладной (и в определенном смысле – более зрелой). Теория игр позволяет “оцифровать” некоторые параметры международных отношений, и тем самым перейти к использованию объективных методов их анализа.

В 2005 году лауреатами Нобелевской премии по экономике стали математик Роберт Ауманн и экономист Томас Шеллинг – за то, что они **«обогатили наше понимание конфликта и сотрудничества»**

через анализ с помощью теории игр». Первый из них занимался проблемой сотрудничества и конфликтов с точки зрения математики, второй – с точки зрения экономики.

Теория игр – математическая теория анализа стратегического поведения (взаимодействия сторон), широко применяемая в общественных науках, объясняет логику рационального поведения индивидуумов в условиях конфликта интересов, т.е. **когда стороны борются за соблюдение своих интересов. В интерпретации Роберта Ауманна теория игр послужила научной основой для построения стратегий экономического развития, решения задач разрешения конфликтов и налаживания сотрудничества [8, 9].**

Основной принцип, которым руководствовались ученые гласит: «Длительные отношения между конкурирующими субъектами могут породить между ними сотрудничество, для которого нет оснований в случае одного контакта. Другими словами, долгосрочные отношения между противоборствующими сторонами создают общие интересы и предпосылки для сотрудничества» [10].

Бывший премьер-министр Республики Сингапур, один из создателей сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю отмечал: «Если вам нужен экономический рост, с соседями лучше не воевать, а торговать».

Как известно, на Южном Кавказе, к сожалению уже несколько десятков лет действуют конфликты, как между государствами, Арменией и Азербайджаном, как и внутри Грузии (Абхазия, Цхинвальский регион) с чередованием военного конфликта и политического «мирного» противостояния.

Нами были разработаны новые математические модели экономического сотрудничества между двумя политически (не военное противостояние) взаимно противоборствующими сторонами (возможно страны или страна и её юридический субъект), которые учитывают экономическое или другого типа (экология, пандемия и т.д.) сотрудничества между частями населения сторон, направленные на сближение сторон и мирное разрешение политического конфликта [11, 12].

В математических моделях подразумевается: в первом случае, что процесс экономического сотрудничества свободен от политического давления, т.е. правительства сторон и внешние стороны не вмешиваются в этот процесс, во втором случае – правительства обеих сторон мешают процессу экономического сотрудничества, в третьем случае – правительства обеих сторон и третья внешняя сторона поощряют процесс экономического сотрудничества, в четвертом случае – правительство одной стороны препятствует, а правительство второй и внешняя стороны способствуют сотрудничеству и наконец в пятом случае – третья внешняя сторона (возможно международные экономические структуры или международные миротворческие организации) через большие инвестиционные проекты стараются ввести в экономическое сотрудничество агрессивно настроенные части населения сторон.

Например, в первом случае, получена система уравнений, описывающая динамику частей населения сторон, ориентированных на сотрудничество. В случае некоторой зависимости между постоянными коэффициентами модели, найдено точное аналитическое решение, которое позволяет в рамках данной математической модели определить условия, при которых экономическое сотрудничество сможет мирно разрешить политический конфликт.

Во всех пяти (возможно и больше случаях, например для осуществления больших инвестиционных проектов возможно введение со стороны склонных к экономическому сотрудничеству представителей диаспор сторон или одной стороны, правительство которой не расположено к разрешению конфликта) случаях через параметры управления можно определить условия, при которых возможно разрешение конфликтов, т.е. определение минимальных экономических инвестиционных влияний с внешней стороны (минимизация внешних финансовых затрат).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы живем в мире сложных эпидемиологических, экологических, экономических, политических, социальных процессов и по-видимому, их полномасштабное междисциплинарное математическое и компьютерное моделирование, единственный путь по качественному и количественному прогнозированию последствий этих событий.

На примере математического моделирования в социальной сфере (информационные войны; политические конфликты) нами показана инновационность и эффективность этого подхода. Заинтересованные стороны могут использовать результаты исследований и смоделировать тактику своего поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] В. И. Арнольд. Теория катастроф. М.: Наука, 1990, 128 с.
- [2] V. Pareto. Anwendung der Mathematik auf National-ökonomie. Encyclopedie der Mathematischen Wissenschaften, Band I, Heft 7, S. 1114.
- [3] Г. Хакен Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2003, 320 стр.
- [4] Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / 3-е изд. / Синергетика: от прошлого к будущему. № 3. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с.
- [5] Чилачава Т.И., Кереселидзе Н.Г. Математическое моделирование информационных войн. Информационные войны, 2011, #1(17), стр. 28-35.
- [6] Chilachava T.I., Kereselidze N.G. Optimizing problem of mathematical model of preventive information warfare. Informational and Communication Technologies-Theory and Practice: Proceedings of the International Scientific Conference ICTMC-2010 USA, Imprint: Nova, 2011/2012, pp. 525-529.
- [7] Chilachava T., Karalashvili L., Kereselidze N.G. Integrated Models of Non-Permanent Information Warfare. International Journal on Advanced Science, Engineering, Information and Technology (IJASEIT), 2020, vol. 10, #6, pp. 2222-2230.
- [8] Aumann R., Katznelson Y., Radner R., Rosenthal R., Weiss B. Approximate purification of mixed strategies. Mathematics of operations research, 1983, vol. 8, #3, pp. 327-341.
- [9] Aumann R., Hart S. Handbook of Game Theory with Economic Applications, 1st Edition. Amsterdam, Elsevier, 2002, vol. 3, 890 pg.
- [10] Aumann R. Repeated games with incomplete information, 1st Edition. The MIT Press, Cambridge, 1995, vol. 1, 360 pg.
- [11] Chilachava T., Pochkhua G. Conflict resolution models and resource minimization problems. Applications of Mathematics and Informatics in Natural Sciences and Engineering. Springer Proceedings in Mathematics & Statistics, 2020, vol. 334, pp. 47-59.
- [12] Chilachava T., Pochkhua G. Mathematical and computer models of settlements of political conflicts and problems of optimization of resources. International Journal of Modeling and Optimization (IJMO), 2020, #10(4), pp. 132-138.

ВАХТАНГ МАИСАЯ

Доктор политических и военных наук;

Профессор Кавказского международного университета;

Член ассоциации политических наук Польши;

Профессор Варшавского Университета гуманитарных наук;

Международный эксперт международного аналитического центра CIRSA;

Руководитель международной программы пост-докторантуры по геополитике и геостратегии (Республика Польша)

ВОЙНА ЗА НАГОРНЫЙ КАРАБАХ И ЕЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНА И ДЛЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Война между двумя странами вокруг Нагорного Карабаха закончилась внезапно и, хотя не велась на уровне «государство против государства» формально, а де-юре велась по принципу «государство против не-государственного актора», она имела огромный резонанс на глобальном политическом уровне и через некоторое время станет побудителем становления нового международного порядка. Хрупкий мир пришел в регион и, в частности, в конфликтную зону, хотя у обеих сторон (имеется ввиду Азербайджан и Армения) имеется своя интерпретация тех процессов, которые развивались в ночь с 9-го по 10-ое ноября. В целом следует проанализировать в стратегическом плане именно эти процессы и сделать соответствующие выводы и возможные развития сценариев. В этом контексте, можно применить академическую модель методологии анализа и пойти в двух конкретных направлениях. Здесь можно обратиться к методологии безопасных наук (*security studies*), в частности к теории секуризации «Копенгагенской Школы». По этой теории, на данном этапе, безопасность разделяется на пять кругов безопасности, среди которых самыми важными являются политическая и военная безопасность. Именно в контексте этих двух кругов безопасности следует рассмотреть и проанализировать ситуацию вокруг Нагорного Карабаха. Начнем с военной безопасности. В этом контексте, следует выделить с точки зрения военной политологии три уровня анализа: **геостратегический, гросстратегический (Большая военная стратегия) и военно-стратегический уровень (оперативно-стратегическая планирования)**. Итак, рассмотрим те события, которые уже произошли начиная с 27 сентября по 10 ноября и которые происходят сейчас или произойдут в будущем.

Геостратегический уровень анализа военной безопасности (по методологии военной политологии): как известно, сам термин «Геостратегия – это военный анализ процессов международной и глобальной политики» прямо указывает, в каком контексте следует проанализировать те процессы, которые происходили вокруг Нагорного Карабаха. Если подытожить вкратце итоги этой войны можно сказать, что существует важный момент - межгосударственной войны между Азербайджаном и Арменией, удалось избежать. Началась миротворческая операция (хотя насколько это истинно миротворческая операция — это вопрос смотрите дальше, и о том, что начнется такая операция я говорил еще 9 ноября, за день до начала этой операции)³. То, что и Турция будет участвовать, — это неоспоримый факт, вопрос в уточнении деталей. А у Азербайджана возникает вероятность геополитического торга с Россией. Армянская сторона до последнего надеялась на внешнее вмешательство, на то, что война станет межгосударственной, что заставит вмешаться и Турцию, и Россию. Они действительно вмешались, но не так, как думали в Ереване. Турция и Россия не захотели участвовать в войне друг против друга. Так что реализуется совместный план миротворческой операции, благо, у турок и россиян есть такой опыт в Сирии. Что касается именно геополитических последствий этих процессов для мировой политики, то следует выделить тот факт, что уже вырисовывалась создание несколько (даже противоречивых) военно-политических союзов и блоков на фоне войны за Карабах. Среди них следует выделить следующие три блока (формальные и неформальные):

1) Военный союз – Азербайджан-Турция-Пакистан (формальный) – здесь уже вырисовывается интересный союз между Кавказскими и Центральноазиатскими странами, которые координировали свои действия во время проведения боевых операции (особенно имеются ввиду турецкие военные, которые скорее всего управляли боевыми дронами, принимали участия в планировании военных операций, занимались вербовкой наемников из числа про турецких боевиков в Сирии (в начале войны в октябре 2020 года, Президент Ильхам Алиев был вынужден отстранить начальника Генштаба ВС Азербайджана генерал-полковника Нежметтина Садыхова, уроженца Дербента, который был против участия турецких высших военных чинов в планировании военных операций. Потом его обвинили в сотрудничестве с российскими спецслужбами, кстати по настоянию турецких спецслужб, и арестовали) и предоставляли виды вооружения Азербайджану и поддержали его в войне с

³ Вахтанг Маисая «Думать о всеобъемлющем мирном договоре между Азербайджаном и Арменией пока рано»- Интервью, 16 ноября 2020 года в Media.az - https://ru.oxu.az/politics/441027?fbclid=IwAR364tbWB-OvcyZ7r9jVszvkzi_92qn7QM10RkNrVM0Djp9hsS8wvB6llbQ

Арменией (еще в 2018 году, Пакистан передал Азербайджану 5 учебных самолетов «Супер Мушак»). Кроме того, в Пакистане велась подготовка подразделений Вооруженных сил Азербайджана. Пакистан имеет богатый опыт борьбы в обычных и не конвенциональных войнах, и у пакистанских военных большой опыт и славная история в этом отношении. Этим опытом они с удовольствием делятся с азербайджанскими военными. К тому же интересен тот факт, что Пакистан и Азербайджан осуществляют уникальную координацию во всех сферах сотрудничества в области обороны, включая обмен разведанными и информацией с учетом региональных и глобальных проблем. Эти отношения в военной сфере отражаются на уровне доверия и сотрудничества на более высоких уровнях;

2) Военный Альянс-Азербайджан-Турция-Украина (пока неформальный) – в данном случае речь идет о появлении нового типа модели региональной военной безопасности в Евразии под руководством Турции, которая естественно хочет расширить свой геополитический статус, даже на уровне мирового лидерства и через такой альянс, официальная Анкара сможет этого достигнуть и через Украину конкурировать с Россией за влияние в Евразийском пространстве – объединив свой и украинский потенциал. Данный альянс фактически уже свершился во время официального визита Президента Украины Владимира Зеленского в Турцию 16 октября 2020 года. О том что, такой альянс уже в действии, ясно высказал Украинский чиновник, управляющий партнер Национальной антикризисной группы, Тарас Загородцкий, который прямо сказал: «Мы можем продавать украинские военные технологии в Турцию, и Анкара уже демонстрирует заинтересованность в них. Вопрос стратегического сотрудничества может быть решен по «дуге» Турция – Азербайджан – Украина. Это энергетическое, промышленное и торговое сотрудничество. Главное в этом – чтобы Украина выдерживала свой национальный интерес⁴». В рамках визита был подписан специальный меморандум о намерениях в сфере оборонно-промышленных проектов, особенно по линии строительства боевых кораблей, БПЛА и всех видов турбинных двигателей. С учетом ситуации в регионе, перспективными представляются проекты в производстве специальной радиоаппаратуры для армии и флота, бронемашин, ракетной техники. К тому же, Турция поддерживает стремления Украины стать членом НАТО, хотя она сама же, ведет по отношению к Альянсу своеобразно (об этом ниже). Есть намеки о появлении в Украине военно-морской базы ВМС Турции. Военного сотрудничества Украины и Азербайджана зародилось еще с созданием региональной организации ГУАМ в 1997 году, а потом этот формат помог двум странам перейти на стратегический уровень дружбы. Во время войны за Карабах, Украина твердо поддержала Азербайджан, и еще 14 сентября 2020 года Президент Владимир Зеленский подписал указ №392/2020, которым утвердил стратегию национальной безопасности. В ней в перечне государств, с которыми Украина будет развивать стратегическое партнерство, присутствует Азербайджан. Азербайджан назван страной, стратегическое партнерство с которыми служит укреплению региональной безопасности Украины и защите национальных интересов страны. Кроме того, Украина интенсифицировала переговоры о Зоне свободной торговли с Турцией, а наряду с углублением отношений с Азербайджаном это может стать импульсом к сотрудничеству в формате Анкара-Баку-Киев. Украина и Азербайджан сотрудничают на основе взаимовыгодных интересов в сфере военно-технического сотрудничества, в частности, Украинские предприятия предлагают услуги по модернизации азербайджанской авиационной техники, станций радиотехнической разведки «Кольчуга». Интерес для Азербайджана представляют украинские разработки противотанкового вооружения – например, ПТРК «Корсар». Также перспективы имеет сотрудничество в рамках производства комплектующих для боеприпасов, используемых азербайджанской артиллерией. В свою очередь Украина имеет интерес к закупке боеприпасов для стрелкового оружия и средств ближнего боя в Азербайджане. Значение в современных боевых операциях беспилотных летательных аппаратов, и успехи в развитии этого вида вооружения в обеих странах, создают еще одно перспективное направления для углубления украино-азербайджанского сотрудничества. В ближайшее время Укра-

⁴ Тарас Бурнос «Турция поддерживает деокупацию Крыма», 16 октября 2020 года «Голос Америки», <https://www.golosameriki.com/a/zelensky-erdogan-declaration/5624510.html>

ина получит из Турции корветы класса «Ада». Что касается стратегического партнерства Турции и Азербайджана, то оно началось в 2010 году, подписанием Договора о стратегическом партнерстве и взаимопомощи. Статья 2 договора гласит, что если одна из сторон подвергнется вооруженной атаке или агрессии со стороны третьего государства, или группы государств, то стороны окажут взаимную помощь с использованием всех возможностей. А статья 3 предусматривает тесное сотрудничество в оборонной и военно-технической политике. Именно в рамках этого договора, Турция, в ночь с 16 на 17 июля, 2020 года, Турция поставила Азербайджану шесть ударных оперативно-тактических средневысотных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Bayraktar TB2 собственного производства. Фактически стороны оформили двусторонний военный альянс в противовес российско-армянскому, в том числе по линии ОДКБ. Некоторое время назад в Турции объявили, что турецкие компании ASELSAN и Turkish Aerospace Industries (TUSAS) заключили контракт на сумму в 240 млн. USD на предмет поставки авионики для одной анонимной страны в течении 2019-2023 года. В начале 2019 года уже сама ASELSAN подтвердила крупный контракт на модернизацию системы связи ВВС Азербайджана, которая затронет все основные типы стоящей на вооружении авиатехники – вертолеты Ми-24, Ми-35М, Ми-8, Ми-17, штурмовики Су-25 и истребители МиГ-29. В январе 2019 первые два модернизированных Ми-24 прошли успешные испытания. Так что, тройственный союз возможно расширяться за счет Грузии, с которой Азербайджан и Турция оформили еще в 2010 году неформальный политический союз, где предусмотрено сотрудничество в военной сфере. Хотя это маловероятный сценарий. В 2016 году 20-го июля Президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал специальный указ о передаче ВС Турции военного городка «Гызыл Ширак» и авиабазы «Насосная» вблизи Баку для строительства турецкой военной базы для нужд ВВС Турции и в скором будущем новая база откроется уже в Нахичевани;

3) Военно-политический союз – Россия-Турция – этот формат уже опробован еще в 2016 году, когда были созданы предпосылки для этого, которые включали в себе осуществление крупного ядерного энергетического проекта (строительство в Турции АЭС «Аккую») стоимость проекта примерно в \$2 млрд. и соглашения о закупке Российских С-400 «Фаворит», стоимость в \$2.5 млрд. К тому же, 22 октября 2019 году в Сочи был подписан «Меморандум о взаимопонимании между РФ и Турецкой Республики» о начале совместного патрулирования в Сирии и о создании совместного механизма мониторинга и верификации для обзора и координации (подобный механизм был реализован уже в контексте осуществление совместной операции в Нагорном Карабахе – об этом ниже) и в рамках этих договоренностей был предусмотрен обмен разведанными между Турцией и Россией (при планировании совместных действий в Сирии, был осуществлен обмен разведывательной информацией между пунктом управления ВКС РФ в районе Хмеймим и центром управления ВВС Турции). Точно такое же соглашение, еще более укрепило военно-политический союз двух государств – имеется ввиду факт, когда, 11 ноября 2020 года Министр обороны России Сергей Шойгу и глава военного ведомства Турции Хулуси Акар подписали меморандум о создании совместного центра по контролю за соблюдением режима прекращения огня и всех военных действий в Нагорном Карабахе. Центр будет вести сбор, обобщение и проверку информации о соблюдении режима прекращения огня, а также станет органом для рассмотрения жалоб, вопросов или проблем, связанных с нарушениями договоренностей. Фиксирование нарушений будет происходить с помощью визуального наблюдения, использования беспилотных летательных аппаратов, а также оценки данных из других источников. Данный союз направлен против США и их интересов как на Кавказе, так и на Ближнем Востоке. Также интересный факт, что парламенты обоих государств Турции и России одновременно дали согласия на участие своих ВС за пределами своей страны.

Отдельно следует выделить вопрос, в чем заключалось участия России в конфликте и как она может продвинуть свои геостратегические интересы, участвуя в Нагорном Карабахе на глобальном и региональном уровнях. Кстати символическим жестом стало следующая деталь, которую сделал Президент РФ Владимир Путин (Президент Путин любит мистику и придает очень большое значение

символике), когда 10 ноября 2020 года, еще утром, примерно в 10 часов утра, подписал трёхсторонний договор о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе (по этому договору, именно российские военные будут наблюдать за исполнением подписанных документов и контролировать прекращение огня в течение следующих пяти лет и именно пограничники ФСБ будут осуществлять контроль за работой Лачинского коридора между Карабахом и Арменией и аналогичного коридора между Азербайджаном и Нахичеванской Автономной Республикой), примерно в 16:00 того же дня подписал договор о создании пункта материально-технического обеспечения Военно-морского Флота России в Судане и уже примерно в 8 часов вечера, Путин подписал указ о создании нового защищенного пункта управления ядерными силами (вероятнее всего на базе проекта «мертвой руки»). Вот и вся геостратегия России на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Но все же в чем заключались геостратегические задачи РФ в участии в событиях вокруг Нагорного Карабаха, здесь следует выделить четыре такие задачи:

- 1**) Используя геостратегический способ «военной превенции» остановить дальнейшее продвижение вглубь ВС Азербайджана в Нагорный Карабах и остановить боевые действия в пределах г. Шуши (военный метод-операция «принуждению к миру»);
- 2**) Изгнание, разоружение и даже ликвидация наемных боевиков и джихадистов, которые появились с началом боевых действий в Нагорном Карабахе – о таких силах сообщал шеф СВР России Сергей Нарышкин и, наверное, не случайно;
- 3**) Усилить свое военное присутствие на Южном Кавказе и монополизировать геостратегическую дугу: Черноморье-Кавказ-Ближний Восток-Магриб;
- 4**) Остановить военную экспансию Турции в регионе, путем военного присутствия или выгодного баланса сил для России.

Следует сказать, что России на данном этапе, удалось лишь осуществить первую, третью и отчасти четвертую задачу. Отдельно следует выделить, именно в геостратегическом, а не в геостратегическом контексте, осуществлении Генштабом РФ именно военно-стратегической операции «принуждения к миру», а не «миротворческой операции», как об этом говорилось. Дело в том, что, операции по миротворчеству осуществляют в основном «незаинтересованные» или независимо-нейтральные стороны, а в этом случае имело место полная заинтересованность России в конфликте – как союзницы по ОДКБ и по двусторонним договорам с Арменией, и как стратегического партнера Азербайджана. Кстати, во время проведения миротворческой операции ВС нейтральных стран используют, в основном, оружие для защиты, а не для атаки. Можно констатировать и тот факт, что РФ начала проводить операцию «принуждение к миру» несколькими часами ранее до того, когда был подписан договор о мире между сторонами – скрытый военно-стратегический маневр (методы переброски войск для маневренных боевых действиях были отработаны еще в августе 2020 года во время проведения военных маневров оперативно-стратегического уровня «Кавказ-2020», когда из ЦВО были переброшены на ВТС Ил-76 и Ил-80 части ВДВ на Северный Кавказ) осуществленный ВС РФ, переброска к границе Армения-Иран вызвало опасения со стороны Азербайджана и был задействован ответный удар, при котором и был сбит ударный вертолет МИ-24 («крокодил»), который сопровождал боевую колонну. Скорее всего это вызвало реакцию со стороны Кремля и был поставлен ультиматум Азербайджану о скорейшем прекращении боевых действий, который был скорее всего принят с учетом реакции России на сбитый штурмовик СУ-24М в Сирии. Моделью такой операции можно считать аналогичную операцию, которая была в реальности прямой военной агрессией в отношении Грузии в августе 2008 года (именно так называют в масс-медиа России вторжение российских ВС в Грузию – операция «по принуждению к миру»). Следует также принять во внимание и другую аналогичную операцию, осуществленную Генштабом ВС РФ в 1999 году в Косово – осуществив скрытый оператив-

ный маневр, сухопутным путем, силами российских десантников в составе миротворческой бригады в Боснии (600 человек и роты 45-ой бригады ГРУ) для захвата аэродрома в Приштине до прихода миротворцев, укомплектованными силами НАТО.

То, что это именно это операция по «принуждению к миру», а не миротворчество следует из того, какие силы и виды вооружения Генштаб РФ привлек для осуществления данной миссии. Формально по договору от 10 ноября 2020 года, Азербайджан и Армения обязуются остановиться на занятых позициях, а также должны произвести обмен военнопленными. В Нагорный Карабах были введены российские миротворцы в количестве 1960 военнослужащих, 90 бронетранспортеров, 380 единиц техники. Хотя состав военных сил, который участвуют в этой операции очень интересен. Эти силы включают в себе следующие части:

1) 15-ая отдельная мотострелковая бригада (миротворческая) Центрального военного округа, которая формально считается миротворческой бригадой, но на самом деле это боевое подразделение, которое непосредственно принимало участие в гибридной войне в Украине, в частности в Луганске, в ходе боевых действий с частями ВСУ в 2014 году, а до этого еще имеет опыт поддержания мира в зоне грузино-абхазского конфликта с 2005 по 2008 год и, что интересно, принимала участие в боевых операциях против частей ВС Грузии в августовской войне 2008 года;

2) 31-я десантно - штурмовая бригада Центрального военного округа. Это формирование тоже имеет огромный боевой опыт (сводная батальонная тактическая группа 31-й бригады участвовала в августовской войне 2008 года, а до этого принимала непосредственное участие в военных кампаниях в Чечне). Особое внимание в подготовке 31-й бригады уделяется миротворческой специфике и навыкам выполнения задач невоенными методами: ведением переговоров, демонстрации присутствия и готовности к силовому решению проблем;

3) 45-я бригада спецназа ГРУ Генштаба ВС РФ, самая засекреченная военная часть, которая выполняет самые секретные задачи военной стратегической разведки РФ, и которая имеет чрезвычайно богатый боевой опыт. Интересно, что делает такая часть в Нагорном Карабахе, если это по выражению российских СМИ т.н. «миротворческая операция», а не операция по «принуждению к миру»;

4) 102-ая военная база и скорее всего части объединенной коалиционной группировки Армении и России, которая была сформирована в 2019 году на базе Московского договора от 2017 года.

И так, с боевыми частями, которые участвуют в Нагорном Карабахе и которые разделены в двух зонах оперативного развертывания «Юг» и «Север» с 25-тью наблюдательными пунктами (смотреть Карту№1), мы уже ознакомились, теперь посмотрим вооружение, которое они используют в Нагорном Карабахе. Следует отметить тот факт, что для боевой поддержки группировки ВС РФ были выделены БМП и «Грады», которые являются штурмующими видами вооружения и были выделены средства - новейший РЭБ «ЛЕЕР-3» и несколько разведывательно-ударных БПЛА «ОРЛАН-10» (смотреть фото№1). Сам комплекс «Леер-3» технически состоит из одного автомобиля «КаМАЗ» с соответствующей начинкой и двух (трех) БЛА «Орлан-10». Расчет комплекса - 4 человека. Комплекс специализируется на сетях сотовой связи стандарта GSM. Особенностью комплекса является доставка средств РЭБ и РТР к цели с помощью беспилотников «Орлан-10». Беспилотник имеет радиус применения в 120 км, время нахождения в воздухе - 10 часов. Высота полета - 5 км, скорость: макс - 150, крейсерская - 80 км/час. Беспилотник может нести различную нагрузку, в зависимости от которой может выполнять следующие действия: подавлять мобильную связь, имитировать работу базовой станции сотовой связи в диапазонах GSM 900, 1800, 2000, 2500 и отправлять ложные сообщения, обнаруживать телефоны, планшеты и т.д., ведение разведки, нанесение местоположения абонентских точек на цифровую карту, передавать данные о месте абонентских точек артиллерийским расчетам для нанесения огневого удара. Военнослужащие РФ в Нагорном Карабахе вооружены новейшими автоматами АК-12 и имеют войсковую экипировку «Ратник», также новинка ВПК РФ.

В дополнении к сказанному можно подчеркнуть и тот факт, что операция по «принуждению к миру» еще подтверждается и тем что, при осуществлении этой операции, Россия провела и другую операцию, имеется ввиду открытие военного воздушного коридора через Грузию⁵ и примерно такой же вариант, военного транзита, рассматривает и Генштаб ВС Турции для переброски своего контингента в Азербайджан для участия в совместном патрулировании с частями ВС РФ в Нагорном Карабахе.

Как видно из вышесказанного, в геостратегическом ракурсе, выявлены очень интересные моменты и процессы, которые повлияют на ход развития международной политики, будут иметь новый оборот в военно-стратегическом отношении в некоторых регионах и стимулировать другие глобальные процессы.

КАРТА №1

ФОТОН^{№1}

ПЕРЕБРОСКА УДАРНЫХ СИСТЕМ РЭБ И БПЛА ВС РФ В НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

⁵ "Абашидзе: Грузия открыла небо для российских миротворцев», Sputnik Грузии, 11.11.2020 - <https://sputnik-georgia.ru/georgia/20201111/250002510/Abashidze-Gruziya-otkryla-vozdushnoe-prostranstvo-dlya-rossiyskikh-mirotvortsev.html?fbclid=IwAR29hza717HSe9pQ8silbnx2xee37gdA8FivnZW--8dfe7cIglJCITvi-GI>

Гросстратегический уровень анализа военной безопасности (по методологии военной политологии): на этом уровне следует выделить появление в вооруженных конфликтах нового вида ведения войны, которая нигде не была апробирована ранее. И именно в боевых действиях вокруг Нагорного Карабаха он имел место и далее будет иметь огромное влияние на военную стратегическую культуру и военное искусство. Если смотреть на этот конфликт с точки зрения военной политологии, то за это время он преодолел уже четыре стадии: ограниченный военный конфликт (апрель 2016 года), военный конфликт низкой интенсивности (июль 2020 года), гибридная война (август-сентябрь 2020 года) и, наконец, нынешняя локальная война (подобная война имеет ограниченные военно-стратегические цели и миссии и ведется одним государством против другого лимитированными военными средствами и силами, масштаб охвата военных действий при этом тоже остается ограниченным и локальным) имела место во время военной фазы с 27 сентября по 10 ноября 2020 года. По военно-политологической классификации, после локальной войны следуют полномасштабная война, региональная война и, наконец, коалиционная война. И уже сейчас можно с большой вероятностью прогнозировать перерастание конфликта в региональную войну с участием России и Турции. Серьезную почву для подобного прогноза дает проникновение зоны военных действий на территорию обоих государств. Например, средства РСЗО Армянских ВС подвергли сильнейшему обстрелу второй по величине город Азербайджана – Гянджу, где Гянджа стала главным гравитационным центром этой войны⁶. Следует отметить, что в основе Гросстратегии лежат принципы военной стратегии. Военная стратегия – наиболее консервативная часть военного искусства, и она в меньшей степени подвергается изменениям, нежели тактика и оперативное искусство. Она является результатом изучения как собственного, так и чужого опыта войн, военных конфликтов, результатом появления новых видов вооружения и военной техники⁷. Надо подчеркнуть прямо, что военная борьба вокруг Карабаха развивалась на принципах Войны четвертого поколения (ВЧП). В контексте ВЧП следует признать, что такие формы вооруженной борьбы, которые характерны для нынешней эпохи (имеется ввиду 21-го века), как: терроризм, партизанская война и другие подобные методы сопротивления, стали основой нового этапа военного искусства. Важно, что подобные методы сосредотачиваются не столько на военных способностях врага, сколько непосредственно против воли врага к сопротивлению. Все операции ВЧП должны преследовать эту цель. В наиболее развитой форме ВЧП вообще нет никаких реальных сражений, а есть борьба эффектов: кто сможет просчитать эффекты более высоких порядков, тот и выиграет в ВЧП. В качестве основных характеристик ВЧП эксперты отмечают следующее: – конфликт ассиметричен: один из участников конфликта – транснациональная организация (причем не связанная с каким-либо конкретным государством, в противном случае, по мнению экспертов, имеет место мятеж, который всегда имел межнациональные элементы), а второй – традиционное государство; – основной целью стратегии действий негосударственного игрока является не силовое разрушение государства, а разрушение государства нравственно, то есть, лишение его руководства и населения желания продолжить борьбу⁸.

В целом следует выделить, что ВЧП – это особый тип военного конфликта, которые включают в себе следующие элементы:

- Использование высоких военных технологий (БПЛА, сетцентричность, высокоточное оружие, РЭБ и т.д.);

⁶ Вахтанг Маисая «Тупик безопасности. Что сделано неизбежным столкновение Армении и Азербайджана», 7 октября 2020 года, The Insider - <https://theins.ru/opinions/vahtang-maisaya/235582?fbclid=IwAR2IMcygmj8bZ9QVXi8OjHDmSwJAVaY0n89Hh2M5o-RefUGWnDqLsqAviC8>

⁷ Смотрите детально: <http://militera.lib.ru/science/kapitanetz/02.html>

⁸ Сергей Гриняев «Войны 4-го Поколения (4GW)» опубликовано в «Военные конфликты малой интенсивности – малые войны второй половины 20-го века», Центр стратегических оценок и прогнозов, 12 ноября 2010 года - <https://war-conflicts.livejournal.com/3879.html>

- Прямой удар по культуре и идеологии врага;
- Изошренная психологическая война и пропаганда, особенно посредством манипуляций в СМИ, интернет-троллей, ботов и законных действий;
- Использования краткосрочных и высокой интенсивности боевых атак на врага для создания подрывности, навязывания своей инициативы, выявления чувствительных зон и истощения врага⁹;
- Происходит в конфликте низкой интенсивности, в котором участвуют субъекты из всех сетей;
- Терроризм (тактика) - происходит в конфликте низкой интенсивности, в котором участвуют субъекты из всех сетей пользование повстанческой тактики в качестве тактики подрывной деятельности, терроризма и партизанской войны¹⁰;
- Ненациональная или транснациональная база - сильно децентрализованная;
- Децентрализованные силы;
- Некомбатанты — это тактические дилеммы;
- Комплексный и долгосрочный военное противостояние;
- Используются все доступные давления - политические, экономические, социальные и военные¹¹.

Здесь тоже обязательно подчеркнуть то, что главными целями ВЧП являются две главные задачи и цели:

- Выживание
- Убедить лиц, принимающих политические решения, врага в том числе, что их цели либо недостижимы, либо слишком дороги для предполагаемой выгоды.

Именно такую модель использовали при проведении военных операций сторонами во время этой войны вокруг Нагорного Карабаха. В этом контексте, следует обрисовать и привести конкретные военные факты, которые подтверждают правоту того тезиса, что нынешняя война вокруг Карабаха велась по принципам и по вышеприведенным элементам ВЧП в рамках Гросстратегии. Вот конкретные факты для размышления:

- Война велась формально между ВС Азербайджана и негосударственным актором – «Силами обороны Арцаха» (т.н. «НКР» сепаратистским режимом Нагорного Карабаха) - Ненациональная или транснациональная база - сильно децентрализованная;
- В войне были применены ударные, разведывательные и т.н. «камикадзе» дроны - Bayraktar TB2, Alpagu, Orbiter и Sky-Striker, РСЗО «Полонез», ОТРК «Искандер-М» и т.д. - Использование высоких военных технологий;
- Участие в военном конфликте наемников, джихадистов-боевиков, ополченцев и представителей военных частных компаний - некомбатантов — это тактические дилеммы и происходят в конфликте низкой интенсивности, в котором участвуют субъекты из всех сетей;

⁹ William Lind "Understanding Fourth Generation War" in "Military Review", September-October, 2004 – see: <https://pdfs.semanticscholar.org/6a5b/b09bc4b54074b08799be962a6da02c9b9169.pdf>

¹⁰ Вахтанг Маисая и Алик Гучуа «НАТО и Негосударственные агрессивные религиозные акторы (ДАИШ, Талибан, Аль-Кайда) – война четвертого поколения и ее аспекты региональные и национальные безопасности (2010-2019)», Кавказский международный университет, Тбилиси, 2020, стр.57

¹¹ «Война четвертого поколения», смотрите детально https://ru.qaz.wiki/wiki/Fourth-generation_warfare

- ВС Азербайджана провели фактически военную стратегическую операцию «Блицкриг» в условиях 21-го века и применили новые тактические оперативные наработки – захват г. Шуши с помощью разведывательно-диверсионных групп и тактических подгрупп глубинной разведки, оперативное время операции составило примерно 2 месяца - использование краткосрочных и высокой интенсивности боевых атак на врага для создания подрывной деятельности, навязывание своей инициативы, выявления чувствительных зон, истощения врага и терроризм (тактика).

Главный вывод этой части исследования заключается в том, что война в Нагорном Карабахе была первым прообразом типологии ВЧП (кстати одним из разработчиков этой теории, которую позже применили ВС Азербайджана, был военный специалист Джангир Араслы из самого Азербайджана, еще в 2001 году). В дальнейшем именно по схеме и стилю ВЧП будут проходить будущие военные конфликты и этот факт должны принять во внимание представители Генштабов почти всех ВС государств, а в первую очередь военное командование Сил Оборона Грузии.

Военно-стратегический уровень (оперативно-стратегическая планирования на примере ВС Азербайджана – Case-study): здесь следует разобраться в той стратегии, которую начало реализовывать военное командование Азербайджана, начав военные действия 27 сентября, которые разрабатывались, примерно, два месяца до начала войны, с помощью турецких военных инструкторов, которые в свою очередь использовали военный опыт ВС Турции в военной кампании в Сирии. До начала четвертой войны между Арменией и Азербайджаном, военный потенциал обоих ВС и их вооружений были следующими: по данным, электронного издания «Военно-Промышленный Курьер»¹², на 2020 год, Азербайджан имела в своем арсенале танков- 570 единиц, около 500 боевых машин и БТР, фактический весь арсенал РСЗО и артиллерийских установок (в том числе, «Пионы», Грады, «Смерчи», Т-300 Kasirga, израильские LAR и так далее) и весь арсенал беспилотников, в том числе ударных (в основном турецкого производства Bayraktar TB2 и Alpagu, а также, скорее всего, оставшиеся израильские ударные дроны Orbiter и Sky-Striker). Войска ПВО Азербайджана насчитывали в своем составе около 130 ЗРК разных типов, из которых около 20 большой дальности – С-300ПМУ2 и С-200. Среди остальных можно отметить некоторое количество современных ЗРК израильского производства «Барак-8» (9 ПУ) и SPYDESR. ЗРК войск ПВО Азербайджана опирались на развитую сеть радиолокационных постов, создающих над районом боевых действий радиолокационное поле. В целом ВС Азербайджана насчитывало в своем составе около 67 тысяч человек на начало сентября 2020 года и около 300 тысяч военно-обученного резерва. Основу азербайджанской армии составляли сухопутные войска общей численностью мирного времени около 57 тысяч человек.

Армения имела в своем арсенале следующее: в рядах ВС было 65 тыс. военнослужащих, плюс «Силы обороны Арцаха» (военизированные формирования сепаратистского режима Нагорного Карабаха) - 15 тыс. человек, ВВС имели примерно 76 единиц, боевые танки - 410 единиц, бронетехника – 988 единиц, артиллерия – 465 единиц (в том числе 6 комплексов ИТРК «Искандер-М»), РСЗО – 102 единиц. В это же время, **Армения серьезно обновила свои вооруженные силы и боевую технику. Ереван договорился с Москвой о выделении примерно 200 млн долларов, и на эти деньги были приобретены** зенитные комплексы среднего радиуса действия «Бук-М1-2» и малого «Тор-М2КМ». Для вооружения пехотинцев были закуплены переносные «Игла-С» и «Верба», а также противотанковые ракеты «Корнет-Э», аппаратура радиоэлектронной борьбы. В декабре 2019-го в страну поступили первые четыре из 12 заказанных многоцелевых истребителей Су-30СМ. К тому же, еще в 2016 году, уже после пятидневной войны, Армения получила оперативно-тактический ракет-

¹² Общероссийская еженедельная газета «Военно-промышленный курьер» 29 сентября-5 октября 2020 года №37(80), стр.02, https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_37_850.pdf

ный комплекс «Искандер» с дальностью примерно 280 км. Эта дальность дает определенную возможность держать под прицелом значительную часть территории Азербайджана, включая объекты стратегического значения и военные инфраструктурные здания вокруг столицы Баку. Военный бюджет Армении в 2019 году составил около 528,7 млн долларов, по сравнению с 468 млн долларов в 2018 году. К тому же уже в 2017 году, согласно двустороннему российско-армянскому договору на основе 102-й российской военной базы и 5-го армейского корпуса вооруженных сил Армении была создана объединенная группировка. К тому же, по принятой еще в 2007 концепции военной доктрины Армении, было прямо записано, что Армения признавала Нагорный Карабах в системе своей военной политики и целью было оборонять этот регион от Азербайджана. Вооруженные силы Армении, в свою очередь, тоже готовились к началу военных действий, исходя из опыта июльских боев и августовских маневров. Они тоже скрытно подтянули оперативный резерв в Нагорный Карабах, стянули системы ПВО и радиоэлектронной борьбы, начали создавать 1-ую армейскую группу. Армения, которая поддерживает Нагорный Карабах, недавно приобрела в России более современные и более мощные, чем МиГ-29, истребители Су-30. В составе армянских ВВС их всего восемь единиц, но и их официальный Ереван не стал отправлять на поддержку формирований НКР.

Сопоставление боевого состава ВС Азербайджана и Армии обороны Нагорного Карабаха свидетельствует о том, что первые имели подавляющее превосходство в силах и средствах. Только по танкам, силы можно считать в количественном отношении сопоставимыми 1:1,5 в пользу Азербайджана, но если учесть качественную сторону, то превосходство азербайджанцев достигает 1:3–1:3,5. По ББМ соотношение в пользу азербайджанской армии еще больше – 1:4, по артиллерии и средствам ПВО – 1:5 и 1:8 соответственно с учетом качественных показателей, по противотанковым средствам, боевой авиации и БЛА – абсолютное превосходство. Армения могла усилить ВС НКР, перебросив в республику танки, ББМ и ПТРК. Однако количество техники, которой располагала Армения, невелико и существенно изменить неблагоприятное соотношение сил в зоне НКР этот шаг не смог.

Так что, перед ВС Азербайджана и ее стратегическим командованием ставились очень сложные оперативно-стратегические задачи – прорвать оперативную и стратегическую оборону вокруг Нагорного Карабаха и выйти на выгодный оперативный простор. Еще во время июльских событий обе стороны очень внимательно присматривались друг к другу, прощупали слабые места в планировании боевых операций и недостатки военного планирования, и на основе этих данных активнее готовились к войне. Особенно это касается высшего военно-политического руководства Азербайджана, которое извлекло из того военного конфликта соответствующие выводы и оперативно приняло меры по усилению военной мощи своих вооруженных сил. За короткое время – примерно за месяц – полтора – Баку, по моему предположению и личному мнению, смог создать ударную военную группировку, вероятнее всего, на основе трех военных корпусов (2, 3 и 5) в количестве 55 тысяч человек. Для этого пришлось объявить частичную мобилизацию резервистов, сосредоточив примерно 220 боевых танков. При этом Азербайджан ограничился в использовании средств ВВС, хотя страна обладает довольно крупными воздушными силами - в прошлые годы страна получила более 20 истребителей МиГ-29 и 11 штурмовиков Су-25. Кроме того, на вооружении стоят 12 ударных вертолетов Ми-24, не менее 24 Ми-35 (глубоко модернизированной версии Ми-24) и ОТРК. При этом Баку не воспользовался ПВО. Это можно объяснить тем, что стратегическая военная разведка Азербайджан, скорее всего, выявила факты (скорее всего с помощью турецких военных спецслужб) и получила информацию о слабом расположении военной техники ВВС Армении в окрестностях Нагорного Карабаха и в малом числе у Сил Обороны НКР беспилотников, то есть их очень мало и поэтому они не используются в активном режиме. Все это стремительное наращивание мощи делалось скрытно. Баку утверждает, что Азербайджану пришлось идти в наступление – это дело случая, вынужденная реакция на провокации со стороны армянских формирований (кстати, Министерство обороны Ар-

мени в свою очередь твердит об обратном). Но все же были основания для предположения, что Азербайджан действительно не успел завершить создание оперативного резерва до начала военных действий.

В начале военной кампании перед группировкой были поставлены следующие военно-стратегические цели (и в каком-то смысле и оперативно-стратегические цели) – развертывание и наступление по двум главным фланговым направлениям: южное – Физули-Джабраил (глубина прорыва примерно 30-60 км), северное – Мартуни-Агдам-Мартакерт (глубина прорыва 40-70 км). Группировка также должна была нанести отвлекающий (вспомогательный) удар в сторону горы Муровдаг и других горных высот, которые примыкают к Нагорному Карабаху.

Азербайджан провел полноценную заблаговременную и непосредственную подготовку войск к началу боевых действий, создав на направлениях главных ударов мощные группировки войск и сил. Главная цель, которая стояла перед ВС Азербайджана, – освободить пять из семи оккупированных территорий в зоне так называемой «подушки безопасности», а также захватить и по возможности укрепиться на территории самого Нагорного Карабаха (примерно в пределах 20 км) и использовать эту площадку, как оперативный плацдарм. Об этом в начале октября, 2020 года, напрямую высказался президент Азербайджана Ильхам Алиев, когда он открыто сообщил, на каких условиях прекратит военные действия его страна и остановит войну, конкретно он заявил что, Армения должна «в полном составе и немедленно» вывести войска с территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР)¹³. Другая цель – также оперативно-стратегическая – нарушение сообщения между Нагорным Карабахом с Арменией, чтобы сорвать обеспечение НКР, в том числе военное. И, разумеется, азербайджанские военные должны были максимально воспользоваться фактором внезапности, сохранить оперативное преимущество в военной технике и в стратегической инициативе в течение 7-10 дней и удержать высокий темп наступления. Что в итоге и было отлично реализовано и ВС Азербайджана сумели выполнить вышеуказанные задачи и цели в очень короткое время и успешно.

Что касается военно-стратегических целей ВС Армении, то они заключались, в основном, в стратегической обороне Нагорного Карабаха и так называемой «подушки безопасности», а также в том, чтобы методом активной обороны и «кинжальных» контрударов, измотать силы противника и восстановить статус-кво по состоянию до начала военных действий 27 сентября 2020 года.

Кстати говоря, военное командования, заранее начав оперативно-стратегическую операцию по уничтожению противника одним ударом, правильно и грамотно выбрало конкретный центр гравитации (этот военный термин означает главные удары и места притяжения военных действий воюющих сторон) – которым стал г. Шуша и ее окрестности и выбрало как вспомогательный центр – Агдам и его окрестности.

Именно так можно суммировать и проанализировать стратегию и примерно сделать первые аналитические наброски, в каком контексте и как велись боевые действия в Нагорном Карабахе и почему победили ВС Азербайджана в этой войне.

¹³ «Алиев назвал условие прекращения боев в Нагорном Карабахе», 30 сентября 2020 года, 15:44 - <https://lenta.ru/news/2020/09/30/aliev/>

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ЭТОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ГРУЗИИ

/ краткое резюме – вместо послесловия /

Из той очень непростой геостратегической ситуации, которая уже сложилась в регионе следует выделить соответствующие геополитические выводы:

1) После усиление и начала российской военной операции по «принуждению к миру» в Нагорном Карабахе, Грузия оказалось в плотном геостратегическом окружении или в «кольце» со всех сторон. С севера на оккупированных территориях Абхазии и Цхинвальского региона 7-я и 4-я военная база, а в подчинении ЮВО, в плотную к границам Грузии, примыкают три Армии – 49-я, 58-я и 8-я. С запада – военный контингент ударных сил в Нагорном Карабахе, в Азербайджане. С юга – военная 102-я база и коалиционная группировка ВС Армении и России. С запада – в море патрулируют боевые корабли и подводные лодки Черноморского флота и действует неформальный альянс Турция-Россия. Из этого «кольца» Грузия сможет выйти только с помощью стратегических друзей, если вовремя подоспеет помощь;

2) С началом ввода российских ВС в Нагорный Карабах и после подписание соответствующего договора, где обговариваются создание т.н. «прострельных транзитных коридоров» - Армения-Лачин-Степанакерт и Нахичевань-Армения-Азербайджан (смотрите Схему№2) и где предписано в течении 3-х лет осуществить стратегические инициативы (попросту говоря, новые геоэкономические проекты под руководством России и Турции), появляются новые схемы по меридиану «Север-Юг», в контексте дуги: Россия-Армения-Иран-Персидский Залив и далее. А по линии «Восток-Запад» осуществления геоэкономической линии: Азербайджан-Армения-Турция под надзором ФСБ РФ. В этой связи, уже озвучены конкретные шаги для реализации этого проекта. Власти Турции намерены построить железную дорогу, которая свяжет территорию страны с Азербайджаном, заявил министр транспорта и инфраструктуры Адиль Караисмаилоглу. По словам Караисмаилоглу, после начала пандемии Турция вложила в развитие своей транспортной инфраструктуры, в том числе в модернизацию и строительство железных дорог, \$5,7 млрд и намерена стать «логистической супердержавой», подключив к железнодорожным магистралям ряд портов и увеличив пропускную способность объединяющего железные дороги Турции, Грузии и Азербайджана коридора Баку — Тбилиси — Карс (БТК). В 2020 году был подписан межправительственный азербайджано-турецкий меморандум о взаимопонимании по проекту железнодорожной линии Карс — Ыгдыр — Нахичевань¹⁴. Железная дорога, возможно, пройдет вдоль границы Ирана-Армении (смотрите Схему№3) и позиция Ирана по поводу начала операции «принуждения к миру» со стороны ВС России была более чем позитивная - «Иран готов оказать содействие в размещении российских миротворцев в Карабахе, как это предусмотрено пунктами совместного заявления Армении, Азербайджана и России о прекращении огня в регионе»¹⁵ - было заявлено МИД-ом Ирана. Здесь уместно вспомнить о возможной «реабилитации» т.н. «Абхазской железной дороги», которая через Грузию свяжет РФ с Ираном и через иранский южный порт Бендер-Абасс с Персидским Заливом. Этот факт очень важен с точки зрения реализации Китайского геоэкономического проекта «Один путь, один пояс», особенно ее морского варианта, который при благоприятном стечении геополитических обстоятельств может пройти через Персидский залив в сторону Кавказа и потом через Россию в Центральную и Западную Европу (смотрите Карту№2). А это уже выход на уровень геополитического союза Москва-Пекин в реализации геоэкономического проекта. В этой схеме явно вырисовывается интересные сплетения геополитических интересов Китая, России, Ирана и Турции. Естественно, эти интересы идут врозь с интересами ЕС и США;

¹⁴ «Турция объявила о намерении построить железную дорогу в Азербайджан», РБК, 12 ноября 2020 года - https://www.rbc.ru/politics/12/11/2020/5fad07149a7947f689ccce79?fbclid=IwAR3nM-BswCCm3ZcWJe_pQrv-dGph_SwdGNadnTzIqalUDpxsYF35humH4r0

¹⁵ Радио Sputnik, 10 ноября 2020 года

3) После соответствующих событий, начиная с 10 ноября 2020 года, уже появились контуры новой модели региональной безопасности на Кавказе, по формуле: «2+2» (2 – Азербайджан и Армения, 2- региональные гегемоны Россия и Турция). Здесь, как уже видится, нет места для Грузии, которая может иметь только статус «сателлита» в балансе сил между региональными гегемонами. Об этом говорил Президент Азербайджана Ильхам Алиев еще в 29 октября 2020 года во время интервью российскому агентству «Интерфакс»¹⁶. И здесь вырисовывается не очень интересная роль, и если Тбилиси не активизирует свою внешнюю локальную политику – т.е. «Кавказскую», то много потеряет.

СХЕМА№2 / КОРРИДОРЫ

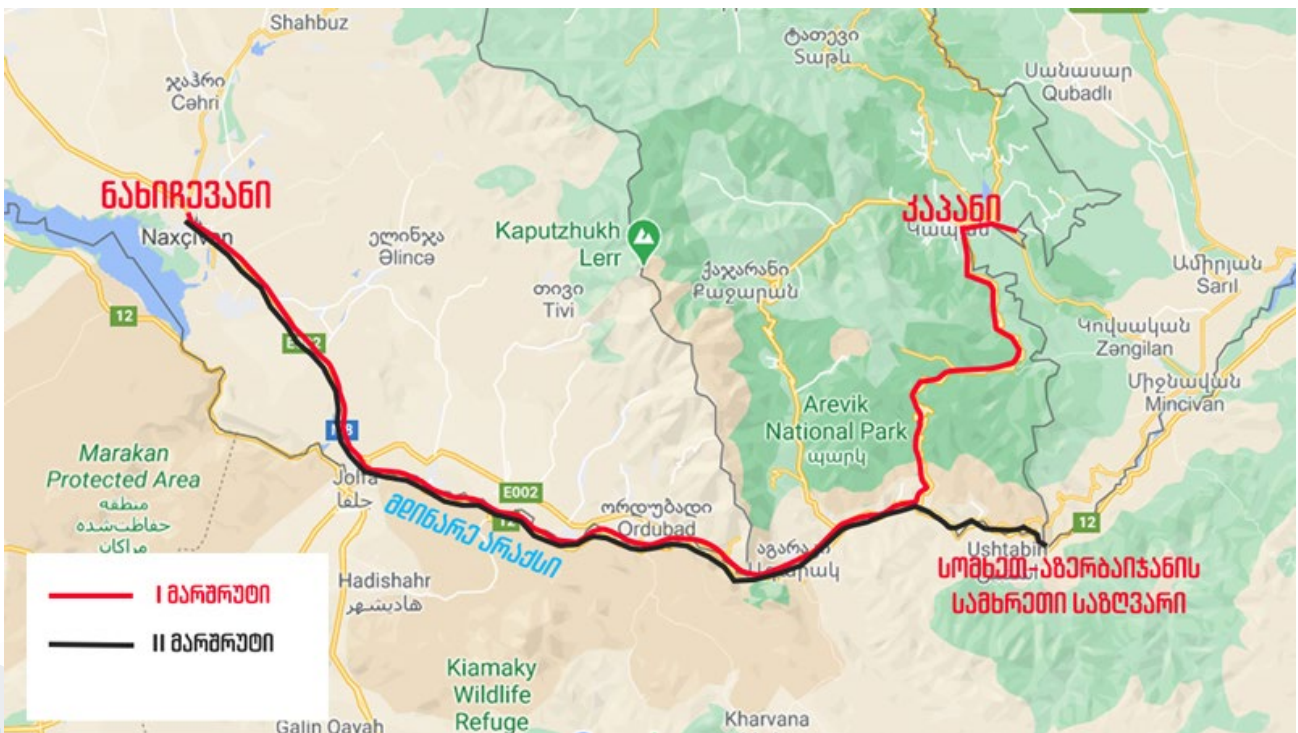

16 Президент Ильхам Алиев дал интервью российскому агентству «Интерфакс», 29 октября, 2020 года - <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3325647.html>

ПРОЕКТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НАХИЧЕВАНЬСКИЙ АР-АЗЕРБАЙДЖАН

ПРОЕКТ «ОДНА ДОРОГА, ОДИН ПОЯС» - МОРСКОЙ И НАЗЕМНЫЙ ВАРИАНТ

«ЛЖИВЫЕ НОВОСТИ» (FAKE-NEWS) И ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (INFORMATION CIVIL WAR) – НЕГАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ОСВЕЩЕНИЯ СО СТОРОНЫ МЕДИА В ГРУЗИИ:

«КРАСНАЯ ПРОПАГАНДА», КАК РИСК ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В преддверии 21-века информационная война приобрела очень важную суть и уже стала одним из влиятельных событий для повестки международной безопасности. Здесь следует упомянуть о факторе стратегической коммуникации, под которой подразумевается следующее: «синхронизация слов и дел и то, как они будут восприняты выбранными аудиториями, равно как и программы и действия, сознательно нацеленные на общение и привлечение целевых аудиторий, включая и осуществляемые посредством связей с общественной дипломатией и информационными операциями». Для эффективного осуществления стратегической коммуникации должно быть проведено тщательное исследование и достигнуто точное представление о сущностных характеристиках подлежащих комплексному воздействию (политическому, экономическому, культурному, информационно-психологическому и др.) целевых аудиторий, о разнообразной среде обитания данной целевой группы, внешних воздействиях (их истории и настоящем) и, конечно, их эффективности. Кстати стратегическая коммуникация напрямую связана с такими феноменами как пропаганда (информация, формирующая убеждение, распространение идей с целью их внедрения в сознание широких слоев и формирования позиции относительно тех или иных акций, институтов, политических ценностей, строя в целом) и агитация (деятельность индивидуумов или организаций с целью побуждения к политической активности отдельных групп или широких масс населения). Именно с такими тремя факторами следует рассмотреть на примере Грузии такое явление, как «информационная гражданская война», которая очень точно показывает и характеризует процессы и явления в пост-Советском пространстве. К сожалению, в этом пространстве еще не сформировано демократическое медиасообщество и медиакратические институты. Советское прошлое и «серая тень» зловещего т.н. «Агитпрома», жестко контролировавших медиа средства Советского Союза, все-таки довлеет над умами и деятельностью уже независимых СМИ в независимых государствах. К сожалению, советская практика журналистики, мешает внедрить западную модель независимой журналистики и принцип свободы слова и развивать методы аналитической журналистики. Такое тяжелое прошлое создает серьезные препятствия для развития медиаэтических норм и принципов, особенно в контексте доминирования т.н. «красных» и «черных» пиар и пропагандистских технологий. К сожалению, этика не противостоит программированию, она является его инструментом или ресурсом. Такая характеристика очень приемлема на примере современной Грузии, в рамках медиапространства и поэтому доминирование извне, на примере информационного вторжения, более влиятельных глобальных медиа-акторов (на примере, того же «Спутника» и RT) играет важную роль для внедрения на национальном медиапространстве контр информационных мер, в том числе в рамках стратегической концепции стратегической коммуникации НАТО. Особенное внимание следует уделить противостоянию «фейк-новостей» или «лживых новостей» именно в ракурсе информационной войны со стороны глобальных акторов (на примере Грузии можно привести яркий пример распространения т.н. «фейковых информации» по поводу Американской лаборатории имени Ричарда Лугара в Тбилиси). В статье были использованы два исследовательских метода, которые очень часто используются для медиа анализа – Дискурс-Анализ и Ситуационный Анализ.

ВВЕДЕНИЕ

В Грузии наблюдается атмосфера двоевластия, идет непримиримая борьба между сторонниками авторитарного режима Саакашвили и сторонниками демократически избранного правительства во главе с экс-премьер-министром Бидзиной Иванишвили¹⁷. На сегодняшний день, в Грузии политический кризис уже переходит в хроническую стадию с легким оттенком казуистического сарказма от юмористического журнала «Фитиль» или романа «Золотой Теленок» Ильфа и Петрова.

Примерно так обстоит дело в Грузии, в отношениях между объединенной оппозицией и правящей партией. Уже в который раз оппозиция анонсирует массовые выступления против Бидзины Иванишвили и его партии, которые бойко поддерживаются пропагандистскими телевидениями, такими как ТВ «Пирвели» (первое тв) и «Мтавари»(главное тв), в духе Советского Агитпрома и программы «Время», или в крайнем случае типа «разговоры с Юрием Жуковым» в начале 70-их годов прошлого века и уже в который раз, люди отказываются в массовом порыве выходить на улицу. И все начинается и заканчивается, как в «гонках по вертикали» (по одноименной повести братьев Вайнеров)- фактически ничем. Массово, жители Грузии или критическая масса электората, стиснув зубы, уже устав от «экспериментов» правящей партии и его беззаветного лидера Бидзины Иванишвили, приходится выбирать между двумя наихудшими сценариями – опять оказаться в застенках концлагерей или стать жертвами массовых убийств на улицах при авторитарном правителе Михаиле Саакашвили, или оказаться опять обманутыми и оставленными ни с чем при бизнесмене Бидзине Иванишвили, зато живыми, но голодными. Вечная дилемма Михаила Жванецкого «Я вчера видел раков по пять рублей, но больших, а сегодня были по три, но очень маленькие...», фактически точно показывает и отражает реальную политическую ситуацию в сегодняшней Грузии. Да люди не хотят реставрации режима Саакашвили-Бокерия, чьи политические партии «Национальная движения» и «Европейская Грузия» довлеют, а их молодежные группировки действуют, как прямые потомки атеистов-комсомольцев Советских времен, а на иконах показывают изображение Бидзины Иванишвили. Такое богохульство непостижимо для грузинского общества, вызывая еще большее прямое отчуждение большинства электората от такой оппозиции. Фактически объединенная оппозиция под руководством, в основном, бывшей правящей партии более похожа на «цирк шапито», у которой даже нет общей программы «представлений», кроме общего шатра, у которого нет зрителей. А в свою очередь, уже правящая партия «Грузинская Мечта» более похожа на кооператив «Рога и Копыта» со своими зиц-председателями, пан-Паниковскими и с Шурами Балагановыми и с величайшим Гроссмейстером, который всегда играет в шахматную партию «Е2 на Е4»¹⁸. С точки зрения политического памфлета следует, что конечно же «Цирк Шапито» со своей «программой» и кооператив «Рога и Копыта» никогда не смогут договориться, и оба «шахматиста» играют в партию эндшпиль, где одна сторона, «Рога и копыта», в виде оппозиции, выбирает цугцванг, а представители правящей партии «Грузинская мечта», выбирают патовый вариант.

После принятия новой конституции в 2019 году, Грузия перешла на новый виток политического развития, который в корне отличается от предыдущих систем (имеется в виду президентская и полу-президентская модели). Сегодня, по новой конституции, вся власть сконцентрирована в руках парламента, который уже стал главным инструментом в новой политической системе Грузии, где премьер-министр является главой государства, а президент имеет только номинальную позицию, хотя президент контролирует Силы Оборона страны, как верховный главнокомандующий, через командование Сил Оборона. Но Грузия все-таки перешла с уровня дилеммы национальной безопасности в рамках внутренней политики, к тупику национальной безопасности (этот термин был внедрен

17 <https://az.sputniknews.ru/expert/20130710/299108096.html>

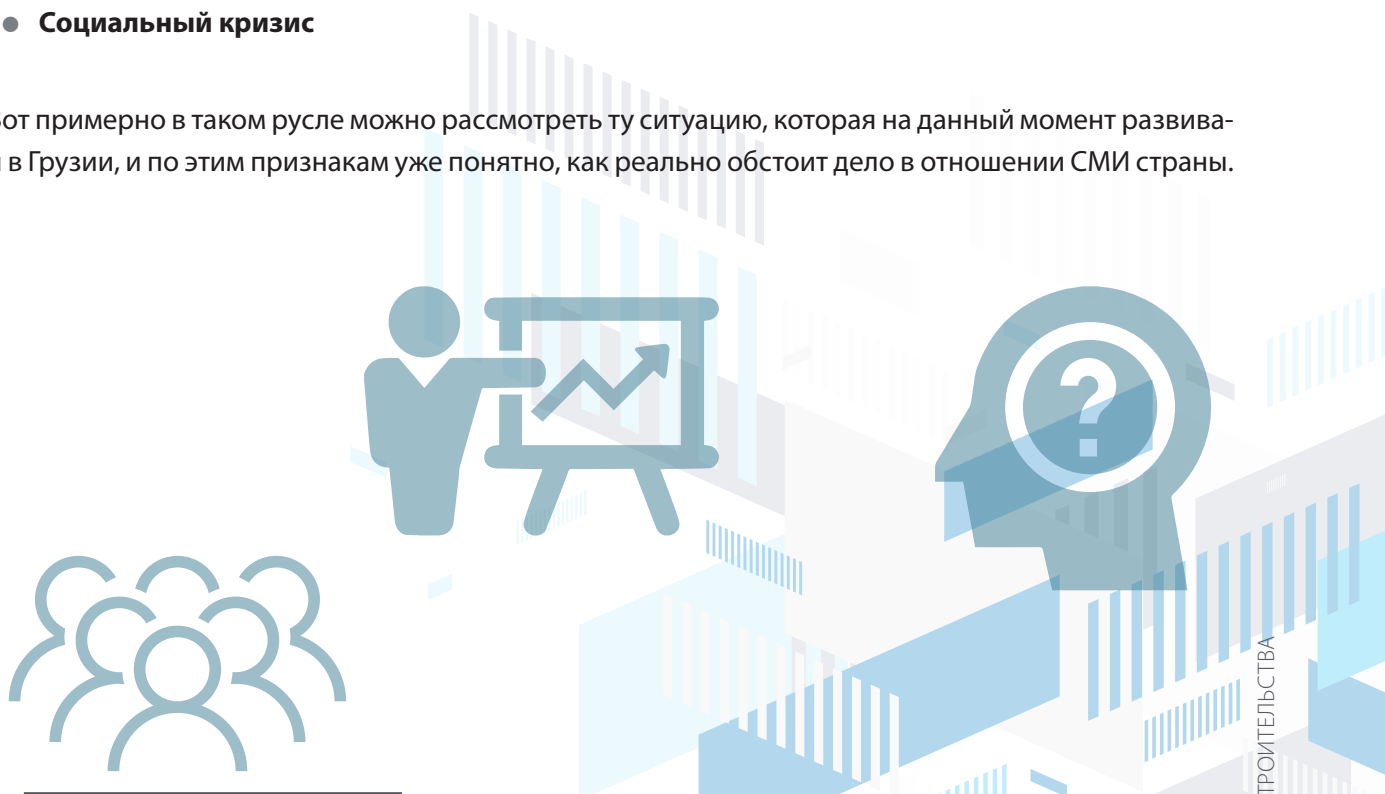
18 Илья Ильф и Евгений Петров «12 Стульев», издательство «Варгиус», Москва, 1998, страница 379

совсем недавно и под этим термином подразумевается следующее: состояние формы политического управления, когда любое решение правительства страны еще более усиливает масштабы угроз и рисков как внутри государства, так и вне его)¹⁹. Такую трансформацию политической системы условно следует охарактеризовать следующими факторами:

- **«Гибридная демократия»** - как форма политического режима²⁰. *Еще в 2010 году, когда в Грузии правил авторитарный лидер Михаил Саакашвили, страна получила статус «гибридной демократии» по «Индексу демократии стран мира 2010 года», которую составила и представила исследовательская компания The Economist Intelligence Unit. В рейтинге того года, Грузия оказалась на 103 месте среди прочих «гибридных государств»²¹. После ухода режима Саакашвили, к сожалению, ситуация не очень изменилась в лучшую сторону, так как в 2017 году Грузия заняла 79-ю строчку в ежегодном рейтинге британского исследовательского центра **The Economist Intelligence Unit**, попав в категорию стран с «переходным режимом демократии». За год Грузия опустилась в рейтинге на одну строчку²². К сожалению, прошло еще четыре года и ситуация еще более ухудшилась и при наличии нынешних ситуационных факторов, скорее всего Грузия опять вернулась к «гибридной демократии»;*
- **Системная коррупция**
- **Экономический кризис**
- **Непотизм и кумовство**
- **Социальный кризис**

Вот примерно в таком русле можно рассмотреть ту ситуацию, которая на данный момент развивается в Грузии, и по этим признакам уже понятно, как реально обстоит дело в отношении СМИ страны.

¹⁹ Guguli Magradze and Vakhtang Maisaia "The 21st Century International Politics and "Cooperation Security" Theory: Myth and Reality – Regional and Global Levels", in Georgian language, Publishing House "Universal", Tbilisi, 2017, pp.76-77

²⁰ Гибридный режим – подразумевает, что в стране сочетаются элементы демократии с элементами авторитаризма.

²¹ «В Грузии – «гибридная демократия», грузинское информационное агентство, 2010 год, Тбилиси, смотрите детально: <http://ru.saqinform.ge/news/1903/v-gruzii-gibridnaA-demokratiA-.html>

²² Ираклий Орагвелидзе «Гибридный режим как форма демократии», «Эхо Кавказа», 7 февраля, 2017 года, смотрите детально: <https://www.ekhokavkaza.com/a/29025697.html>

«ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» - НОВАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ДЛЯ МЕДИАСООБЩЕСТВА

На данном этапе следует подчеркнуть биполярность политической системы, что естественно влияет на процессы развития СМИ. Здесь следует подчеркнуть тот факт, что ожесточенная политическая борьба внутри страны, которая как сказано выше, приводит к установлению политического режима «гибридной демократии» в стране. В свою очередь такой режим провоцирует создание по линии СМИ т.н. «гибридных медиа», которые можно охарактеризовать в политическом смысле, как использование авторитарных инструментов и технологий по отношению к свободным СМИ на всех уровнях со стороны конкретных политических акторов внутри страны (правительство, политические партии, спецслужбы и т.д.). При таком режиме в Грузии фактически уже развязана т.н. «Гражданская кибервойна», особенно это касается социальных и электронных медиа и деятельности СМИ в этой сфере. И данный пассаж является реальностью. «Гражданская кибервойна» — это новый термин, который содержит элементы информационной войны и является очень опасным явлением не только в Грузии, но и во всем мире. По мере того, как политические процессы и электронные СМИ переходят на новейшие технологии, угроза становится все сильнее с каждым днем. Политика кибербезопасности, с гражданской точки зрения, требует постоянного обновления, уточнения и разработки эффективных программ, а также правдивого, целенаправленного информирования общественности. Если рассмотреть пример Грузии и проанализировать события, то можно четко увидеть признаки психологического террора со стороны СМИ. Именно в этом контексте следует выделить и очертить новый термин, который применим и к современной Грузии в рамках тех процессов, которые происходят в медиакратических структурах страны. Здесь следует упоминать термин – информационная гражданская война, в котором следует подчеркнуть и фактор фейк-информации (лживые новости). И как можно определить данный термин, применимо к Грузии – информационная гражданская война: тенденция перерождения медиакратических процессов в русло пропаганды и политизированной агитации, где борьба ведется на искоренение и даже виртуальное и физическое уничтожение других средств массовой информации, путем осуществления методов т.н. «черной» и «красной» информационной и пропагандистской войны, в угоду конкретным политическим партиям и движениям. В такой гражданской войне главный акцент приходится на методы политической агитации, «удушение темы» (это переключение внимания аудитории, достигаемое разными способами)²³, распространение «фейк-новостей» и «перекручивание» темы до максимальной крайности. К тому же осуществляется полная монополизация или даже олигополизация медиaprостранства в пользу конкретных политических целей и задач. Введя новый термин для обсуждения проблематики медиасообщества как на локальном, так и на глобальном уровнях, следует определить главные факторы и инструменты такой войны и на примере Грузии, выявить суть их действия в реал-политической ситуации. Среди них следует выделить следующие факторы и инструменты:

- **Политическая цензура** – здесь подразумевается т.н. «косвенная цензура» под эгидой использования т.н. «черных списков» респондентов, которые должны быть блокированы и не допущены к эфиру ни в коем случае. Такие «черные списки» (экспертов, журналистов, политиков и т.д.) действуют в грузинских политизированных средствах СМИ (в том числе и на про-оппозиционном телевидении) уже давно. Кстати, технологию внедрения таких списков со стороны правительственных структур, на примере Центра Национальной Безопасности и Управления Кризисами в Грузии, раскрыли независимые эксперты, которые сами попали в эти списки, еще в 2015 году²⁴;

²³ Д. Ольшанский и В. Пеньков «Политический консалтинг», ЗАО издательский дом «Питер», Москва, 2005 год, стр.177

²⁴ Vakhtang Maisaia "Contemporary Georgian Mass-Media Still in Transition: Problems, Challenges and Opportunities – Foreign Policy vs. Policy" in bulletin "The Media Is the Message – Shaping Compromise in the South Caucasus", Band 12/2016, Study Group Information, Vienna, April 2016, pp.32-33

- **Политическая ангажированность** – полный контроль информационной и редакционной политики СМИ со стороны или под диктовку конкретных политических акторов;
- **Политический шантаж**
- **Агрессивная политическая агитация в рамках медиасообщества**
- **Агрессивный «красный пиар» и пропаганда**
- **Агрессивный «черный пиар» и пропаганда**
- **Перекручивание темы**
- **Психологическая медиа-война внутри страны** – это война ведется с жесткими боевыми действиями и высказываниями, но в медиа-пространстве гражданскими лицами, а не военными, как это делается в рамках настоящей психологической войны;
- **«Фейк-новости» и информационные манипулирования**
- **Политическое медиа-киллерство**
- **Ярый политический антагонизм к противнику и глубокая неприязнь**
- **Манипулирование общественным мнением** и распространение заранее фальшивых социологических опросов
- **Идеологическая обработка конкретными политическими партиями средств масс-медиа, в основном это касается телевидения и социальных медиа**
- **«Удушение» информационной темы.**

Кстати говоря, исходя из вышесказанного, можно привести конкретный пример, в рамках метода «мини-ситуационного анализа» (Case-study), как ведется «информационная гражданская война» в Грузии посредством инструмента – психологической медиа-войны, которая ассоциируется с заявлением Гендиректора ТВ «Имеди» (о том на чьей стороне «воюет» это телевидение, смотрите ниже) объявившего миссией данного канала войну против другого «Главного канала» и политической партии «Единое национальное движение» (ЕНД). Заместитель генерального директора ТВ «Имеди» считает главной миссией телекомпании борьбу с «Главным каналом», с Никой Гварамия (генеральный директор ТВ «Главный канал» - примечание автора) и «ЕНД». В аудиозаписи, которую опубликовала грузинская Хартия журналистской этики, Лалиашвили прямо заявил журналисту телекомпании «Маэстро», входящей в холдинг «Имеди», что «война еще больше обострится» и что каждый сотрудник телевидения должен быть вовлечен в эту войну. «Война началась сейчас и как я наблюдаю, к сожалению, в ближайшие месяцы эта война обострится больше, будет больше безумства, среди которого главным ударом будут экономические темы» – говорит Лалиашвили²⁵. Именно так выглядит в Грузии сценарий «информационной гражданской войны», который более детально следует рассмотреть в контексте специального метода исследования, используемого при анализе деятельности СМИ.

²⁵ «Гендиректор ТВ «Имеди» объявил миссией канала войну против «Главного канала» и ЕНД», лента новостей «Грузия-Online», 09.10.2020, 13:33, смотрите: <https://www.apsny.ge/2020/soc/1602275636.php>

МЕТОД ДИСКУРС-АНАЛИЗА «ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» В ГРУЗИИ

С политической точки зрения наиболее важной дифференциацией СМИ является их разделение на: правительственные, оппозиционные и независимые. Выделение этих категорий СМИ показывает наличие разных, в том числе противоположных задач, которые постоянно присутствуют на информационном рынке. В самом общем плане такая структура показывает, что никакие, в том числе правительственные, постановления не обладают монополией в информационном пространстве, предполагая наличие сил, намеренно действующих в целях дискредитации и ослабления влияния официальных властей. При этом независимые СМИ могут усиливать как про, так и антиправительственные позиции или занимать самостоятельную позицию, критически оценивая деятельность и тех и других сил²⁶. Как раз именно такая картина просматривается в отношении Грузии и здесь приемлема такая схема по разделению СМИ, в том числе телевизионных. В данном случае, можно разделить и коротко охарактеризовать нынешние грузинские СМИ (в основном телевидения), а именно конкретно вот в таком разделении:

Оппозиционные и подконтрольные конкретным политическим партиям СМИ: после 2012 года в Грузии было создано двухполюсное телевидение. Если раньше, в условиях фальшивой демократии, они были однополярными- почти все телеканалы были рупором правительства, появились три телеканала: «Главный канал», «ТВ Пирвели» и «Формула». Пришедшая к власти в 2004-ом году партия «Единое национальное движение» насильственно сменило руководство ТВ «Имеди» и «Маэстро», а телевидение «Иберия» вообще исчезло. После потери власти «Национальное движение» сохранило за собой «Рустави-2», которое фактически было орудием для распространения фейковых новостей. После того, как телеканал был возвращен законному владельцу решением Европейского суда, в обществе возникло ожидание того, что СМИ будет так или иначе сбалансировано, но вместо одного телеканала, работающего по распространению фейковых новостей, появились три. Как известно, «Главный канал», в основном, подчиняется экс-президенту Михаилу Саакашвили, «Формула» финансируется, разыскиваемым экс- министром обороны, Давидом Кезерашвили, а «ТВ Пирвели» принадлежит подозреваемому в отмыывании денег Автандилу Церетели.

В личных интересах этих трех, так называемых владельцев СМИ, во что бы то ни стало, победить «Грузинскую мечту» и Бидзину Иванишвили. Они этого не скрывают. Любой гражданин может иметь политические амбиции, это главная ценность демократии, но нападать на государство и мечтать о свержении государственных структур уже недопустимо. Владельцы «ТВ Пирвели» и «Главного канала» при поддержке наемных журналистов, у которых также есть личные интересы, маскируются под т.н. «независимые СМИ», чтобы спасти собственный бизнес, уйти от правосудия и тем более прийти к власти посредством запрещенной тактики. В этом контексте следует выделить например частные «заказы» раскрутки политиков или экспертов, заказы на «удушение темы», защиту информационных и лоббистских интересов самих владельцев телевидения и т.д. Им нужно прийти к власти только для мести (кстати к этой категории пропагандистского медиасообщества принадлежит и ТВ «Кавкасия» под руководством Давида Акубардия), в основном это касается т.н. «оппозиционного», а не про-правительственного медиа ТВ сообщества, которые находятся под большим влиянием главных оппозиционных партий Грузии и эта тенденция продолжается до сих пор. Фейковому торренту, запущенному трехговым медиа мутантом, кажется, периодически противостоят два телеканала - «Имеди» и «ПосТВ», но в этом случае мы получаем второй полюс, то есть противоположную сторону СМИ.

Основным правилом является то, что оппозиция должна противостоять правительству в любой стране, но этого не происходит в Грузии, здесь мы имеем дело с политическим саботажем, сеянием

²⁶ А.И. Соловьев «Политология – Политическая теория, политические технологии», издательство «Аспект-Пресс», Москва, 2000, стр.405

нигилизма и паники, с попытками междоусобиц как в социальных сетях, так и в реальной жизни, в связях с общественностью. Благодаря современным передовым технологиям мы существуем в двух измерениях - кибер-измерении и реальном измерении, поэтому мы вводим новый термин в политический словарь: «гражданская кибервойна» (этот термин ввел в политический обиход молодой грузинский политолог, доктор политических наук, Торнике Зеделашвили). Что подразумевается под «гражданской кибервойной»? Первое, то, что так называемая оппозиция пропагандирует агрессию и междоусобицы в Грузии на этих трех телеканалах, которые объединены в один канал. Никаких особых наблюдений или исследований не требуется, любой поймет, что для всех трех «фронтов» тексты, программы, стиль доставки информации, контент или последовательность обрабатываются в одной точке, а затем распадаются, как марафон под эгидой свободы слова. Фактически в Грузии уже созданы антителевизионные и антижурналистские пространства, где происходит информационный саботаж и психологический террор населения.

По официальным данным, только Facebook используют 2 миллиарда 700 миллионов человек в мире. В Грузии - 2 миллиона 500 тысяч. В целом, большинству людей старше 50 лет трудно отличить фейковые новости, распространяемые в социальных сетях или других СМИ. Ситуация в Грузии в этом плане очень плачевная - около 90% пожилых людей находятся в «плелу» телевидения в регионах, и тому есть две причины: здесь уже есть проблема ментальности; во-вторых, началась интернетизация регионов Грузии, но еще далеко то время, когда у населения будет надлежащее образование и широкий выбор, то есть доступ к разнообразным источникам информации, альтернативные варианты. Именно для таких слоев населения действительно предназначена продукция «гражданской кибервойны» и ключ к фейковым новостям²⁷.

Правительственные СМИ: на другой стороне «информационной гражданской войны» стоят тоже политизированные масс-медиа средства, тоже в основном телевидения, которые управляются правящей партией «Грузинская Мечта», где действует специальная партийная информационно-аналитическая структура контролирующая такие телевидения как «Маэстро», «Имеди» и «Пост-ТВ». Существует специальный советник при правящей партии «Грузинская мечта», который, лично, через свои каналы контролирует именно эти уже проправительственные медиа средства. Так что, де-факто и в принципе де-юре (в виде существования специального советника по медийным делам в правящей партии, в ранге пиар-консультанта правящей партии, которым является господин Лаша Нацвлишвили).²⁸ Интересным фактом, подтверждающим такой расклад, является то что, во время пертурбаций в правящей партии «Грузинская мечта», в январе 2021 года, когда председатель партии и неформальный лидер страны, миллиардер Бидзина Иванишвили анонсировал свой уход из политики навсегда, как раз новым заместителем председателя правящей партии и членом Политсовета был избран генеральный директор Первого Общественного Телевидения Василий Маглаперидзе, который руководил главным государственным телевидением в течении почти 8 лет и теперь понятно, в каких масштабах доминировала правящая партии над медиапространством страны²⁹. Естественно, фактическая монополизация, правящей партии, которая фактически стала такой компрадорской группой, которая существует только за счет договоренности между несколькими кланами, уже привела к созданию в Грузии политического режима, которую можно назвать «гибридной демократией»³⁰. В

²⁷ Tornike Zedelashvili "Cyber War – A Modern Threat to National Security and A New Dimension of Political Conflict", PhD Dissertation Thesis in Georgian, defended at Caucasus International University (CIU), on 14 December 2020, Tbilisi, Georgia, pp.124-125

²⁸ «Грузинская мечта» сегодня проведет съезд для избрания нового председателя и политсовета партии», суббота 16 января 2021 года, 01:19, «Новости-Грузии» информационное агентство, смотреть: newsgeorgia.ge

²⁹ Смотрите там же

³⁰ Рауф Оруджев «Теневой правитель соседней страны покидает политику», 14 января 2021 года, «PressKlub», Республика Азербайджан, смотрите: <https://pressklub.az/?p=74901&lang=ru&fbclid=IwAR2xDzJOrIdoYrQaHj0X55xn20oFV9PxBK9QBG7cABQImMO4EXGVfY-rSegA>

условиях такого режима проходит данная «информационная гражданская война», где правящая партия и объединенная оппозиция политически «терроризируют» медиапространство, едва оставляя маленькую брешь для истинно плюралистических медиа-сообществ.

Следует отметить тот факт, что политизация медиапространства в Грузии ассоциируется с авторитарным режимом Михаила Саакашвили (2005-2012), когда тогдашнее руководство страны переняло «технологии Путина» по захвату и монополизации всей медиакратии, в том числе не только телевидения, но радиовещания и печатных изданий. Кстати, первая пропагандистская медиа компания была создана еще в 2001 году во время правления второго президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Такой медиакомпанией была ТВ «Рустави-2». Именно «Рустави 2» с самого начала была пропагандистской организацией. Политизацию этой телекомпании произвел ныне покойный премьер-министр Грузии Зураб Жвания. Далее, по словам одного из экспертов, экс-президент Михаил Саакашвили и его подопечные превратили «Рустави 2» в пропагандистский телеканал. *«После «Революции роз» (2003 года) телеканал стал прямым рупором государственного авторитаризма, а с 2012 года был личным телевидением Михаила Саакашвили, в котором журналистам-пропагандистам платили самые высокие гонорары»*³¹. На сегодняшний день, к сожалению, вопрос в отношении «Рустави-2» не снят с повестки дня, так как латентное влияние правящей партии в Грузии «Грузинской Мечты» все еще довлеет, как тень «Отца Гамлета» над этой медиа-компанией.

Независимые СМИ: как на всякой войне, т.е. «А la guerre comme a la guerre» (на войне, как на войне) есть свои «зеленые», те представители СМИ, которые соблюдают правила свободного слова и этику журналистики, не принимают участие и не склоняются ни в одну сторону в «гражданской информационной войне». Пока в Грузии индекс свободной прессы (согласно ежегодному исследованию международной организации по защите прав СМИ «Репортеры без границ» (Reporters Sans Frontières – RSF), свобода прессы в Грузии несколько улучшилась, но положение страны в Индексе свободы прессы остается неизменным)³² поддерживается за счет истинно независимых СМИ, в основном печатных изданий, информационных агентств и радиостанций. В Грузии в этом смысле можно выделить еженедельную газету «Резонанси», радиостанцию «The Georgian Times», медиа-холдинг «Квирис палитра» (в нее входит телевидение, радиостанция и еженедельная газета), медиа-холдинг «Объективи». Более объективно ситуацию в Грузии освещают региональные телевидения, у которых более высокие этические нормы поведения и они менее подвержены политическому давлению. Даже радиостанция «Имеди», которая является подконтрольной структурой медиа-холдинга «Имеди», который входит в подконтрольное правительством СМИ, является более нейтральной. Именно так можно охарактеризовать те тенденции, которые развиваются в стране и они останутся таковыми в течение среднего периода времени.

³¹ Георги Картвели «Медийное поле Грузии переформируется на фоне борьбы за «Рустави-2»», 14 августа 2019 года, Dalma News, смотреть: <http://dalma.news/ru/midiynoe-pole-gruzii-pereformatiruetsya-na-fone-borbi-za-rustavi2/>

³² «Рейтинг Грузии в Индексе свободы прессы 2020 г», civil.ge, 21.04.2020 – 19:16, смотрите детально: <https://civil.ge/ru/archives/347933>

«ЛЖИВАЯ ИНФОРМАЦИЯ», КАК ТЕХНОЛОГИЯ «КРАСНОЙ ПРОПАГАНДЫ» - СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СМИ ГРУЗИИ

В деле становление свободной прессы и журналистики, в преодолении тех проблем и вызовов, которые стоят перед национальными СМИ, важную роль играет борьба с «фейк-нюсами» (лживой информацией). Как раз одним из главных орудий для ведения информационно-психологической войны является распространение «фейк-нюсов» и ведение пропаганды специального назначения. В свое время был введен специальный термин «информационное оружие - это средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывания из них необходимой информации после преодоления систем защиты, ограничения или воспрещения доступа к ним законных пользователей, дезорганизации работы технических средств, вывода из строя телекоммуникационных сетей, компьютерных систем, всего высокотехнологического обеспечения жизни общества и функционирования государства»³³ в обиходе политических жаргонов, которое как и следовало ожидать из дефиниции этого термина содержит компонент «фейк-нюсов». В академических кругах концепция «фейк-нюсов» была определена в теории «манипулирования информацией», которая была сформулирована Стивеном МакКорнаком. В 1992 году господин МакКорнак опубликовал две статьи, признанные основополагающими в теории манипулирования информацией. В своей первой статье Маккорнак излагает основы этого теоретического варианта для изучения феномена создания и передачи обманных сообщений³⁴. Одна из главных целей теории заключается в том, что отправитель выбирает определённые факты в сообщении из доступного объёма информации, но пропускает, изменяет или фальсифицирует другие.

Исходя из вышесказанного, можно разделить по такому признаку следующие виды «фейк-нюсов», как в свое время российский политехнолог в своей книге «Политический консалтинг» классифицировал в рамках политического консалтинга, виды и формы ПР (Паблик рилейшнз – Public Relations). По такой классификации можно выделить следующие виды «фейк-нюсов»:

1) «Желтый фейк-нюс» - новость, которая вымышлена, *не имеет* ничего общего с реальностью и имеет целью опорочить главного актора, для кого и подготовлена данная информация, к тому же другой целью является полная дискредитация этого актора;

2) «Серый фейк-нюс» - новость, которая в какой-то степени соответствует реальности, *но в основном преподносится дезавуировано, то есть высвечивает* не самые важные и часто не имеющие отношения конкретно к теме, но влияющие на репутацию актора (политику, политическому институту, эксперту и т.д) *моменты*;

3) «Черный фейк-нюс» - по аналогии «черного ПР», уместно заметить, что это новость, выдуманная для компрометации конкретного актора (политика, организации и т.д.) в глазах общественности, настраивает против него массовое сознание. В основном, такая новость имеет цель запустить невероятную ложь и спровоцировать мощную провокацию, с последующими последствиями;

4) «Красный фейк-нюс» — *это* специфическая новость или специально созданная новость, которая имеет целью создать завуалированную угрозу и передать конкретный мессидж актору, в виде латентного влияния и манипулирования массовым сознанием общества (международное и национальное сообщество).

В этом ракурсе также надо выделить интересную «привязанность», такого феномена «фейк-нюса», каковым является пропаганда. Как известно, термин «пропаганда – информация, формирующая убеждение, распространение идей с целью их внедрения в сознание широких слоев и формирования

³³ Н.П. Шеховцов и Ю.Е. Кулешов «Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве», «Вестник» АВН№1 (38), Москва, 2012, стр.35-40

³⁴ McCornack "Information manipulation theory"; Communication Monographs 59, 1992, pp.1-16

позиции относительно тех или иных акций, институтов, политических ценностей, строя в целом»³⁵ и уже понятно, что пропаганда связана с информацией и в купе с «фейк-ньюсами» вырисовывает очертание появления нового инструмента информационно-психологической войны. Некоторых исследователей, занимающихся вопросами пропаганды, можно условно разделить на две группы: во-первых- авторы, изучающие теоретико-исторический аспект пропаганды, во-вторых- исследователи, выбравшие объектом своего изучения теорию современного информационного воздействия либо практическую организацию такого информационного взаимодействия³⁶. Авторы второй категории фактически подтверждают правильность постулата, что связь пропаганды и информационной войны подтверждается множественными исследованиями и пропаганда составляет ядро современной информационно-психологической войны³⁷. Из этого можно сделать интересный вывод, что пропаганда уже стала невоенным компонентом ведения боевых действий в условиях психологической войны, и что такой вид войны могут вести и негосударственные акторы на примере «Исламского Халифата» на уровне конкретной террористической организации.

Именно в таком контексте, в процессе корреляции феномена «фейк-ньюс» с пропагандой, можно ввести новый термин более четко отождествляющий смысл информационной войны в нынешних реалиях. Имеется ввиду, использование термина – «красная пропаганда». Под этим термином подразумевается – «активная и агрессивная насаждение конкретной идей с помощью разных инструментов, в том числе «красных фейк-ньюсов», информационно-психологической войны с целью запугивания и низвержения врага и его полного идеологического разлома». Как именно действует эти механизмы на примере Грузии можно продемонстрировать на примере трех конкретных случаев (Case-study) методом ситуационного анализа:

Первый случай (внутренний кейс): в феврале 2017 года в прямом эфире «Пирвели ТВ» начало свою политическое ток-шоу новостью о том, что один из грузинских военных экспертов якобы является чуть ли не предателем страны, потому что в Европарламенте, на основе аналитической статьи опубликованной в грузинской газете «Резонанси»³⁸, был поднят вопрос о возможности превращения Грузии в т.н. «Черный транзит», по которому после разгрома террористических ячеек в Сирии и Ираке могли просочиться террористы «Исламском Халифата - ДАИШ» (террористическая организация), через территорию Грузии в сторону Северного Кавказа и Центральной Азии. В статье было сказано, что на базе «ДАИШ» в Ираке была создана бригада специального назначения, в которую входили 600–700 бойцов. В газете «Резананси» было сказано также о том, что в эту бригаду в основном входили иностранные граждане, которым было легче переезжать в разные страны. Было подчеркнуто что, они уже прошли спецподготовку и находятся на втором этапе подготовки. Также было сказано, что был создан центр ведения гибридной войны и эта бригада перешла в подчинение этого центра. Было высказана возможность того, что через Грузию могли нелегально передвигаться террористы, используя ее как часть т.н. «черного транзитного» коридора. Данный дискурс прошел в Брюсселе в обстановке рабочей и взаимовыгодной атмосферы и стороны пришли к взаимопониманию, в том числе по поводу этой угрозы. Но к сожалению, телевидение «Пирвели ТВ» и ее ведущая Диана Трапаидзе в прямом эфире нарушили элементарные нормы журналистской этики и в частности, нормы Хартии журналистской этики Грузии³⁹, не дав возможность высказать свое мнение тем экспертам, ко-

³⁵ Д. Ольшанский и В. Пеньков «Политический консалтинг», ЗАО издательский дом «Питер», Москва, 2005 год, стр.436

³⁶ В.В. Капралов и М.Н. Черняйков «Взаимосвязь понятий «антигосударственная пропаганда» и «информационная война», военно-теоретический журнал «Военная мысль»№1, МО РФ, Москва, Январь 2018 года Стр.68-69

³⁷ Смотрите там же, стр.70-71

³⁸ «Грузинские эксперты ожидают активизации ДАИШ в Грузии», Eurasia Daily, 23 июня 2016 года, 13:51, смотрите детально: <https://easaily.com/ru/news/2016/06/23/gruzinskie-eksperty-ozhidayut-aktivizacii-daish-v-gruzii>

³⁹ Эдита Бабасян «В Грузии представлена книга «Хартии журналистской этики», «Кавказский узел», 10 октября 2014 года, смотрите детально: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/250523/>

торых без всяких на это причин, обвинили в тяжких деяниях. Хотя позже, ровно через десять месяцев, 20-21 ноября 2017 года именно террористы «ДАИШ» центра под руководством международного террориста Ахмада Чатаева, воспользовались этим коридором в центре Тбилиси, устроив террористический рейд и после 20-часового противостояния были ликвидированы⁴⁰. Как видно из этого случая, эксперты были абсолютно правы и против них «Пирвели ТВ» использовало т.н. «серый фейк-ньюс» и к сожалению, такие явления на грузинских телеканалах не новость, а привычная практика.

Второй случай (внешний кейс): начиная с 2014 года началась серьезная атака на биологическую лабораторию имени сенатора Лугара, которая была открыта в Грузии в 2002 году. Реальная история этого центра связана со строительством лаборатории на основе двухсторонних договоренностей США и Грузии. Строительство центра началось в 2004 году на основе рамочного соглашения, подписанного между правительствами США и Грузии в 1997 году, и соглашения, достигнутого в 2002 году между министерством обороны США и министерством обороны Грузии «О сотрудничестве в области предупреждения распространения технологий, патогенов и опыта с целью развития биологического оружия».

Центр им. Лугара со всем своим оборудованием полностью принадлежит правительству Грузии. Он объединяет современные биомедицинские лаборатории 2-го и 3-го уровней, оснащенные современным оборудованием для своевременного выявления и идентификации патогенов и опыта с целью развития биологического оружия⁴¹. Это реальность, а Российская Федерация ведет по поводу лаборатории Лугара настоящую информационно-психологическую войну и даже перешла в фазу кибервойны. Этот факт подтверждается атакой «неизвестных» хакеров, которые похитили из базы лаборатории им. Лугара медицинскую документацию и важную информацию о борьбе с пандемией коронавируса⁴². Здесь уже понятно кто стоит за этими «хакерами». То, что Российские спецслужбы используют в борьбе против лаборатории «красную пропаганду» и в соответствии с этой стратегией распространяют «черный фейк-ньюс», как технологию психологической войны, можно привести конкретные примеры – российское правительственное Информационное агентство ИТАР-ТАСС распространило такой «фейк-ньюс»: «Бывший министр госбезопасности Грузии Игорь Гиоргадзе в конце 2018 года заявил, что располагает документами, подтверждающими проведение там опасных экспериментов. В Грузии эти обвинения назвали абсурдными, а в Москве заявили, что запросят у США документы о деятельности лаборатории»⁴³, а другое пророссийское электронное государственное информационное агентство РЕС, подконтрольное официальной Москве, выпустило материал под таким названием: «Лаборатория Лугара – серьезная угроза безопасности всему Кавказу»⁴⁴.

Третий Случай (внешней кейс): еще один факт проявления информационно-психологической войны связан с негосударственными акторами, которые также в состоянии бороться с помощью пропаганды и «фейк-ньюсов». Дело касается ведения информационно-психологической войны спецслужбами «ДАИШ», которые уже в 2015-16 годах создавали свой пропагандистские сайты, в том числе по методологии «красной пропаганды», которые были высоко профессионально сотворены, преимущественно информационным агентством «Фурат», подконтрольным руководству «ДАИШ».

⁴⁰ Нестан Чарквиани «В Грузии задержали пятерых сообщников Ахмада Чатаева», радио «Голос Америки», 26 декабря 2017 года, 17:38, смотрите детально: <https://www.golosameriki.com/a/georgia-terrorist-arrest/4179619.html>

⁴¹ Тамара Зантария «Лаборатория Лугара и российская дезинформация» - [livepress.ge](https://www.livepress.ge), 25.06.2020, 10:03, смотрите детально: <https://www.livepress.ge/ru/2019-05-11-09-09-59/article/34824-2020-06-25-06-09-06.html>

⁴² «Хакерская атака на Минздрав Грузии – украдены документы по лаборатории Лугара» - ГрузияOnline, 03.09.2020, 15:59, смотрите детально: <https://www.apsny.ge/2020/mil/1599173982.php>

⁴³ «Президент Грузии назвала кибератаку на лабораторию Лугара попыткой запугать Тбилиси», ИТАР-ТАСС, 4 сентября 2020 года, 16:26, смотрите детально: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9374451>

⁴⁴ И. Плиев «Лаборатория Лугара – серьезная угроза безопасности всему Кавказу», РЕС, 07.11.2019, 21:44, смотрите детально: <http://cominf.org/node/1166526356>

Здесь следует рассмотреть некоторые конкретные плакаты и постеры, которые сделаны в рамках именно «красной пропаганды» и посмотреть обложку первого русскоязычного журнала рекрутов из стран бывшего Советского Союза.

ФОТОН№1:

постер пропагандистов «ДАЙША», где виден джихадист-террорист, показывающий жест «Такфика», и на котором Грузия фактический объявлена зоной боевых действий со стороны «ДАЙШ», а на грузинском написано одна из Сур из Корана.

ФОТОН№2:

этот постер объявляет один из регионов Грузии – Аджарию «Исламским Государством», а главная мечеть в Панкисском ущелье, селении Дуиси, которая выделена на фоне зеленого цвета джихада, также показано, как по методологии «красной пропаганды», в контексте того, что «мы контролируем ситуацию даже в Грузии».

Такой постер был продемонстрирован на одном из сайтов «ДАИШ» на грузинском языке в 2016 году, который оперативно был уничтожен и удален спецслужбами Грузии (оба скрин-шота сделаны мной в 2016 год)⁴⁵.

⁴⁵ V. Maisaia and A. Guchua "The NATO and Non-State Actors ("Al-Qaida", "Taliban" and "DAESH") – The Fourth War Generation Strategy and Its Regional and National Security Geopolitics" in Georgian language, Caucasus International University (CIU), Tbilisi, Georgia, 2020, pp.113-115

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В БОРЬБЕ С «КРАСНОЙ ПРОПАГАНДОЙ» И ДРУГИМИ ВИДАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Стратегические партнеры Грузии в области кибербезопасности и регулирования СМИ, в рамках информационной политики - Европейский Союз, НАТО, США - имеют большое значение. Поскольку киберпреступники являются транснациональными по своей природе, защитить и обеспечить кибербезопасность самостоятельно невозможно. Сотрудничество на международном уровне необходимо в процессе смягчения угроз. Чтобы эффективно реагировать на киберинциденты, данные могут храниться на территории разных стран, что является уязвимой информацией. Своевременный поиск информации невозможен без эффективного международного сотрудничества. Несмотря на то, что Грузия добилась прогресса в области кибербезопасности, большое значение придается стратегии кибербезопасности НАТО и Европейского Союза, а также их опыту. В соответствии с соглашением 2014 года киберзащита стала неотъемлемой частью коллективного сотрудничества, и участие Грузии в системе предназначено для поддержки операций альянса.

Киберпреступность, кибератаки, виртуальные угрозы, информационная война, психологическая война, кибершпионаж, асимметричные угрозы, кибертерроризм и кибербезопасность — вот основные темы исследования и содержания статьи. Также предметом исследования является то, с какими серьезными проблемами и опасностями сталкивается цивилизованный мир, какую пользу он приносит в развитие технологий и в то же время, какие вызовы возникают ежедневно. Возможности разных стран с точки зрения кибертехнологий, например: США, Россия, террористическая сеть «Исламского халифата», Китай и так далее. Также значительная часть статьи посвящена анализу возможностей Грузии в плане кибертехнологий и того, как небольшие государства могут защитить себя. Следует отметить, что единственная гарантия стабильности – это западный курс, членство в НАТО и Евросоюзе. Эти организации обладают самыми крупными и наиболее эффективными защитными механизмами или возможностями. В этом отношении Грузия находится на правильном пути. Тем не менее, чтобы стать полноправным членом западного мира, все еще требуется много работы и финансов.

«Фейковые новости - серьезная угроза, и единственный способ защиты от них - анализ. Кроме того, у нас должно быть одно правило, вытекающее из норм этики: все люди имеют право верить в то, что они хотят, но не должны заниматься пропагандой, если они не заинтересованы в этом. Понаблюдайте за своими эмоциями после прочтения, эмоция - плохой советчик. Проверьте источник (обширная тема). Также в названии часто чувствуется «пожелтение». Подумайте о признаках дезинформации. Проверьте факты. Подумайте, насколько объективно вы их воспринимаете. Если вы не уверены, не распространяйте эту информацию. Лучше не распространяться, кому вы собирались послать, тот и сам найдет. «Распространение создает ажиотаж, который вернется к вам обратно».

На уровне национального противодействия информационных угроз и рисков следует реализовать следующие конкретные меры и начать сотрудничество по линии информационной и виртуальной безопасности со стратегическими партнерами. В частности, следовало бы принять соответствующие меры:

1) Наладить прямые связи и начать тесное сотрудничество со структурами международной службы НАТО, которые занимаются вопросами стратегических коммуникаций и ведут борьбу против дезинформации и психологической войны. Здесь уместно создать специальную рабочую группу под эгидой Военного комитета НАТО по стратегическим коммуникациям и начать очень тесно сотрудничать с передовым центром **стратегической коммуникации НАТО в Риге**. Как известно, миссия центра заключается в проведении исследований и разработке рекомендаций по нескольким на-

правлениям коммуникации: информационные и психологические операции, общественные отношения, пропаганда;

2) В обязательном порядке и срочно разработать Стратегию национальной информационной безопасности, которая создаст фундаментальную основу для эффективной борьбы с конкретными виртуальными и информационными угрозами, исходящими извне. Несмотря на тот факт, что в Грузии с 2012 года действует закон об информационной безопасности и этот закон положил начало работе группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности (CERT) в Грузии и позже в мае 2013 года были приняты два документа - Стратегия безопасности киберпространства и План внедрения стратегии на 2013-2015 годы, этого явно недостаточно для обеспечения полной безопасности в информационной среде и для борьбы с любыми видами пропаганды, исходящими извне⁴⁶. Поэтому надо приложить все усилия для достижения конкретной цели - полноправного обеспечения информационной безопасности на локальном уровне;

3) Для большей защиты виртуального информационного поля на национальном уровне было бы не плохо создать единую систему разведывательных служб по кибербезопасности и по предотвращению информационных атак. К тому же в обязательном порядке следовало бы выработать «Национальную доктрину обороны кибербезопасности и психологической войны».

ВЫВОД:

В Грузии (особенно в послевыборный период 2020 года) идет гражданская кибервойна, в которой используется как отдельные направления и интернет-атака, так и элементы информационной войны, масштаб фейковых новостей, их вредное влияние на значительную часть общества и социальные сети. Формирование в политические сети, гражданская кибератака — это не просто попытка получить информацию в компьютерных сетях или программах или закрыть те же сети и программы; в этом же русле следует рассматривать и термин «гражданская информационная война», которая стала новым явлением 21-го века. Ситуация в Грузии в этом плане плачевная, одна сторона борется за возвращение к власти, другая - разоблачает. В итоге мы получаем две противоборствующие стороны и, конечно, страдает общество. В результате следует выделить следующие моменты в рамках усиления борьбы с информационно-психологической войной, которая ведется извне более изощренными средствами и технологиями. Здесь выделяются новые формы борьбы с этой войной, когда следует более внимательно и детально изучить и выявить реальную сущность ее задач и целей. Интенсивная кибервойна и информационно-психологическая война, которую ведет Российская Федерация против бывших Советских республик, а ныне суверенных стран, в том числе Грузии (на примере, «красной пропаганды» и «красного фейк-ньюса» о лаборатории Лугара в Тбилиси) проявляются, как новые военные угрозы и вызовы, которые подрывают среду национальной безопасности и угрожают суверенитету страны. Для обуздания таких угроз следует наращивать сотрудничество со стратегическими партнерами, на примере, НАТО со своей структуры по линии стратегических коммуникаций, США, стран-членов Евросоюза. Параллельно с этим следует создать мощную концептуальную и законодательную базу для усиления информационной политики и создание новой модели стратегии информационно-психологической безопасности. Отдельным пунктом следует выделить новую доктрину виртуальной национальной безопасности и подходить более креативно к делу формирования нового мышления в сфере информационной и виртуальной (кибер) безопасности, принимая во внимание реалии 21-го века.

⁴⁶ «Национальный ИКТ – профайл Грузии. Часть б: Информационная безопасность и защита информации», Digital Report, 13.10.2014, смотрите детально: <https://digital.report/gruziya-informatsionnaya-bezopasnost/>

МОНОГРАФИЯ

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ
МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА
на ЮЖНОМ
КАВКАЗЕ

АЗЕРБАЙДЖАН
АРМЕНИЯ
ГРУЗИЯ

